

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 81 № 3 2022 Май—Июнь

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанини* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk
SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language

Volume 81 No. 3 2022 May–June

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tat'yana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2022
  - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2022
  - © Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2022, Том 81, Номер 3

О русском восприятии Байрона: научные заметки Российского байроновского общества

Байрон в России: о подготовке 47-го съезда Международной ассоциации байроновских обществ <i>Е. В. Халтрин-Халтурина</i>	5
Вячеслав Иванов и феномен байронизма: аспекты свободы <i>Я. Ю. Муратова</i>	10
Мережковский и Байрон <i>И. А. Шишкова, Е. А. Кешокова</i>	18
“Добрая ночь” Байрона и Козлова как русская народная песня <i>Д. А. Супрунова</i>	24
Русский Байрон в XXI веке: заметки о современных переводах <i>Sun of the Sleepless</i> <i>М. Р. Ненарокова</i>	32
<hr/>	
“Три оды парафрастические псалма 143”: религия и политика в поэтическом состязании Третьяковского, Ломоносова и Сумарокова в 1743 г. <i>В. Л. Коровин</i>	40
Женское творчество глазами Зинаиды Гиппиус <i>А. В. Протопопова, И. А. Протопопов</i>	52
Жанр клятв в монгольско-маньчжурских источниках <i>Л. С. Дампилова, Н. Н. Николаева</i>	64
От Моравии до Пскова: текст и экстратексты Софийской триоди <i>В. Б. Крысько, И. М. Ладыженский, Г. А. Мольков</i>	74
Субъективная и объективная ориентация в пространстве средствами местоименного дейксиса в датском языке <i>Д. Б. Никуличева</i>	93
“Радуюсь за ваши успехи вокруг Фонтана...”: три письма из архивов Г.О. Винокура и Б.В. Томашевского <i>Предисл., публ., подгот. текстов и примеч. А. В. Маньковского и Е. А. Амитиной</i>	104

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2022, Volume 81, Issue 3

Byron's Reception in Russia: Notes by Members of the Russian Byron Society

Byron in Russia: Approaching the 47 th Conference of International Association of Byron Societies <i>E. V. Haltrin-Khalturina</i>	5
Vyacheslav Ivanov and the Phenomenon of Byronism: Aspects of Liberty <i>Ia. I. Muratova</i>	10
Merezhkovsky on Byron <i>I. A. Shishkova, E. A. Keshokova</i>	18
“Good Night” by Byron and Kozlov as a Russian Folk Song <i>D. A. Suprunova</i>	24
Russian Byron in the XXI Century: Notes on Modern Translations of <i>Sun of the Sleepless</i> <i>M. R. Nenarokova</i>	32
“Three Paraphrastic Odes of Psalm 143”: Religion and Politics in the Poetry Contest of Trediakovsky, Lomonosov and Sumarokov in 1743 <i>V. L. Korovin</i>	40
Feminine Writing as Seen by Zinaïda Gippius <i>A. V. Protopopova, I. A. Protopopov</i>	52
The Genre of Oaths in Mongolian-Manchurian Sources <i>L. S. Dampilova, N. N. Nikolaeva</i>	64
From Moravia to Pskov: Text and Extratexts of the St. Sophia Triodion <i>V. B. Krysko, I. M. Ladyženskij, G. A. Molkov</i>	74
Subjective and Objective Orientation in Space by Means of Pronominal Deixis in Danish <i>D. B. Nikoulitcheva</i>	93
“I’m Happy for your Progress in Connection with the <i>Fountain...</i> ”. (Three Letters from the Archives of G.O. Vinokur and B.V. Tomashevsky) <i>Intro., publication, prepared texts and notes by A. V. Mankovsky and E. A. Amitina</i>	104

О РУССКОМ ВОСПРИЯТИИ БАЙРОНА:
НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ РОССИЙСКОГО БАЙРОНОВСКОГО ОБЩЕСТВА

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020751-2

Байрон в России: о подготовке 47-го съезда
Международной ассоциации байроновских обществ

© 2022 г. Е. В. Халтрин-Халтурина

Доктор филологических наук,
доктор философии в области англоязычной филологии (США),
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
el.haltrin@imli.ru

Резюме. Статья посвящена деятельности Российского общества байронистов в последние десятилетия. Особое внимание уделено освещению работы оргкомитета в 2020–2022 гг. по подготовке 47-го съезда Международной ассоциации байроновских обществ, проведение которого планировалось в 2022 г. Дается общая оценка современного состояния байроноведения, обсуждаются перспективы работы российских байронистов, связанные с актуальной проблематикой сравнительного литературоведения, историей интеллектуальной культуры и научной эдиции.

Ключевые слова: русское восприятие Дж. Г. Байрона, деятельность Российского байроновского общества, Международная ассоциация байроновских обществ (IABS), съезды байронистов, международные культурные связи, научные издания Байрона и литературы о нем.

Для цитирования: Халтрин-Халтурина Е.В. Байрон в России: о подготовке 47-го съезда Международной ассоциации байроновских обществ // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 5–9. DOI: 10.31857/S160578800020751-2

Byron in Russia: Approaching the 47th Conference
of International Association of Byron Societies

© 2022 Elena V. Haltrin-Khalturina

Doct. Sci. (Philol.) (Russia),
PhD in English (USA),
Leading Researcher at A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
el.haltrin@imli.ru

Abstract. The article surveys scholarly activities of the members of the Russian association of Byronists during recent decades. There offered an account of work in preparation for the 47th International Conference of Byron Societies (which was expected to be held in Summer 2022) completed by the organizing committee in years 2020–2022. The current state of international scholarly connections and Byronic studies is discussed. The prospects of the work of Russian Byronists related to the current problems of comparative literature, the history of intellectual culture and Russian scholarly editing are estimated.

Key words: Russian reception of Byron, activity of the Russian Byron Society, The International Association of Byron Societies, international Byron conferences, international cultural relations, critical editions and studies of Byron.

For citation: Haltrin-Khalturina, E.V. *Bairon v Rossii: o podgotovke 47-go sjezda Mezhdunarodnoi assotsiatsii baironovskikh obschestv* [Byron in Russia: Approaching the 47th Conference of International Association of Byron Societies]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 5–9. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020751-2

Летом 2022 года в Москве планировалось проведение очередного 47-го научного съезда Международной ассоциации байроновских обществ (International Association of Byron Societies). По согласованию с руководством международной ассоциации главными площадками проведения съезда были определены ИМЛИ РАН и Литературный институт им. А.М. Горького. Съезды являются крупным событием международной научной жизни. Обычно в них принимают участие несколько десятков видных ученых филологов из Европы, США и Азии. Сквозной темой каждого международного съезда байронистов неизменно становится рецепция творчества и фигуры Байрона в культуре страны, принимающей съезд. В то же время, как правило, предлагается дополнительный ракурс рассмотрения творчества поэта, определяющий тематику большинства докладов. В 2022 году, наряду с русской рецепцией Байрона, заявлена тема “Поэт и читатель”, подразумевающая изучение не только байроновского круга чтения и его архивов, но также отклики на произведения Байрона, встречающиеся в творчестве литераторов, деятелей искусства и науки, в биографических заметках совершенно разных исторических личностей, вне зависимости от их национальной принадлежности. Многие зарубежные члены Международной ассоциации байроновских обществ прислали заявки на участие в московской конференции 2022 г. (их более 40), заявив доклады по проблемам сравнительного литературоведения, англо-русских связей, творчества Пушкина, Лермонтова, Тургенева, писателей Серебряного века. В настоящее время признано целесообразным перенести сроки проведения съезда на более позднюю дату.

В заявленных докладах вновь и вновь возникает вопрос: на основании чего Байрон, с его противоречивостью чувств и страстной мятежностью, пользуется постоянной любовью российских писателей и читателей? Почему Байрон столь хорошо известен в России? Зачем им увлекались и продолжают увлекаться наши великие поэты и писатели, величая его “властителем дум”? Ведь и сегодня остается справедливым наблюдение, сделанное более 100 лет назад Н.А. Хомяковым (сын славянофила А.С. Хомякова), выступавшим в поддержку англо-русской дружбы на почве

литературы и искусства, который признавал, что “Шекспир, Вальтер Скотт, Диккенс и Байрон более популярны в России, чем в любой другой стране” мира [1, с. 5]; [2].

На эти вопросы о глубокой русской увлеченности Байроном по-своему отвечали исследователи разных поколений. О русском Байроне размышляли Н.В. Гербель, А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Д.П. Святополк-Мирский, М.П. Алексеев, А.А. Елистратова, Н.Я. Дьяконова, В.Э. Вацуро, Н.А. Соловьева, В.М. Толмачев, С.А. Небольсин, В.С. Баевский, В.И. Сахаров, Е.П. Зыкова и мн. др. Трудно назвать российского специалиста по литературе XIX века, который обошел бы эти вопросы стороной, не касаясь фигуры байронического героя, жанра байронического лирического стихотворения, темы хандры и сплина, темы воли и вольности, темы восстаний и революций, а также своеобразного творческого диалога Байрона, Пушкина, Мицкевича и их современников.

Отдельный интерес вызывает изучение круга Байрона на фоне самых разнообразных межкультурных связей. Примечательны разыскания, касающиеся потомков поэта — его дочери Ады Лавлейс и внучки Анны Блант. К примеру, в англоязычном коллективном труде “Байрон и ориентализм”, подготовленном П. Кохраном (науч. ред. англ. ПСС Байрона в 13 т. [3]), приводится специальная справка о восточных путешествиях Анны Блант, которая вместе с супругом много путешествовала по Северной Африке и Ближнему Востоку, владела арабским языком, выступила автором нескольких серьезных научных работ, а также занималась коневодством и привезла в Англию для разведения чистокровную арабскую породу лошадей [4, р. 153–154]. Однако в английских справочных материалах об Анне Блант зачастую опускаются факты, представляющие непосредственный интерес для российского читателя. Так, в 1904 г. Анна Блант в качестве переводчицы приняла участие в переписке главного муфтия Египта с Л.Н. Толстым. Именно ее автограф (перевод письма муфтия с арабского на английский) долгое время использовался российскими толстоведами как основной источник этого текста. Впервые с арабского на русский, минуя промежуточную английскую версию Анны Блант,

письмо было переведено российским арабистом только в 2009 г. (Подробно историю арабского письма к Л.Н. Толстому, его факсимильное воспроизведение, транскрипцию и точный русский перевод см.: [5].)

Очевидно, что в пополнении реального комментария, уточняющего исторические и биографические факты, связанные с великими писателями и общественными деятелями разных стран мира, на равных правах участвуют ученые всего международного сообщества. Возвращаясь к вопросу русского восприятия творчества Байрона, однако, целесообразно обратить внимание на некоторые несходства между англо-американским и российским байроноведением. Нюансы различных подходов выявляются не только при доскональном изучении теоретических источников, но и практически: во время живых научных встреч, международных симпозиумов и семинаров.

Если очень лаконично подойти к освещению взаимодействия российских байронистов с английскими, происходившего исключительно в лоне общества байронистов за последние четыре десятилетия, то можно ограничиться упоминанием нескольких важных публикаций. Прежде всего это статья Нины Яковлевны Дьяконовой о журнале Печорина в материалах 6-го международного семинара байронистов 1979 г. (опубл. 1981/1982: [6]), обзорная статья Светланы Борисовны Климовой (Королёвой) о русском восприятии Байрона в начале XIX века [7], а также материалы конференции, состоявшейся в России совместно с небольшой группой западных байронистов в 2009 г. [8]. Последняя публикация примечательна тем, что в ней приняли участие профессор Питер Кохран (в то время – председатель Международной ассоциации байроновских обществ и главный редактор английского 13-томного ПСС Байрона), а также его аспиранты. С российской стороны важно отметить участие заслуженного профессора МГУ Натальи Александровны Соловьевой (в то время – председатель Российского байроновского общества). Организация этой конференции и приглашение зарубежных байронистов в Россию – несомненная заслуга профессора Ирины Алексеевны Шишковой, которая более двух десятилетий является постоянным российским участником многих международных байроновских семинаров и конференций. Благодаря серьезной научно-организационной работе И.А. Шишковой Российское байроновское общество проводит регулярные семинары на базе Литературного института им. А.М. Горького, устраивает выездные конференции (Михайловское

2009 г., Тарханы 2014 г.), опирается на поддержку Российской ассоциации преподавателей английского языка (Е.Н. Черноземова, Е.В. Сомова, М.И. Никола, Н.И. Прозорова, В.А. Соколова и др.), ученых из ИМЛИ РАН и готово выступить организатором 47-х международных байроновских чтений.

Какова же специфика западных подходов к изучению Байрона, которую целесообразно отметить в нашем обзоре? Кроме очевидных расхождений в толковании отдельных историко-политических событий (например, Русско-турецкие войны) следует пояснить выбор текстологической базы.

Тексты Байрона на языке оригинала принято цитировать по следующим научным изданиям: поэзию – по 7-томному собранию поэтических сочинений Байрона под ред. Джерома МакГанна [9], письма и дневники – по соответствующему 11-томному изданию под ред. Лесли А. Маршанда [10], прозаические фрагменты – по изданию под ред. Эндрю Николсона [11]. Среди собраний, предназначенных студентам и содержащих немало полезных комментариев, – нортоновское издание под ред. Элис Левин [12].

Российские литературоведы используют помимо этих текстов переводные собрания сочинений Байрона, хотя с каждым отдельным произведением по-прежнему приходится проделывать серьезную работу по выявлению, сравнению и анализу существующих переводов (см., например, как это делается, в [13]). Что касается русских переводов корреспонденции Байрона, то такое научное издание было подготовлено в 1963 г. для академической серии “Литературные памятники” и до сих пор пользуется заслуженным вниманием байронистов [14].

Среди задач, стоящих перед российскими исследователями творчества Байрона, – подготовка аннотированной библиографии, в которой были бы указаны существующие русские переводы и критическая литература о поэте на русском языке. Образцом для такого издания могут послужить библиографии “русских” Шекспира, Теккерея, О’Генри, Жорж Санд. Немаловажным является также анализ эстетических концептов “живописное” (picturesque), “возвышенное” (sublime) и “прекрасное” (beautiful), важных для понимания английской специфики творчества Байрона на фоне российских литературно-философских произведений. Наконец, невозможно раскрыть необычайную привлекательность Байрона для российской культуры без тщательного анализа разных аспектов понятия “свобода” в том виде,

как это понятие мерцало разными гранями в английском и русском узусе.

Согласно английским исследователям (см.: [15]; [16]), в романтической Великобритании бытовало три распространенных термина, связанных с понятием “свобода”: liberty / independence / freedom. Первое (liberty) было связано скорее с политическими и нравственными свободами (ср. лозунги Французской революции, а также понятие “либертинизм”); второе (independence) выражало интеллектуальную и материальную независимость; третье (freedom) часто ассоциировалось с духовной свободой и творческим волеизъявлением. Байрон — не единственный английский романтик, для которого были важны все виды свободы (ср., например, Уильяма Вордсворта и его поэтическую философию свободы [17]). Однако именно Байрон приобщился, казалось бы, ко всем видам свободы, включая иллюзорные и отъявленно либертинские, но также сумел подняться до тех высот духа и самоотречения, которые дарят ощущение полной и истинной свободы. Он был слишком широк, как бывает “широк русский человек”, которого “надо бы сузить”. Возможно, эта самая широта и способность достичь подлинной независимости своих суждений так привлекательны для многих поколений россиян. В самом деле, Байрон не просто рассуждал о свободе вероисповедания ирландских католиков, но пытался действительно влиять на общественно-политическую ситуацию. Он не был “диванным философом”, который издали, по газетной прессе судил об освободительном движении в Греции, взирая на это сквозь искажающие и весьма мутные линзы чужих очков: Байрон прибыл прямо на место событий и делал собственные выводы о происходящем.

Учитывая сказанное, не приходится удивляться тому, что в последние десятилетия особый интерес исследователей (как отечественных, так и зарубежных) привлекает фигура Байрона в восприятии русских поэтов, писателей и философов начала XX века, переживших исторические катаклизмы и серьезно размышлявших о многоаспектном понимании свободы. В предварительной программе 47-го Международного съезда байроновских обществ заявлено несколько докладов по этой проблематике.

В публикуемых ниже статьях, подготовленных членами Российского общества байронистов и членами оргкомитета съезда, предложено осветить фигуру “русского” Байрона в нескольких ракурсах. Открывает нашу подборку статья Я.Ю. Муратовой “Вячеслав Иванов и феномен

байронизма: аспекты свободы”. Продолжает дискуссию научное сообщение, подготовленное И.А. Шишковой и Е.А. Кешоковой, “Мережковский и Байрон”. Затем следует статья Д.А. Супруновой «“Добрая ночь” Байрона и Козлова как русская народная песня», посвященная русской трансформации одного известного байроновского отрывка, оставившего отголоски в творчестве Достоевского и Есенина. Завершает подборку работа М.Н. Ненароковой «Русский Байрон в XXI веке: заметки о современных переводах “Sun of the Sleepless”», посвященная обзору переложений одного стихотворения из “Еврейских мелодий” Байрона. Известный ранний перевод этого стихотворения — “Бессонного солнце, в тумане луна!..” — был выполнен И.И. Козловым, “жарким обожателем Байрона”, который “занял много <его> погрешностей <...> и немалое количество его красот” [18, с. 226]. Опубликован перевод Козлова был в “Северных цветах” на 1826 год — там же, где годом ранее появился его перевод байроновской “Доброй ночи”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Казнина О.А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века / ИМЛИ РАН. М.: Наследие, 1997. 416 с. [Kaznina, O.A. *Russkiye v Anglii. Russkaya emigratsiya v kontekste russko-angliiskikh literaturnykh svyazei v pervoi polovine 20 veka* [The Russian in England. Russian Emigration in the Context of the Russian-English Literary Connections of the 1st half of the 20th century]. Moscow, Naslediye Publ., 1997. 416 p. (In Russ.)]
2. Homyakov, Nicholas. “Bases of Anglo-Russian Friendship”. *The Russian Review. A Quarterly Review of Russian History, Politics, Economics and Literature*. 1912. Vol. 1, No. 2, p. 9–19.
3. *Lord Byron: The Complete Works in 13 Volumes*, ed. by P. Cochran. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2009. [4186] p.
4. Cochran, Peter. “Epilogue: the example of Lady Anne Blunt”. *Byron and Orientalism*, ed. by P. Cochran. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 153–154.
5. Куделин А.Б. Переписка Мухаммада ‘Абду и Льва Толстого (из истории русско-арабских культурных связей в начале XX века) // Письменные памятники Востока <журнал Института восточных рукописей РАН>, 2009, 1 (10). С. 181–187. [Kudelin, A.B. *Perepiska Mukhammada Abdu i L'va Tolstogo (iz istorii russko-arabskikh kulturnykh svyazei v nachale 20 veka)* [Correspondence between Sheykh Muhammed ‘Abdou <‘Abduh> and Leo Tolstoy (from

- the History of Russian-Arab Cultural Ties in the early 20th century)]. *Pismennye pamiatniki Vostoka* <Journal of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS>, 2009, No. 1 (10), pp. 181–187. (In Russ.)]
6. Diakonova, Nina. “Byron and Lermontov: Notes on Pechorin’s ‘Journal’”. *Lord Byron and His Contemporaries: Essays from the Sixth International Byron Seminar*, ed. by Charles E. Robinson. London and Toronto: Univ. of Delaware Press, 1982. P. 144–165.
  7. Klimova, Svetlana. “The Reception of Byron’s Poetry in Russian Literature at the Beginning of the Nineteenth Century”. *Byron and Orientalism*, ed. by P. Cochran. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 263–285.
  8. Западный пушкинизм и российский байронизм: проблемы взаимосвязей. Материалы XIX Международной конференции Российской ассоциации преподавателей английской литературы (Москва – Михайловское, 1–5 июля 2009) / Под ред. И.А. Шишковой. М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2009. 200 с. [*Zapadnyi pushkinizm i rossiiskii baironizm: problemy vzaimosvyazei. Materialy XIX Mezhdunarodnoj konferencii Rossijskoj associacii prepodavatelej anglijskoj literatury (Moskva – Mihajlovskoe, 1–5 iyulya 2009)*. Pod red. I.A. Shishkovej [Western Pushkinism and Russian Byronism: Problems of Interrelationships. Proceedings of the XIX International Conference of the Russian Association of Teachers of English Literature (Moscow – Mikhailovskoye, July 1–5, 2009)], ed. by Irina A. Shishkova]. Moscow, Maxim Gorky Literary Institute of Creative Writing, 2009. 200 p. (In Russ.)]
  9. *Lord Byron: The Complete Poetical Works* (in 7 vols.), ed. Jerome J. McGann and Barry Weller. Oxford, Clarendon Press, 1980–1993.
  10. Byron, G.G., Lord. *Byron’s Letters and Journals* (in 11 vols.), ed. by L.A. Marchand. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1973–1982.
  11. *Lord Byron: the Complete Miscellaneous Prose*, ed. A. Nicholson. Oxford, Clarendon, 1991. 616 p.
  12. *Byron’s Poetry and Prose*, ed. by Alice Levine. 2nd ed. W. W. Norton & Company, 2009. 1088 p.
  13. Чеснокова Т.Г., Прокопенкова В.В. Рецепция образа романтического героя в первом поэтическом переводе поэмы Дж.Г. Байрона “Гяур” // Вестник МПГУ. Серия “Филология, теория языка, языковое образование”. 2016. № 2 (22). С. 25–31. [Chesnokova, T.G., Prokopenkova, V.V. *Receptsiya obraza romanticheskogo geroya v pervom poeticheskom perevode poemy Dzh.G. Bajrona “Gyaur”* [The Reception of the Romantic Hero in the First Poetic Translation of G.G. Byron’s ‘The Giaour’]. *Vestnik MPGU* [Bulletin of the Moscow Pedagogical State University]. 2016, No. 2 (22), pp. 25–31. (In Russ.)]
  14. Байрон. Дневники. Письма / Изд. подгот. З.Е. Александрова, А.А. Елистратова, А.Н. Николукин; Отв. ред. В.М. Жирмунский. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 440 с. (Сер. “Литературные памятники”). [*Bairon: Dnevniki. Pis’ma. Izd. podgot. Z.E. Aleksandrova, A.A. Elistratova, A.N. Nikoluyukin; Otv. red. V.M. Zhirmunskij* [Byron: Journals and Letters. Comp. by Z.E. Aleksandrova. A.A. Yelistratova, A.N. Nikoliukin; ed. by V.M. Zhirmunsky]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 440 p. (In Russ.)]
  15. Beer, John. “Nature and Liberty: The Nature of Unstable Concepts”. *The Wordsworth Circle*, Vol. 14, No. 4 (Autumn 1983), p. 201–213.
  16. Beatty, Bernard; Howe, Tony; Robinson, Charles. *Liberty and Poetic Licence: New Essays on Byron*. Liverpool, Liverpool Univ. Press, 2008. 256 p.
  17. Haltrin-Khalturina, Elena V. “*Uncouth Shapes*” and *Sublime Human Forms of Wordsworth’s the Prelude in the Light of Berdyaev’s Personalistic Philosophy of Freedom* [PhD diss. defended at LSU]. Ann Arbor, UMI Dissertation Services, 2002. VI + 226 p.
  18. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) <1951> / Ред. тома И.С. Зильберштейн; АН СССР; ИМЛИ. М.: Наука, 1982. 864 с. (Сер. “Литературное наследство”, т. 91). [Alekseyev, M.P. *Russko-angliiskiye literaturnye svyazi (18 vek – pervaya polovina 19 veka)* [Russian-English Literary Relations (the 18th century – the first half of the 19th century). Ed. I.S. Zilbershtein; Academy of Sciences of the USSR; IWL]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 864 p. (In Russ.)]

Дата поступления материала в редакцию: 11 апреля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 апреля 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.

Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on April 11, 2022

Revised on April 25, 2022

Accepted on April 29, 2022

Date of publication: June 30, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020753-4

Вячеслав Иванов и феномен байронизма: аспекты свободы

© 2022 г. Я. Ю. Муратова

Кандидат филологических наук,
доцент Литературного института имени А.М. Горького,
Россия, 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25
Y_Muratova@mail.ru

Резюме. В статье исследуется своеобразный взгляд Вяч. И. Иванова на феномен байроновского творчества, а именно на проблему свободы и ее специфические формы, выразившиеся в байронизме. Приводится романтическая “типология” свободы, выраженная в терминах “freedom”, “liberty”, “independence”. Отмечается, что Байрон в русской культуре воспринимается изначально через пушкинскую оценку, где есть и восхищение “певцом свободы”, и подражание, и критическое отношение к “мрачному характеру” байронических героев. Пушкинская линия в отношении к байроновскому наследию будет воспринята и развита Достоевским в “Пушкинской речи” и Вяч. Ивановым в его статьях “Байрон и идея анархии”, «О “Цыганах” Пушкина», “Байронизм, как событие русского духа”, “Роман в стихах”. Отдельный интерес представляют размышления Иванова об анархии как высшей форме свободы в связи с последней завершенной поэмой Байрона “Остров”.

Ключевые слова: Байрон, феномен байронизма, Пушкин, типология свободы, Достоевский, Вячеслав Иванов, анархия, “мистический анархизм”, “дикарь”, романтический индивидуализм, утопия, поэма “Остров”, “Цыганы”.

Для цитирования: Муратова Я.Ю. Вячеслав Иванов и феномен байронизма: аспекты свободы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 10–17. DOI: 10.31857/S160578800020753-4

Vyacheslav Ivanov and the Phenomenon of Byronism: Aspects of Liberty

© 2022 Iaroslava I. Muratova

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor of the Maxim Gorky Literary Institute,
25 Tverskoy Blvd., Moscow, 123104, Russia
Y_Muratova@mail.ru

Abstract. The subject-matter of the article is the phenomenon of Byronic work as it is perceived by the Russian outstanding poet-symbolist Vyacheslav Ivanov, particularly the issue of liberty in its specific form of Byronism. It is underlined that in Romanticism the term “liberty” has several gradations – liberty, freedom, independence. In Russian culture Pushkin’s initial evaluation of Byron has been very influential, it combined the admiration of his struggle for independence, appreciation of his style and shrewd criticism of Byronic characters. The Pushkin view of Byron’s legacy was later adopted and developed by Dostoevsky in his *Pushkin Speech* and by Vyacheslav Ivanov in several articles – *Byron and the Idea of Anarchy*, *On Pushkin’s The Gypsies*, *The phenomenon of Byronism in Russian Consciousness*, and the *Novel in Verse*. The article focuses in particular on the ideas of Ivanov about anarchy as the highest form of liberty with regard to Byron’s last completed poem *The Island*.

Key words: Byron, the phenomenon of Byronism, Pushkin, the typology of liberty, Dostoevsky, Vyacheslav Ivanov, anarchy, “mystical anarchism”, “savage”, Romantic individualism, utopia, *The Island*, *The Gypsies*.

For citation: Muratova, Ia.I. *Vyacheslav Ivanov i fenomen bajronizma: aspekty svobody* [Vyacheslav Ivanov and the Phenomenon of Byronism: Aspects of Liberty]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 10–17. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020753-4

Данная статья предлагает коснуться одного из аспектов обширнейшей темы “Байрон и свобода” в контексте русского восприятия байроновского творчества. Нас интересует своеобразный взгляд Вяч. И. Иванова на феномен байронизма, отразившийся в его статьях, вошедших в сборник “По Звездам” (1909): “Байрон и идея анархии”, «О “Цыганах” Пушкина», написанная для 2-го тома сочинений Пушкина в “Библиотеке великих писателей” под ред. С. Венгерова, (1908); “Байронизм, как событие русского духа”, возникшая как речь для заседания петроградского Общества Английского Флага (опубл. 1916), и “Роман в стихах”, написанная сначала по-итальянски в качестве предисловия к итальянскому переводу “Евгения Онегина” и вышедшая в 1937 г. по-русски в LXIII выпуске парижских “Современных записок” вместе с русским текстом речи Иванова “Аспекты красоты и добра в поэзии Пушкина”, произнесенной в этом же году по-итальянски на торжественном собрании по поводу столетия со дня смерти поэта и напечатанной под названием “Два маяка”.

Байрон традиционно воспринимался в России как “певец свободы”. Подобную характеристику можно встретить непосредственно у Пушкина, соединившего фигуру поэта с образами свободы и морской стихии в своем элегическом стихотворении “К морю” (1824), написанном сразу после смерти “оплаканного свободой” английского “властителя наших дум” [1, т. 2, с. 198–200]. Она отражала мятежные настроения участников тайных обществ накануне восстания декабристов, вдохновляла на радикальные действия и быстро закрепилась в среде читающей публики¹. Эта репутация строилась не только на основе мнений литераторов, критиков и просвещенных читателей, но во многом и за счет официальной реакции властей в виде запрета на издание его произведений или очень жёсткой цензуры: так, “Абидосская невеста” была заметно откорректирована

¹ Жирмунский цитирует кн. П.А. Вяземского, который пишет о Пушкине и о Байроне: “Оба поэта были певцами свободы...” [2, с. 22]. “Пророк свободы смелый, Тоской измученный поэт” (Д.В. Веневитинов. “К Пушкину”), “Певец природы, И волн шумящих, и свободы” (И.И. Козлов. “К Вальтер-Скотту”). Цит. по [3]. О вдохновляющем воздействии личности и творчества Байрона на русскую интеллектуальную публику см. [4].

в русском варианте, из русского перевода “Гяура” убрали “Пролог”, на издание “Дон Жуана” был наложен запрет. “Восхищенному вниманию, с которым русское общество следило за действиями Байрона в пользу греческой свободы, и восторженному отклику о нем русских поэтов противостояла, таким образом, не только сложная сеть цензурных запретов и охранительных мероприятий, но и вдохновлявшая их информация Министрства иностранных дел. Это была настоящая борьба общественного мнения и правительственных постановлений за и против Байрона, борьба явных и тайных общественных сил, которую живо ощущали современники и недооценили последующие исследователи политической и культурной жизни 20-х годов” [5, с. 411].

Можно сказать, что в понимании образованного русскоязычного читателя той поры образ свободы, представленный фигурой Байрона, подразумевал, с одной стороны, его политическую позицию, выраженную в горячей защите государственной независимости Греции и непосредственном участии в освободительной борьбе греков против Османской империи; с другой — его новаторство в сфере художественной — разработку жанра лирической поэмы, создание нового типа героя, свежую эмоциональную манеру повествования, в общем, “освобождение от условностей классической поэтики, от бедных и обветшалых правил и схем французского классического искусства” [2, с. 39].

В контексте английского романтизма концепция свободы была тесно связана с теорией Ж.-Ж. Руссо о “естественном человеке” и о возникновении неравенства. Это повлияло на то, что в английском романтическом сознании тема природы логически выводила на проблему свободы: неподконтрольные природные стихии давали созерцающему их поэту надежду на грядущее освобождение человека от социального рабства (Вордсворт и Колридж рубежа XVIII–XIX вв.), “природный порядок” представлялся идеальной моделью будущего свободного человеческого общества (Шелли), в отдельных образах живого мира изображалась свобода от собственной человеческой телесности (Китс). Своеобразная “типология” свободы выражалась через три термина, имеющихся в английском языке для данного понятия: “freedom”, “liberty”, “independence”

[6, p. 203]. Если слово “liberty”, ранее нейтральное, приобрело после революций в Америке и Франции политический оттенок, в радикальных формах близкий русскому “своеволию”, то “independence”, исторически связанное с Гражданской войной в Англии (1642–1651), означало “независимость”, а “freedom” в целом выражало свободу движения и в зависимости от авторского замысла могло быть семантически ближе к “liberty” или “independence”. В глазах современников Байрон как борец за независимость Греции был в семантическом поле “liberty”, тогда как его личностные отношения с миром лучше описываются термином “independence” – “независимость”. Отсюда сквозной мотив бунта, мятежа, восстания байронического героя – от Гяура до Каина и Кристиана – против властного порядка.

Это ясно видел и чувствовал Пушкин. В своих критических статьях и публицистике, посвященных Байрону (черновой набросок “О драмах Байрона” (1827), рецензия «О трагедии Олина “Корсер”» (1827), “Опровержение на критики” (1830), набросок начала статьи “Байрон” (1835)), Пушкин ничего не говорит о свободолюбии творца Чайльд-Гарольда, но отмечает “дерзкое презрение к общему мнению” [1, т. 7, с. 322] как одно из ключевых свойств его натуры. Байрон видится им как “мрачный и сильный характер”, изобразивший самого себя во всех главных героях своих поэм.

Пушкинскую линию в отношении к Байрону, сочетающую восхищение художественным гением и пронизательную критику, продолжит и разовьет в своей публицистике Ф.М. Достоевский. Для него характерно обращение не столько к поэту Байрону, сколько к феномену “байронизма”, и акцент на масштабности, интенсивности и моментальности события: байронизм именуется “великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни и всего человечества” [7, с. 397]. Достоевский продолжает мысль Пушкина о “мрачном гении”: “Это была новая и неслыханная ещё тогда муза мести и печали, проклятия и отчаяния” [7, с. 397]. Но байронизм интересен Достоевскому постольку, поскольку он позволяет объяснить тип “несчастливого скитальца в родной земле”, явившийся у Пушкина в “Евгении Онегине” [8]. Аргументация писателя в Пушкинской речи строится на противопоставлении байронического типа – Онегина – и образа Татьяны Лариной, воплотившей, по мысли Достоевского, все самые высокие черты русского народа. Проблема отчуждения байронической личности от родной земли и корней позже в полной мере реализуется в русских персонажах-нигилистах у Тургенева и Достоевского [9].

Взгляд Достоевского нам важен, поскольку он подводит непосредственно к теме статьи. Во-первых, Достоевский дает байронизму высокую оценку: он отделяет его историческое значение “клапана”, открывшего исход “тогдашней тоске человечества и мрачному разочарованию его в своем назначении и в обманувших его идеалах” [7] от последующих нигилистических форм его развития. Во-вторых, байронизм интересен Достоевскому в его русском, в первую очередь пушкинском, варианте, разговор о Байроне выводит на Пушкина. Эта модель будет учитываться Вячеславом Ивановым, говорившим о своей “страсти к Достоевскому” [10, с. 29], для которого Достоевский был своего рода духовным “маяком”. Есть что-то символическое в том, как на открытии памятника Пушкину 6 июня 1880 г. встретились эти три великих русских художника: юный Иванов, зрелый Достоевский и бронзовый Пушкин.

Интерес Вяч. И. Иванова, поэта-символиста и блестящего филолога, “сверхфилолога”, как его назвал Бердяев [13, с. 280], к творчеству Байрона многоаспектен. Имеется довольно большой корпус ивановских переводов из байроновского наследия: стихи “Прости!” (“Farewell! If ever fondest prayer”), “Разлука” (“When we two parted”), “Романс” (“I speak not, I trace not, I breathe not thy name”), “Романс” (“Юлиан. Отрывок” “Julian. A Fragment”), “Романс” (“There’s not a joy the world can give”), “Романс” (“Bright be the place of thy soul...”), “Романс” (“They say the hope is happiness”) и поэма “Остров, или Христиан и его товарищи” (“The Island, or Christian and his comrades”, 1823), а также названные в начале статьи работы в жанре философской публицистики и литературоведческого исследования [11]. Немаловажен и биографический аспект – в судьбе английского и русского поэтов есть немало созвучных моментов: значительную часть жизни оба были по разным причинам добровольными скитальцами за пределами своей страны и нашли в Италии место эстетической и душевной гармонии, оба нередко заходили за черту общепринятых правил, оба несли тяжкий груз бракоразводных процессов и глубоко переживали сковывающее действие общественных норм². Проблема свободы, ее

² После одного года семейной жизни с Анной Изабеллой Милбенк и скандального развода в 1816 г. Байрон сразу покинул пределы Англии и больше туда не возвращался. Вяч. Иванов уехал учиться в Берлин в 1886 г. и вернулся в Россию из Европы в 1904 г., за это время он развелся с первой женой, Дарьей Дмитриевской, и женился на Лидии Зиновьевой-Шварсалон, бывшей прежде замужем и имевшей детей. После ее смерти в 1908 г. женился на падчерице Вере Шварсалон.

природы и форм занимала ницшеанца Иванова, автора диссертации по культу Диониса, не меньше, чем участника кружка итальянских карбонариев, борца за греческую независимость Байрона.

В статьях сборника “По звездам” Иванов исследует разные варианты свободы в произведениях поэтических “звёзд” — байроновской поэме “Остров” (“Байрон и идея анархии”) и “Цыганах” Пушкина («О “Цыганах” Пушкина»). Написанная в пору первой мировой войны речь “Байронизм, как событие русского духа” звучит как трактат-манифест анархизма, где автор сплавляет мысли из предшествующих статей об анархической утопии и славянской соборности с настроениями и чаяниями исторической обстановки³. Поздняя работа “Роман в стихах” представляет собой развернутый анализ-комментарий “Евгения Онегина” для итальянских читателей, где Иванов возвращается к вопросу использования байроновских моделей русским поэтом. Мы не будем придерживаться хронологического порядка статей в освещении того, как складывалась идея анархической свободы у Иванова, а постараемся передать ее образ, сложившийся к 1916 г. (“Байронизм, как событие русского духа”), обращаясь за примерами к его работам по “Острову” и пушкинским поэмам.

Юношеский мощный порыв в революцию и нигилизм, завершившийся отъездом для учебы в Берлин и почти двадцатилетним странствием по европейскому континенту, сублимировался у Иванова в высшие формы “мистического анархизма”: «<...> мирно-анархическое начало, не исключаемое славянофильской соборностью “с оттенком либеральным”, но ею <...> предполагаемое, есть органическая константа всего его пути» [10, с. 37].

Анархия трактуется Ивановым в духе самоосознанной соборности — наивысшей формы свободы и является полной противоположностью самоволию индивидуализма, с одной стороны, и “самодовольному культу государственности” [10, с. 37] — с другой. Путь анархии дает “возможность примирения личной воли и воли соборной в торжестве безвластия или безначалия, идея синтеза обоих начал — личного и соборного — в общине анархической” [11, с. 284]. Анархическое сознание зиждется на триаде Божьего “Аз есмь”, человеческого “аз есмь” и

³ «Вяч. Иванов связывал с войной надежды на усвоение Россией и вообще “славянством” британского чувства личной свободы (“Байронизм как событие в жизни русского духа”), на “славянскую мировщину”, т.е. освобождение Польши и ее примирение с Россией...» [10, с. 88].

объединяющего вселенского “ты еси” [11, с. 295]. “Анархия, если она не мятеж рабов, должна утверждаться как факт в плане духа”, что подразумевает совершенное духовное очищение личности «и высветление индивидуального сознания, при котором человеческое я отменяет из своего самоопределения все эгоистически-случайное и внешне обусловленное и многообразными путями “умного делания” достигает чувствования своей глубочайшей, сверхличной воли, своего другого, сокровенного, истинного я» [11, с. 320].

Историческая миссия байронизма, вышедшего из Англии, “наставницы народов в науке свободы” [11, с. 292], для общинного славянства и в особенности для России состояла в том, чтобы утвердить самоценность личности и её индивидуальную свободу: “Для славянства он был огненным крещением духа, первую врезавшуюся в сердца, как раскаленная печать, вестью об извечном праве и власти человеческой личности”, — пишет Иванов [11, с. 292], раскрывая смысл слов Достоевского о необходимости и святости байронизма для Европы [7, с. 397]. В героях Байрона, верящего в “личного живого Бога” [11, с. 294], утверждается принцип человеческого достоинства, вытекающий из божественности самого человека. И это достоинство исключает рабскую зависимость и от личной воли другого человека (тирания), и от воли множества (демократическое принуждение). Для общинного типа сознания, не знающего индивидуальной воли, самодовление, самоначалие байроновского героя, который руководствуется своими собственными убеждениями, желаниями и страстями, было необходимым этапом духовного развития. Богоборчество Байрона в глазах “мистического анархиста” Иванова выражало максимальную степень развитости “аз есмь”, достигшую таких титанических масштабов, что личности стало тесно в границах собственного бытия, как духовного, так и телесного. Изгнанничество, “мировая тоска” и странствия байроновских героев и самого поэта являются выражением определенной личностной переразвитости, не находящей места в своей жизни.

“Байронова проблема свободы, как проблема самоутверждающегося бытия и самоопределяющегося характера, в ее наиболее чистой и жизненной форме” [11, с. 294] долго не находит решения в произведениях английского поэта. Центральные герои байронического типа: Гяур (“Гяур”, 1813), Селим (“Абидосская невеста”, 1813), Конрад (“Корсар”, 1814), Лара (“Лара”, 1814), Альп (“Осада Коринфа”, 1816), Манфред (“Манфред”, 1817),

Каин (“Каин”, 1821) – погибают или становятся изгнанниками. Своеволие, не ограниченное высшими началами (“Аз есмь”) и не освященное никакими сердечными чувствами, становится разрушительным для мира и самого себя.

“Загадка Сфинкса” – так обозначил Иванов байроновский конфликт между самоопределяющейся личностью и обществом [11, с. 295] и ответ на нее находил в пушкинском творчестве. В двух блестящих работах – «О “Цыганах” Пушкина» и “Роман в стихах” – исследователь дает глубокий анализ “раскола” Пушкина с Байроном и поиска собственных начал, философского и поэтического самоопределения. Для русского поэта, сложившегося под влиянием ясного и строгого французского канона эпохи Просвещения, байронизм знаменовал переход к новым “дискурсам” постреволюционного века. Прежде всего, он дал создателю “Цыган” “чисто техническое обогащение”, расширил “внешнепоэтический диапазон”: “Байрон открыл Пушкину-художнику много формальных средств и приемов, новый ритм лирического и эпического движения в ходе повествования и в течении речи. Наш поэт подражает ему и в обрисовке лиц и положений, и в стиле описаний, в отступлениях и переходах, в паузах и поэмах” [11, с. 308]. Что касается нового героя – “гордого человека” (в характеристике Достоевского), то Пушкин отразил этот тип в характерах Алеко и Онегина, дав ему собственную оригинальную интерпретацию и оценку, причем более определено и радикально, как утверждает Иванов, нежели сам Байрон или французские романтики.

Важно отметить, что начатые в 1824 г. в Одессе “Цыганы” дописывались в Михайловском осенью того же года параллельно с работой над “Борисом Годуновым” и “Евгением Онегиным”, и проблема “гордого человека” мыслилась Пушкиным в этот период уже значительно шире и сложнее с учетом русского исторического контекста и духовной традиции, чем просто конфликт индивидуалиста и анархической цыганской общины. Пушкин сопоставляет два типа свободы: “байроническое свободолобие” Алеко и “естественную вольность детей природы” [11, с. 302]. В первом случае свобода заключена в сферу собственных интересов и чувств, во втором она пронизывает каждую отдельную личность общины, объединяет и ведет, поскольку строится на триаде Божественного, личностного и вселенского. Таким выразителем высших анархических начал в поэме является старый цыган, принявший “бегущего от закона” Алеко в табор и отдавший ему свою дочь. В самой цыганской общине, как она показана

Пушкиным, вольно кочующей по степям со своим скупым скарбом, неподотчетной никому и никому не навязывающей своих правил, Иванову видится идеал человеческого общежития, пусть лишенного материальных благ, зато владеющего подлинной свободой. Цыгане тоже странники, не примкнувшие к гражданским институтам, отвергаемые общественным порядком за свою вольность, но странничество пушкинских цыган иного порядка, нежели отверженность Алеко или какого-нибудь байронического героя. Им чужд мрачный индивидуализм байронического героя, но и карательная система гражданского общества им чужда: “Мы дики; нет у нас законов; / Мы не терзаем, не казним; / Не нужно крови нам и стонов...” [1, т. 4, с. 233–234]. Для ссыльного Пушкина в образе этих “приверженцев первобытной свободы” [1, т. 7, с. 20] отразились его собственные мечты о независимости; для Иванова это был даже не табор, а “община”, воплощающая высшие чаяния мистического анархизма, в котором поэт-символист видел преодоление байронизма – “русский ответ” на коварную загадку Сфинкса.

Во многих отношениях, таких как изображение дикой экзотики, “первобытных” народов, оппозиция общественного и индивидуального, закона и свободы, мотив утопии, музыкальность художественного языка, поэма “Цыганы” близка “Острову”. Написанная Байроном за год до смерти поэма “Остров, или Христиан и его товарищи”, рассказывающая о действительном мятеже на корабле “Баунти” в южных морях в 1789 г., отмечается Ивановым как явление особенное, как “новое исповедание прав”, “как одна из любопытнейших форм Байронова утверждения свободы” [11, с. 283]. В “Острове” показан как идеальный сценарий для самостоятельной личности, так и предупреждения об опасностях самоволия. Христиан поднимает бунт на корабле и ведет команду к берегам Таити, где “рай избыточных плодов” и “без межей земля” [12], “где нет ни власти над людьми, ни суда и законного принуждения” [11, с. 282]. В поэме поиски преступной свободы приводят Христиана к гибели его самого и части его друзей, в отличие от реального Флэтчера Христиана, укrywшегося на острове Питкэрн. Однако основная линия “Острова” связана с вымышленным персонажем Торквилем, который спасается благодаря любви Ньюги, дочери местного вождя, и ему дано познать утопическую идиллию земного рая. Таким образом, байроновский индивидуализм находит для себя выход в мифе о “золотом веке всеобщего мира и счастья без законов” [11, с. 286], в первобытной общине “дикарей”. “Я очень упростил свою

политику в смысле полной ненависти ко всем существующим правительствам, — цитирует русский поэт английского. — Первый момент общей республики обратил бы меня в защитника деспотизма. Дело в том, что богатство — сила, а бедность — рабство. По всей земле, тот или другой образ правления для народа не хуже, не лучше” [11, с. 288]. Оригинальность поэмы, неочтенная до конца, как замечает Иванов, достигается удивительным синтезом поэтической выразительности, сказочно-мифологических мотивов и политических тем, вобравших в себя анархические проекты П.Б. Шелли и У. Годвина.

Примечательно, что Иванов возвращается к Байрону всякий раз, когда ему нужно прояснить что-либо по творчеству Пушкина. Так, в статье “Роман в стихах” для объяснения итальянским читателям, что такое “Евгений Онегин”, ему требуется сопоставить байроновский романтический стиль в поэме “Дон Жуан” и пушкинский новый реалистический язык в “Евгении Онегине”. Своеобразие байроновской поэтической манеры очаровывает Пушкина, копируется им и, вместе с тем, побуждает его к собственным экспериментам, что ярче всего проявилось на уровне жанра. По мысли Иванова, английский поэт в поисках новых форм выражения обратил свой взор в сторону прозы, что обозначилось в попытке встроить “Чайльд-Гарольда” в формат рыцарской литературы (обозначенный в подзаголовке поэмы средневековый “romant”), лирических отступлениях и потом в реализме и натурализме “Дон Жуана”, несовместимых с привычной поэтической нормой. Однако вместе с новаторскими приемами Байрон использовал спенсерову строфу и октаву — инструменты эпической поэзии, в его героях узнавался сам мрачный, разочарованный и мятежный автор, его сатирический натурализм выходил из романтической иронии; иными словами, Байрон остался в границах романтической парадигмы. Тогда как Пушкину было свойственно “органическое и как бы эллинское чувство меры и соответствия, в особенности же изумительная способность непосредственного и безошибочного различения во всем — правды от лжи, существенного от случайного, действительного от мнимого” [11, с. 326]. Избегая широких театральные жестов и титанического размаха, он дает реалистическую панораму повседневной жизни своего героя, “одного из рядовых люциферов обыденности” [11, с. 326], общества и самого рассказчика. Это невозможно сделать, не обратившись к романному началу, которое дает писателю оптику объективного наблюдения и анализа и открывает перспективу

развития и трансформации характера. Так происходит преодоление романтизма и вход в новую художественную парадигму реализма, Пушкин, по определению Иванова, стоит у истоков русского романа. Снова и снова Иванов подчеркивает, что байроновское интеллектуальное и творческое вольнолюбие открыло для Пушкина новые пути в литературе, но вектор духовного движения русского поэта был совсем иной, противоположный романтическому богоборчеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); 3-е изд. М.: Наука. 1962–1965.
2. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 425 с.
3. *Рак В.Д.* Байрон // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18–19. 2004. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/isj-abc/isj/isj-0381.htm>
4. *Люсова Ю.В.* Рецепция Д.Г. Байрона в России 1810–1830-х годов. Автореф. канд. диссертации. Нижний Новгород, 2006. URL: <https://www.dissertat.com/content/retseptsiya-dg-bairona-v-rossii-1810-1830-kh-godov/read>
5. *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М.: Наука, 1982. 870 с.
6. *Beer J.* Nature and Liberty: The Nature of Unstable Concepts. The University of Chicago Press. The Wordsworth Circle, Autumn 1983, Vol. 14, No. 4 (Autumn 1983), pp. 201–213.
7. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1877 год. Декабрь. Глава II. Пушкин, Лермонтов и Некрасов. С. 397–405. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1877_год_\(Достоевский\)/Декабрь/ГЛАВА_ВТОРАЯ_II](https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1877_год_(Достоевский)/Декабрь/ГЛАВА_ВТОРАЯ_II)
8. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1880 август. Глава вторая. Пушкин. Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей русской словесности // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 425–440. URL: https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol14/02journal_80/331.htm
9. *Коньшев Е.М.* Байроническая личность в изображении Тургенева и Достоевского // Учёные записки Орловского государственного университета. 2013. № 2 (52). С. 193–198.
10. *Аверинцев С.С.* “Скворещниц вольный гражданин”. Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. 167 с.

11. Иванов В.И. Собр. соч. в 4 т. Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт (том IV при участии А.Б. Шишкина). Т. 4. Брюссель, 1987. 804 с.
12. Байрон Дж. Г. Остров, или Христиан и его товарищи. Пер. Вяч. Иванова // Иванов В.И. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1981. URL: http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron3_10.txt
13. Иванов В.И. Борозды и межи. М.: Академический проект, 2021. 557 с.
14. Болтовская Л.Н. Образ свободы в творчестве А.С. Пушкина и Д.Г. Байрона // Христианское чтение. 2015, № 4. С. 186–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-svobody-v-tvorchestve-a-s-pushkina-i-d-g-bayrona/viewer>
15. Козмин Н. Пушкин о Байроне (Речь на юбилейном заседании Научно-Исследовательского Института 6 июня 1924 года) // Пушкин в мировой литературе: Сборник статей / Науч.-исслед. ин-т сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленингр. гос. ун-те. Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 99–112. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=k116dvw64Uc%3D&tabid=10396>
16. Lord Byron. The Island, or Christian and his comrades // The Collected Poems of Lord Byron. Wordsworth Editions Limited, 1994.
6. Beer, J. Nature and Liberty: The Nature of Unstable Concepts. The University of Chicago Press. The Wordsworth Circle, Autumn 1983, Vol. 14, No. 4 (Autumn 1983), pp. 201–213.
7. Dostoevsky, F.M. *Dnevnik pisatelja. 1877 god. Dekabr'. Glava II. Pushkin, Lermontov i Nekrasov* [A Writer's Diary. 1877 December. Pushkin, Lermontov and Nekrasov]. Pp. 397–405. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1877_год_\(Достоевский\)/Декабрь/ГЛАВА_ВТОРАЯ_II](https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1877_год_(Достоевский)/Декабрь/ГЛАВА_ВТОРАЯ_II) (In Russ.)
8. Dostoevsky, F.M. *Dnevnik pisatelja. 1880 avgust. Glava vtoraya. Pushkin. Proizneseno 8 iyun'a v zasedanii liubitelej russkoj slovestnosti* [A Writer's Diary. 1880 August. Second Chapter. Pushkin. Reported June 8 at the Meeting of the Society of Russian Literature Amateurs]. Dostoevsky, F.M. Collected Works in 15 Vols. St. Petersburg, Nauka Publ.] 1995. V. 14, pp. 425–440. URL: https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol14/02journal_80/331.htm (In Russ.)
9. Konyshchev, E.M. *Byronicheskaia lychnost' v izobrazhenii Turgeneva i Dostoevskogo* [Byronic Personality as pictured by Turgenev and Dostoevsky]. *Uchienne zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Orlov State University]. 2013, No. 2 (52), pp. 193–198. (In Russ.)
10. Averintsev, S.S. “Skvoreshnitz vol'nyj grazhdanin” Vjatcheslav Ivanov: put' poeta mezhdumirami [“A Free Citizen of Starling Houses” Viatcheslav Ivanov: the Poet's Way between the Worlds]. St. Petersburg, Alteiya Publ., 2002. 167 p. (In Russ.)
11. Ivanov, V.I. *Sobr. soch. v 4 t. Pod red. D.V. Ivanova i O. Deshart (tom IV pri uchastii A.B. Shishkina)* [Collected Works in 4 Vols. Ed. by Ivanov, D.V. and O. Deshart (IV Vol. with Participation of Shishkin, A.B.). Vol. 4]. Brussels, 1987. 804 p. (In Russ.)
12. Byron, G.G. *Ostrov, ili Christian i ego tovarichi. Per. Vijach. Ivanova* [Lord Byron. The Island, or Christian and His Comrades. Transl. by Vjatcheslav Ivanov]. Collected works in 4 Vols. Vol. 3. Moscow, Pravda Publ. 1981. URL: http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron3_10.txt (In Russ.)
13. Ivanov, V.I. *Borozdy i Mezhy* [Furrows and Borders]. Moscow, Akademicheskij Proect Publ., 2021. 557 p. (In Russ.)
14. Boltovskaiya, L.N. *Obraz svobody v tvorchestve Pushkina i G.G. Byrona* [The Image of Liberty in the Work of Pushkin and Lord Byron]. *Christianskoye chteniye* [Christian Reading]. 2015, No. 4, pp. 186–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-svobody-v-tvorchestve-a-s-pushkina-i-d-g-bayrona/viewer> (In Russ.)
5. Alekseev, M.P. *Russko-anglyiskie literaturnie svyazy (XVIII vek – pervaiya polovina XIX veka)* [Russian-English Literary Communications (the 18th century – first half of the 19th century). Moscow, Nauka Publ., 1982. 870 p. (In Russ.)
15. Kozmin, N. *Pushkin o Byrone (Retch' na jubileinom zasedanii Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta 6 iyunia 1924 goda)* [Pushkin on Byron (A Report at the Anniversary Meeting of Scientific Institute, June 6, 1924)]. *Pushkin v mirovoj literature: Sbornik*

REFERENCES

statey. Nauchno-Issled. In-t sravnitel'nogo izuchenia literatur Zapada i Vostoka pri Leningradskom gos. un-te [Pushkin in World Literature: Collected Articles. Scientific Institute of Comparative Studies and Languages of West and East at the Leningrad State Univ.]. St. Petersburg, State Publ., 1926, pp. 99–112.

URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=k116dvw64Uc%3D&tabid=10396> (In Russ.)

16. Lord Byron. *The Island, or Christian and his comrades. The Collected Poems of Lord Byron.* Wordsworth Editions Limited, 1994.

Дата поступления материала в редакцию: 11 апреля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 апреля 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.

Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on April 11, 2022

Revised on April 25, 2022

Accepted on April 29, 2022

Date of publication: June 30, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020754-5

Мережковский и Байрон

© 2022 г. И. А. Шишкова

Доктор филологических наук,
профессор Литературного института имени А.М. Горького,
Россия, 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7502-411X>
ishishkova@yandex.ru

© 2022 г. Е. А. Кешокова

Кандидат филологических наук,
доцент Литературного института имени А.М. Горького,
Россия, 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25
keshokova2014@yandex.ru

Резюме. В очерках Дмитрия Сергеевича Мережковского имя лорда Байрона нередко упоминается в одном ряду с мировыми классиками. Для русского писателя английский поэт стал “вечным спутником”, оказавшим глубокое влияние на его творчество. В статье исследуется образ Байрона, яркими штрихами запечатленный в книгах “Вечные спутники”, “Л. Толстой и Достоевский”, “Было и будет: Дневник: 1910–1914”. Байрон интересовал Мережковского как тип художника, великий мастер слова, поэт будущего. Мережковскому удалось детально проанализировать его жизнь и творчество, уделив внимание таким проблемам и темам, как Байрон и Наполеон, “сверхчеловеческое”, религиозность поэта, появление в литературе нового героя, так называемый эгоизм гения, его вольнолюбивый революционный дух. В работе приводятся размышления Мережковского по поводу внутреннего “демонизма” Байрона и внешнего, поверхностного. Осмысливаются “терзания” Байрона, связанные с призванием сочинителя и политика в широком смысле слова. Рассматривается и “свой путь” А.С. Пушкина, преодолевшего в собственных произведениях, по мнению Мережковского, мрачный настрой английского поэта, а также обсуждается воздействие поэзии Байрона на плеяду авторов, “заразившихся” его либеральными идеями. В заключение делается вывод о том, что Байрон жертвовал собой не напрасно, и эпитафией на его могиле, по мысли Мережковского, могли бы стать слова “будет радость”.

Ключевые слова: Дмитрий Сергеевич Мережковский, лорд Байрон, Наполеон, вольнолюбивый дух, “сверхчеловеческое”, новый герой, Александр Сергеевич Пушкин.

Для цитирования: Шишкова И.А., Кешокова Е.А. Мережковский и Байрон // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 18–23. DOI: 10.31857/S160578800020754-5

Merezhkovsky on Byron

© 2022 Irina A. Shishkova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Maxim Gorky Literary Institute,
25 Tverskoy Blvd., Moscow, 123104, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7502-411X>
ishishkova@yandex.ru

© 2022 Elena A. Keshokova

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor of the Maxim Gorky Literary Institute,
25 Tverskoy Blvd., Moscow, 123104, Russia
keshokova2014@yandex.ru

Abstract. In the essays of Dmitry Merezhkovsky, the name of Lord Byron is often mentioned on a par with world classics. For the Russian writer, the English poet became an “eternal companion” who had a profound influence on his work. The article examines the image of Byron, depicted in bright strokes in the books “Eternal Companions”, “L. Tolstoy and Dostoevsky”, “It was and will be: Diary: 1910–1914”. Merezhkovsky was interested in Byron as a type of artist, a great master of words, a poet of the future. Merezhkovsky managed to analyze in detail the life and work of Byron, paying attention to such problems as Byron and Napoleon, the “superhuman”, the poet’s religiosity, the emergence of a new hero in literature, the so-called “egoism” of a genius, his freedom-loving revolutionary spirit. The paper provides Merezhkovsky’s thoughts of Byron’s internal and external “demonism” as well as the poet’s “torments” associated with the calling of a writer and a politician in the broadest sense of the word. In addition, the article considers the creative way of Pushkin, who, according to Merezhkovsky, overcame the gloomy mood of the English poet in his works. It also highlights the impact of Byron’s poetry on the authors who were “infected” with his liberal ideas. In conclusion, it is maintained that Byron did not die in vain, and according to Merezhkovsky, the epitaph on his grave could be the words “there will be joy”.

Key words: Dmitry Merezhkovsky, Lord Byron, Napoleon, freedom-loving spirit, “superhuman”, new hero, Alexander Pushkin.

For citation: Shishkova, I.A., Keshokova E.A. *Merezhkovskij i Bajron* [Merezhkovsky on Byron]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 18–23. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020754-5

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) высоко ценил талант лорда Байрона (1788–1824), неоднократно обращаясь к его образу в книгах “Вечные спутники” (1896), “Было и будет: Дневник: 1910–1914” (1915), “Л. Толстой и Достоевский” (1902).

Замечательный по исповедальной интонации и многоаспектному освещению историко-литературоведческих проблем труд писателя и философа “Вечные спутники” в свое время был недооценен критиками, но очень тепло принят читателями. В нем Мережковский рассказывал о тех авторах, чьи произведения на протяжении многих лет волновали его воображение. Как справедливо замечает А. Пайман, эта книга значительно повлияла на воспитание молодежи в “любви к искусству как вневременному и непреходящему” [1, с. 37]. В этой связи нельзя не вспомнить слова Д.С. Лихачева о предназначении литературы, призванной стать “совестью общества, его душой” [2, с. 140], и, безусловно, поэзия Байрона пробуждала у современников и потомков не только жажду борьбы, но и “чувства добрые”. Возможно, по мнению Пайман, в мысленных встречах с Байроном, как и другими вечными спутниками, Мережковский “усматривал исцеление от одиночества и залог общности внутренней жизни всех людей, общности веры и страданий всех времен” [1, с. 37].

Хотя в “Вечных спутниках” нет очерка, посвященного английскому гению, при анализе произведений тех, кто был дорог Мережковскому, его имя нередко стоит в одном ряду с Шекспиром, Гёте, Шелли, Лермонтовым, Достоевским и др. Об интересе к Байрону свидетельствует и претекст известной парижской “Автобиографической заметки” (1900), в которой имя мятежного лорда упоминается вместе с авторами, имевшими для Мережковского первостепенное значение [3, с. 203].

В предисловии к “Вечным спутникам”, объясняя свое желание рассказать о любимых классиках, Мережковский пишет о том, что хотел “показать живую душу писателя – своеобразную, единственную, никогда более не повторявшуюся форму бытия; затем изобразить действие этой души – иногда <...> более близкой, чем те, среди кого мы живем” [4, с. 5]. Эти слова можно с полным правом отнести и к Байрону.

По мнению Е.А. Андрущенко, в созданной Мережковским версии жанра литературного портрета и биографии можно заметить два источника: «произведения писателя и научные труды или воспоминания о нем. <...> сам портретируемый (“тезис”) противопоставлен “антитезису” (Пушкин – Лермонтов, Достоевский – Л. Толстой, Достоевский – Белинский, Л. Толстой – Тургенев и

пр.) <...>» [5]. Исходя из многочисленных ссылок на творчество Байрона на страницах “Вечных спутников”, можно предположить, что писатель не переставал думать о непокорном лорде и так же, как и в творчестве других авторов, пытался разглядеть в его поэзии “неожиданное в знакомом, свое в чужом, новое в старом” [4, с. 5]. При этом, по воспоминаниям Брюсова, Мережковский мог выразить и свое приятие, и недовольство какой-либо стороной жизни своего героя искренне, “от чистого сердца” [1, с. 83].

В “Вечных спутниках” английский поэт яркими штрихами представлен в “антитезисах”, сопутствующих анализируемым литераторам: Сервантесу, Флоберу, Ибсену, Гончарову, Достоевскому и Пушкину. В Байроне, как в Лермонтове и Достоевском, Мережковский видел бунтарский тип художника с чертами “сверхчеловека”, обладавшего “правом на голос” [6, с. 479], с судьбой, не позволившей ему “почтить на лаврах”. Такие мастера слова, по убеждению писателя, “негодуют и умирают, непримиренные” [4, с. 207].

В своих дневниках “Было и будет” (1915) Мережковский сравнивал Байрона с одной из вершин грандиозного горного хребта: “Наполеон, Гёте, Байрон, Лермонтов – от нас уже далеко эти вершины; <...>. И вот опять встают вершины вечные – вечные спутники” [7, с. 71–72]. Бунтарь и “певец свободы” был близок русскому писателю: “Если наше вечное в Гёте, то настоящее и будущее в Байроне. А нет иных путей к вечному, как через настоящее и будущее” [7, с. 72].

Несомненно, гений Байрона вызывал в Мережковском противоречивые чувства: «“демон иронии”, “демон превратности”, <...> заставляет человека говорить и делать не то, что он хочет: <...>; хочет любить, а ненавидит; хочет плакать, а смеется» [7, с. 79]. Отвечая на негодование современников по поводу эгоизма Байрона, Мережковский подчеркивал, что этот его недостаток – «“нечто высшее <...>” – эгоизм какого-то *особого* (выделение Мережковского. – И.Ш., Е.К.) порядка» [8, с. 232].

Вероятно, непредсказуемые проявления темперамента поэта можно было бы сравнить с миром природы, “живым и близким сердцу” непокорных сочинителей, какими были Шекспир, Гёте и Шелли [4, с. 90]. Этот мир оставался свободным от “лицемерия, лжи и условностей культуры” [4, с. 27], и гордый лорд-изгнанник, как и Лермонтов, общаясь с природными стихиями, находил в них поддержку и был полон “молитвенного экстаза” [4, с. 90]. По мнению Мережковского, в произведениях Байрона природа представала

в перевозданном виде, когда ее не касалась рука человека, и ничто не могло испортить “первобытный пейзаж” [4, с. 196]. Писатель подчеркивал, что даже в несколько театрализованных сценах своих поэм, “Ларе”, “Корсаре”, “Абидосской невесте”, Байрону удавалось описать “настоящее небо с грозой, и сквозь лохмотья разорванных полотен – настоящие молнии” [7, с. 90].

В “Вечных спутниках” Байрон нередко сравнивается с Наполеоном. Рассуждая о двух типах героев, писатель говорит о поэте как о герое “созерцания”, в отличие от Наполеона, “героя действия” – оба рождены свободными и не пытаются изменить или подчинить себе природу. Думается, трудно представить себе Байрона лишь “героем созерцания”. Вряд ли подобный персонаж, “диавол холодный и бесчувственный”, был бы готов, по словам самого Мережковского, вступить за угнетенные народы Италии, Испании, Греции, “за все человечество” [7, с. 88].

Как отмечает Е.А. Андрущенко, сравнивая Наполеона с Байроном и Лермонтовым, Мережковский говорит лишь о сходстве их судеб, родстве душ и близости идей [9, с. 516]. Однако нельзя не вспомнить и о том, что в период своих побед, как отмечается в книге “Л. Толстой и Достоевский”, Наполеон казался Байрону, так же как Пушкину и Лермонтову, «помазанником <...>, если не Бога (уже и теперь с большой) – то “бога” (пока все еще с маленькой буквы)» [8, с. 237]. Да и сам Мережковский, как заметил Ю. Терапиано, в своем прошлом увлекался Наполеоном, видя в нем «“атланта с двумя душами – ночной и дневной”, Промыслом соединенного с судьбами России» [10, с. 31]. Мережковский задается вопросом, как Байрон и Лермонтов могли поверить Наполеону и считать его своим героем, “который обессмыслил, обезглавил величайшую попытку человеческого освобождения – Революцию” [8, с. 256].

Е.А. Андрущенко как в беллетристике, так и в драматургии Мережковского видит его приверженность к идее Третьего Завета [11]. В этой связи нельзя не вспомнить о том, что природа “сверхчеловеческого” постоянно занимает мысли писателя. Так, С.Б. Королева отмечает, что для Мережковского байроновский Каин ассоциируется с “рядом явлений величия человеческого духа” [12], однако вряд ли поспоришь с тем, что его “сверхчеловеческое” вступает в конфликт с человеческим и наносит всем непоправимый вред.

Возможно, из-за того, что писатель постоянно находился в поиске разгадки признаков “сверхчеловеческого”, ему было необходимо установить,

как оно связано «с обычным человеческим и “среднечеловеческим”, как маскирует свое “не-человеческое»» [8, с. 505]. Можно предположить, что интерес к религиозности Байрона был продиктован увлеченностью Мережковского, по мнению В.В. Полонского, темой “всемирно-исторической борьбы между христианством и язычеством, Богочеловеком и человекобогом” [3, с. 204], а также приравниванием сложной природы Байрона к “сверхчеловеческому” [13, с. 747]. Нельзя не согласиться с А.А. Холиковым в том, что в мыслях Мережковского “причудливо сочетаются, с одной стороны, установка на интуитивно-эмоциональное познание действительности, мечты о новом идеализме, а с другой — укрепляющаяся религиозность, поиск божественного идеала (как в язычестве, так и в христианстве)” [14, с. 75].

Очевидно, сопоставление байроновского Наполеона с образами Прометея, Каина, Люцифера — “всех отверженных, гонимых, восставших на Бога, вкусивших от Древа Познания”, продиктовано устремлениями этого “нового европейского Демона”, желавшего, по Мережковскому, восстановить “нарушенное равновесие мира”, но более смелым и решительным путем, чем Робеспьер, Сен-Жюст, Руссо или Вольтер [8, с. 257].

Мережковский размышляет над причинами неконтролируемых эмоций Байрона, его постоянной жаждой бороться со всеми — “с матерью, женою, родиной, церковью, со всем человечеством, со всею природою, с Богом и дьяволом” [7, с. 73]. “Безмолвное бешенство” (silent rage) английского барда вызывало у писателя глубокое сочувствие, так как он хорошо понимал, что виной тому был не только его необузданный темперамент, но и печальная наследственность, а также физический недостаток, доставивший ему столько страданий [7, с. 77–79]. Между тем, Мережковский пишет и о том, что своим доброжелателям и поклонникам Байрон казался “споткнувшимся о звезду и охромевшим ангелом” [7, с. 79].

Так, зная о противоречивости поступков английского поэта и его порой непомерной гордыне, писатель различал в нем два вида “демонизма”: “один — глубокий, внутренний; другой — внешний, поверхностный”. В “плохие” периоды о Байроне говорили как о демоне, но близкие люди, сестра Августа, Хобхауз и все те, кому он совершенно бескорыстно помогал, знали его совсем другим, искренним и ранимым [7, с. 76]. Вместе с тем, иногда, при анализе размышлений Мережковского, создается впечатление, что писатель сам себе противоречит, говоря о том, что «самодовольства, “дьявольской гордыни”, которую

ему так охотно приписывают, у него нет вовсе» [7, с. 78]. В этом видится субъективное восприятие писателем личности гениального поэта, пронизанное чувством преклонения перед его талантом. В то же время, словно оправдывая его перед читателем, Мережковский вновь и вновь отмечает сложность его природы, добавляя, что и «простоты, скромности сознательной (“смиранный Байрон” — это звучит странно <...>)» в нем тоже нет [7, с. 78].

Мережковский видел в Байроне необыкновенную личность, “великого поэта, властелина слова”, но порой слишком требовательного к себе, к своим свершениям: “Лучше совсем не быть поэтом, чем быть только поэтом” [7, с. 89]. Перед смертью, по мысли Мережковского, Байрона волновал вопрос, «не была ли поэзия главной ошибкой всей жизни его, а настоящим призванием — что? “Политика”? <...> не политика в том плоском и грубом смысле, <...> а в каком-то ином, глубочайшем, благороднейшем — если не для него самого, то для нас — уже религиозном». Мережковский был уверен в том, что Байрон наполнил свою поэзию “драгоценною тяжестью, налил кровью”. Писатель видел в английском бунтаре революционера “до мозга костей”, называя его “Чайльд-Гарольда” и “Бронзовый век” призывами к революции и сравнивая незаконченного “Дон Жуана” со смертью “на баррикадах” [7, с. 91–93]. По Мережковскому, изгнанные, проклятые, связанные, скованные герои Байрона — это не только сам поэт, но и “само человечество — древний Титан” [7, с. 102].

Мережковский заключает, что Байрон открыл в литературе нового героя, повлиявшего на целую плеяду авторов: Ибсена, Стендаля, Достоевского, Гончарова, Флобера, Ницше и др., — сделав вывод о том, что в “Корсаре”, “Чайльд-Гарольде”, “Каине”, “Манфреде” появляется новый человек, “новая героическая душа”. Во всех отважных героях Байрона есть что-то «хищное» и одновременно “царственное”: они отвергнуты обществом, полны ненависти не только к себе, но и к окружающим <...>» [4, с. 184–203], однако к их непреодолимым слабостям, так сказавшимся на их жизненных неудачах, можно отнести самолюбие и любовь к себе [8, с. 375].

Размышляя над глубинным смыслом очерков Мережковского, вошедших в книгу “Вечные спутники” и так или иначе затрагивающих жизнь и творчество Байрона, нельзя не обратить внимания на его статью о Пушкине. Писатель уверен в том, что, несмотря на прочную связь пушкинского Онегина с байроновскими персонажами,

со стороны Пушкина “это не подражание – это русская, в других литературах небывалая попытка развенчать демонического героя” [4, с. 255], и именно русскому поэту удалось справиться с байроновским разладом “светлою мудростью, непобедимым веселием” [4, с. 242].

Согласно Мережковскому, Байрон увеличил силы Пушкина, но не как победитель, а как побежденный, и Пушкин смог первым доказать, что в недрах русского мировоззрения различимы “великие задатки будущего Возрождения – той духовной гармонии, которая для всех народов является самым редким плодом тысячелетних стремлений” [4, с. 285].

В конце очерка “Байрон” поэт сравнивает с блудным сыном, вернувшимся в дом отца. Героическая смерть английского Прометея позволила Мережковскому задуматься над тем, как можно изменить надпись на его надгробии, и заключить: «И на твоей могиле мы напишем не “молит покоя”, а “будет радость”» [7, с. 102].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пайман А. История русского символизма. М.: Республика, 1998. 415 с.
2. Лихачев Д.С. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. 256 с.
3. Полонский В.В. Мережковский “идет на Париж”: стратегии русского писателя по освоению французской литературной среды Прекрасной эпохи // Полонский В.В. GALLO-ROSSICA: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 184–221.
4. Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2007. 902 с. (Литературные памятники / Рос. акад. наук).
5. Андрущенко Е.А. Д.С. Мережковский // Вопросы литературы. 2019. № 1. С. 260–270.
6. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. Статьи 1880–1890-х гг., не включенные в “Вечные спутники” // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2007. 902 с. (Литературные памятники / Рос. акад. наук).
7. Мережковский Д.С. Байрон // Д.С. Мережковский. Было и будет: Дневник. Пг., 1915. С. 71–102. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004206949 (РГБ).

8. Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский. Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2000. 587 с. (Литературные памятники / Рос. акад. наук).
9. Андрущенко Е.А. Тайновидение Мережковского // Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский. Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2000. С. 481–528.
10. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 30–31.
11. Андрущенко Е.А. Письмо в бутылке. Драма “Павел I” и “Будет радость” в творческом мире Д.С. Мережковского // Вопросы литературы. 2000. № 3. С. 211–235.
12. Королева С.Б. Байрон и русский Серебряный век (1900-е годы). Протестантский Каин как “свое” и “чужое” // Вопросы литературы. 2019. № 1. С. 152–177.
13. Андрущенко Е.А. Спутники Мережковского // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2007. С. 703–757.
14. Холиков А.А. Д.С. Мережковский в истории русской литературы досоветского периода // Мир русского слова. 2011. № 1. С. 73–77.

REFERENCES

1. Pymant, A. *Istorija russkogo simvolizma* [The History of Russian Symbolism]. Moscow, Respublika Publ., 1998. 415 p. (In Russ.)
2. Lihachev, D.S. *Ja vspominaju* [I remember]. Moscow, Progress Publ., 1991. 256 p. (In Russ.)
3. Polonsky, V.V. *Merezhkovskij “idet na Parizh”*: strategii russkogo pisatelja po osvoeniju francuzskoj literaturnoj sredy *Prekrasnoj jepohi* [Merezhkovsky “goes to Paris”: Strategies of the Russian Writer in Exploring the French Literary Environment of the Belle Epoque]. Polonsky, V.V. *GALLO-ROSSICA: Iz istorii russko-francuzskih literaturnyh svjazej konca XVIII – nachala XX veka* [GALLO-ROSSICA: From the History of Russian-French Literary Relations in the late 18th – early 20th Centuries]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 184–221. (In Russ.)
4. Merezhkovsky, D.S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury*. Izd. podgot. E.A. Andrushchenko [Eternal Companions. Portraits from World Literature. Ed. Prepared by E.A. Andryushchenko]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 902 p. (*Literaturnye pamyatniki* [Literary Monuments Series]). (In Russ.)
5. Andrushchenko, E.A. *D.S. Merezhkovskij* [D.S. Merezhkovsky]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2019, No. 1, pp. 260–270. (In Russ.)
6. Merezhkovsky, D.S. *O prichinah upadka i o novyh techeniyah sovremennoj russkoj literatury*. *Statji*

- 1880–1890-h gg., ne vklyuchennye v “Vechnye sputniki” [About the Causes of Decline and about New Trends in Modern Russian Literature. Articles of the 1880s–1890s, not included in the “Eternal Companions”]. Merzhkovsky, D.S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoj literatury. Izd. podgot. E.A. Andrushchenko* [Eternal Companions. Portraits from World Literature. Ed. Prepared by E.A. Andryushchenko]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 902 p. (*Literaturnye pamyatniki* [Literary Monuments Series]). (In Russ.)
7. Merzhkovsky, D.S. Byron. D.S. Merzhkovsky. *Bylo i budet: Dnevnik* [It was and will be: A Diary]. Petrograd, 1915, pp. 71–102. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004206949 (In Russ.)
  8. Merzhkovsky, D.S. *Tolstoy i Dostoevskiy. Izd. podgot. E.A. Andrushchenko* [Tolstoy and Dostoevsky. Ed. Prepared by E.A. Andryushchenko]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 587 p. (*Literaturnye pamyatniki* [Literary Monuments Series]). (In Russ.)
  9. Andrushchenko, E.A. *Tajnovidenie Merzhkovskogo* [The Mystery Vision of Merzhkovsky]. Merzhkovsky, D.S. *Tolstoy i Dostoevskiy. Izd. podgot. E.A. Andrushchenko* [Tolstoy and Dostoevsky. Ed. Prepared by E.A. Andryushchenko]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 481–528. (In Russ.)
  10. Terapiano, Ju. *Literaturnaja zhizn russkogo Parizha za polveka (1924–1974). Esse, vospominaniya, statji* [Literary life of Russian Paris for half a Century (1924–1974). Essays, Memoirs, Articles]. Paris, New York, 1987, pp. 30–31. (In Russ.)
  11. Andrushchenko, E.A. *Pismo v butylke. Drama “Pavel I” i “Budet radost” v tvorcheskom mire D.S. Merzhkovskogo* [A Letter in the Bottle. Drama “Paul I” and “There will be Joy” in the Creative World of Dmitry Merzhkovsky]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2000, No. 3, pp. 211–235. (In Russ.)
  12. Koroleva, S.B. *Bajron i russkij Serebrjanyj vek (1900-e gody). Protestantiskij Kain kak “svoe” i “chuzhoe”* [Byron and the Russian Silver Age (1900s). Protestant Cain as “ours” and “theirs”]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2019, No. 1, pp. 152–177. (In Russ.)
  13. Andrushchenko, E.A. *Sputniki Merzhkovskogo* [Merzhkovsky’s Companions]. Merzhkovsky, D.S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoj literatury. Izd. podgot. E.A. Andrushchenko* [Eternal Companions. Portraits from World Literature. Ed. Prepared by E.A. Andryushchenko]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 703–757. (In Russ.)
  14. Holikov, A.A. *D.S. Merzhkovskij v istorii russkoj literatury dosovetskogo perioda* [Dmitry Merzhkovsky in the History of Russian Literature of the Pre-Soviet Period]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word]. 2011, No. 1, pp. 73–77. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 11 апреля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 апреля 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.

Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on April 11, 2022

Revised on April 25, 2022

Accepted on April 29, 2022

Date of publication: June 30, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020755-6

“Добрая ночь” Байрона и Козлова как русская народная песня

© 2022 г. Д. А. Супрунова

Старший преподаватель
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
ORCIDID: 0000-0003-4978-8276
dariasuprunova@gmail.com

Резюме. В статье прослеживается путь трансформации отрывка из поэмы Д.Г. Байрона “Паломничество Чайльд-Гарольда” в русскую песню, ставшую народной. Анализируется процесс адаптации авторского перевода, сделанного Иваном Ивановичем Козловым, к народной среде, его дальнейшее распространение и функционирование как фольклорного текста. Обращается внимание на изменения сюжета, образной системы и композиции первоисточника.

Ключевые слова: Байрон, Иван Козлов, С.А. Есенин, Ф.М. Достоевский, перевод, адаптация, народная песня.

Для цитирования: Супрунова Д.А. “Добрая ночь” Байрона и Козлова как русская народная песня // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 24–31. DOI: 10.31857/S160578800020755-6

“Good Night” by Byron and Kozlov as a Russian Folk Song

© 2022 Dariya A. Suprunova

Senior Lecturer at The Pushkin State Russian Language Institute,
6 Volgin Str., Moscow, 117485, Russia
dariasuprunova@gmail.com

Abstract. The article reveals the way of transformation of an excerpt from George Gordon Byron’s poem *Childe Harold’s Pilgrimage* into a Russian song that has become a folk song. The author analyzes the process of adaptation of the author’s translation made by Ivan I. Kozlov to the folk environment and its further distribution and functioning as a folklore text. Attention is drawn to the changes in the figurative system, subject and composition of the original source.

Key words: Byron, Ivan Kozlov, S.A. Esenin, F.M. Dostoyevsky, translation, adaptation, folk song.

For citation: Suprunova, D.A. “*Dobraya noch*” *Bairona I Kozlova kak russkaya narodnaya pesnya* [“Good Night” by Byron and Kozlov as a Russian Folk Song]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 24–31. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020755-6

Устное народное творчество во все времена служило плодотворной почвой и основой для авторских литературных произведений. Фольклорные, этнографические мотивы вплетались в сюжет, композицию, систему образов, становились частью языка и стиля произведений. Но существовала и обратная ситуация, когда авторские тексты переходили в фольклор, начинали жить по его законам, функционировать как произведения устного народного творчества. Одно из них – песня

“Проснётся день красы моей...”, в основе которой лежит знаменитая “прощальная песня” из поэмы Джорджа Гордона Байрона “Паломничество Чайльд-Гарольда” (опубликована в 1812–1818 гг.). В настоящей статье прослеживается трансформация авторского перевода и этапы его перехода в народную культуру. К анализу привлекаются не только архивные, но и современные фольклорные записи с целью демонстрации современного состояния живой исполнительской традиции.

Произведения Байрона, пользовавшиеся популярностью в России, переводились многими известными поэтами, в числе которых видное место занимает Иван Иванович Козлов (1799–1840), поклонник и один из первых популяризаторов наследия великого английского романтика. Его переводы заслуживали одобрительные и восторженные отзывы не только русских, но и зарубежных критиков-современников (подробно об этом см.: [1]).

В последние два десятилетия теме рецепции Байрона в русской культуре и в творчестве И.И. Козлова в частности было посвящено несколько крупных исследований ([1]; [2]; [3]; [4]). Представленный в них кропотливый анализ 23 переведенных Козловым текстов Байрона, а также стихотворения “Бейрон”, являющегося метапереводом, показал, что И.И. Козлов не столько создает произведение, эквивалентное источнику, сколько передает собственные впечатления и восприятие творений английского романтика. Возникает некий “миф Козлова о Байроне, об основных образных и стилистических тенденциях творчества английского гения, т.к. поэт, от имени Байрона говорящий с русским читателем, имеет к истинному байроновскому творчеству не совсем прямое отношение” [5, с. 21].

Ситуация в России 1820-х годов “предопределила одностороннее восприятие байронического мирообраза и такое же однозначное восприятие личности самого Байрона” [6, с. 165]. В круге байроновских текстов, отобранных И.И. Козловым для трансляции, преобладали мотивы грусти и одиночества, прощания и разлуки, воспоминаний и тоски по родине, покинутого отчего дома, роковой предначертанности судьбы человека, тщетных поисков идеала. В переводах нашли отражение также собственные романтические идеи и биографические черты русского стихотворца и образ Байрона-скитальца, личности в первую очередь трагической, одинокой, меланхолической и страдающей. Другим сторонам его жизни внимание не уделялось.

Переводчика привлекали те произведения, которые имели указание на музыкальное сопровождение или напевное исполнение. Такой выбор отчасти обусловлен обстоятельствами жизни русского поэта: он был слепым, а потому не мог видеть первоисточник в печатном виде и переводил его, скорее всего, со слуха или по памяти. Вокальный перевод был наиболее доступным для него, позволял достичь адекватного источнику эстетического и стилистического эффекта на русском языке.

Отрывок из первой песни “Паломничества Чайльд-Гарольда” – вставная песня, расположенная между 13 и 14 строфами основного текста поэмы и исполняемая главным героем на борту корабля в сопровождении арфы, – под пером Козлова стала самостоятельным стихотворением малой лирической формы.

Приводим здесь оригинальный текст Байрона, поскольку его редко можно увидеть рядом с переводом И.И. Козлова.

Adieu, adieu! my native shore
Fades o'er the waters blue;
The night-winds sigh, the breakers roar,
And shrieks the wild sea-mew.
Yon sun that sets upon the sea
We follow in his flight;
Farewell awhile to him and thee,
My Native Land – Good Night!

A few short hours, and he will rise
To give the morrow birth;
And I shall hail the main and skies,
But not my mother earth.
Deserted is my own good hall,
Its hearth is desolate;
Wild weeds are gathering on the wall,
My dog howls at the gate.

'Come hither, hither, my little page:
Why dost thou weep and wail?
Or dost thou dread the billow's rage,
Or tremble at the gale?
But dash the tear-drop from thine eye,
Our ship is swift and strong;
Our fleetest falcon scarce can fly
More merrily along.'

'Let winds be shrill, let waves roll high,
I fear not wave nor wind;
Yet marvel not, Sir Childe, that I
Am sorrowful in mind;
For I have from my father gone,
A mother whom I love,
And have no friend, save these alone,
But thee—and one above.

'My father blessed me fervently,
Yet did not much complain;
But sorely will my mother sigh
Till I come back again.'—
'Enough, enough, my little lad!

Such tears become thine eye;
 If I thy guileless bosom had,
 Mine own would not be dry.

‘Come hither, hither, my staunch yeoman,
 Why dost thou look so pale?
 Or dost thou dread a French foeman,
 Or shiver at the gale?’—

‘Deem’st thou I tremble for my life?
 Sir Childe, I’m not so weak;
 But thinking on an absent wife
 Will blanch a faithful cheek.

‘My spouse and boys dwell near thy hall
 Along the bordering lake;
 And when they on their father call,
 What answer shall she make?’—

‘Enough, enough, my yeoman good,
 Thy grief let none gainsay;
 But I, who am of lighter mood,
 Will laugh to flee away.’

For who would trust the seeming sighs
 Of wife or paramour?
 Fresh feres will dry the bright blue eyes
 We late saw streaming o’er.
 For pleasures past I do not grieve,
 Nor perils gathering near;
 My greatest grief is that I leave
 No thing that claims a tear.

And now I’m in the world alone,
 Upon the wide, wide sea;
 But why should I for others groan,
 When none will sigh for me?
 Perchance my dog will whine in vain
 Till fed by stranger hands;
 But long ere I come back again
 He’d tear me where he stands.

With thee, my bark, I’ll swiftly go
 Athwart the foaming brine;
 Nor care what land thou bear’st me to,
 So not again to mine.
 Welcome, welcome, ye dark blue waves!
 And when you fail my sight,
 Welcome, ye deserts, and ye caves!
 My Native Land — Good Night!

Впервые русский текст был напечатан в альманахе “Северные цветы” за 1825 год с подписью автора и заголовком, имевшим прямую отсылку к источнику: “Goodnight. Добрая ночь <...> (Из Байрона)” [7]. Приведем переложение байроновского отрывка, выполненное И.И. Козловым (в современной орфографии).

“Прости, прости, мой край родной,
 Уж скрылся ты в волнах!
 Касатка вьется, ветер ночной
 Играет в парусах.
 Уж тонут огненны лучи
 В бездонной синеве,
 Мой край родной, прости, прости!
 Ночь добрая тебе.”

“Проснется день, его краса
 Утешит Божий свет,

Увижу море, небеса,
 А родины уж нет.
 Отцовский дом покинул я,
 Травой он зарастет,
 Собака верная моя
 Выть станет у ворот.”

“Ко мне, ко мне, Паж юный мой!
 Но ты дрожишь как лист;
 Иль страшен рев волны морской?
 Иль ветра буйный свист?
 Не плачь! корабль мой нов! плыву
 Уж я не в первый раз,
 И быстрый сокол на лету
 Не перегонит нас.”

— Не буйный ветр страшит меня,
 Не шум угрюмых волн.
 Но не дивись, сир Чальд, что я
 Тоски сердечной полн.
 Прощаться грустно было мне
 С родимою, с отцом.
 Теперь надежды все в тебе
 И в ком-то неземном.

— Не скрыл отец тоски своей
 Как стал благословлять,
 Но доля матери моей
 День плакать, ночь не спать. —
 — Ты прав, ты прав, мой Паж младой!
 Как сметь винить тебя?
 С твоей невинной простотой,
 Ах! плакал бы и я.

“Но вот, и кормщик мой сидит,
 Весь полон черных дум.
 Иль буйный ветер тебя страшит,
 Иль моря грозный шум?”
 — Сир Чальд! не робок я душой,
 Не умереть боюсь:
 Но я с детьми, но я с женой
 Впервые расстаюсь!

— Проснутся завтра, на заре,
 И дети и жена,
 Малышки спросят обо мне,
 И всплачется она! —
 “Ты прав, ты прав! и как пенять,
 Мой добрый удалец;
 Тебе, друг, можно горевать!
 И муж ты и отец!”

“Но я! ах трудно верить мне
 Слезам прелестных глаз!
 Любовью новою оне
 Осушатся без нас!
 Лишь тем одним терзаюсь я,
 Не в силах то забыть,
 Что нет на свете у меня,
 О ком бы потужить!”

“И вот на темных я волнах
 Один, один с тоской,
 И кто же, кто по мне в слезах
 Теперь в стране родной!
 Что ж рваться мне, жалеть кого?
 Я сердцем опустел,
 И без надежд, и без всего,
 Что помнить я хотел!”

“О мой корабль! с тобой я рад
Носиться по волнам!
Лишь не плыви со мной назад
К родимым берегам!
Далеко на скалах, в степи
Приют сыщу себе:
А ты, о родина, прости!
Ночь добрая тебе!”

Переводчик сохранил ритмический строй оригинала — чередование четырехстопного и трехстопного ямба, что передает атмосферу “характерного байроновского стиха, сжатого и энергичного” [6, с. 169]. Извлечение отрывка из поэмы и его преобразование в завершённое произведение всегда сопровождается устранением первоначальных связей с контекстом целого, сменой стилевого и смыслового регистров. Изложение Козлова можно отнести к адаптивному типу перевода, который характеризуется заменой некоторых непеводимых элементов другими, более близкими к реалиям воспринимающей культуры.

В фольклоре “Добрая ночь” лишилась имени автора, заглавия и первой строфы и стала называться, как большинство народных песен, по первой строке: “Проснется день красы моей...”. Примечательно, что она не обнаружена в крупных сборниках народных песен, составленных в 1830-х годах П.В. Киреевским, П.И. Якушкиным, М.А. Стаховичем и С.В. Максимовым из полевых записей¹. В то же время другая песня И.И. Козлова, “Вечерний звон”, созданная на три года позже “Доброй ночи” и представляющая собой переложение элегии Томаса Мура “Those Evening Bells”, в этих сборниках уже фигурирует. Отчасти это объясняется тем, что “Вечерний звон” был сразу положен на музыку композиторами А.Т. Гречаниновым и Станиславом Монюшко, в то время как “Добрая ночь” не имела такой единственной закреплённой за ней мелодии, а потому в разных ареалах бытования исполнялась на различные народные распевы и не сразу приобрела статус песни. “Прекрасный, мелодичный стих” Козлова, отмеченный В.Г. Белинским [8, с. 315], стал ритмической основой, обеспечившей лёгкость переложения его текстов на музыку. Все это позволяет сделать вывод о неравномерной скорости распространения авторских песен в народной среде, а также о различной степени их известности.

“Добрая ночь” обнаруживается начиная с 70-х годов XIX века в светских песенниках и сборниках романсов для музицирования [9, с. 58]; [10, с. 19–20]. К этому времени она претерпела значительные

¹ См., например, “Песни, собранные П.В. Киреевским (в трех частях, в десяти выпусках)” (1860–1874), “Народные русские песни из собрания П. Якушкина” (1865) и др.

изменения: диалогическая структура стихотворения Козлова (разговор “сира Чайльда” со слугой и кормчим) сменилась монологом от лица лирического героя, тоскующего по “стране родной”, где он родился и где “терпеть мученья без вины / Навеки осужден” [10, с. 20]. Первая строфа народной песни (8 строк) полностью совпадает со второй строфой стихотворения Козлова, далее наблюдаются расхождения. Элиминирован диалог лирического героя с пажом и описание быстрого и прочного корабля. Слова о разлуке с детьми и женой, в оригинале принадлежащие кормчему, вложены в уста самого певца. Происходит трансформация образа лирического героя: из одинокой личности, опустевшей сердцем, лишенной родных и тех, о ком можно было бы плакать, он становится жертвой судьбы и несправедливых обвинений, насильно разлученным с родиной и семьей. Вместо одиночества и сожаления в финальных строках акцент делается на мотивах тоски и злой судьбы.

“Добрая ночь”: О мой корабль! с тобой я рад
Носиться по волнам!
Лишь не плыви со мной назад
К родимым берегам! [7, с. 272]

“Проснется день...”: Судьба несчастная моя
К разлуке привела,
И разлучила молодца
Чужая сторона. [10, с. 20]

Расхождения в текстах авторского стихотворения и песни говорят о том, что “Добрая ночь” первоначально была воспринята простыми людьми на слух, далее передавалась в устной форме и через некоторый промежуток времени в изменённом виде была зафиксирована в песенниках. На это указывает опущенная первая строфа оригинального текста при сохранении узловых моментов сюжета и системы образов. Кроме того, в народную песню добавляется образ филина (или ворона), в фольклоре символизирующего близкое несчастье и смерть, вплетаются мотивы осуждения, ссылки и безвинного наказания, привнесённые из романса и народной “тюремной” (каторжной) песни. Подтверждением жанровых контаминаций служат слова Н.М. Ядринцева о том, что эта песня, также называемая “Собачка”, была “самой любимой в острогах”² [11, с. 152].

² Ф.М. Достоевский в романе “Записки из мертвого дома” (1860–1862) называет песню “классической” и передает впечатление от исполнения ее каторжанами: “Эта песня пелась у нас часто, но не хором, а в одиночку. Кто-нибудь, в гулево время, выйдет, бывало, на крылечко казармы, сядет, задумается, подопрет щеку рукой и затынет ее высоким фальцетом. Слушаешь, и как-то душу надрывает. Голоса у нас были порочные” [12].

Исследователь сибирского острожного быта и нравов приводит три варианта, которые несут в себе “следы и ссыльного, и тюремного, и бродяжеского элемента” [11, с. 153–155].

Дальнейшее распространение “Доброй ночи” связано с казачьей культурой и регионами проживания русского казачества, отчего песня со временем приобрела известность как казачья народная. В соответствии с двумя крупными общностями (донское казачество и сибирское казачество) сформировались два основных варианта, различающихся между собой распевами, начальными строками и деталями сюжета.

У казаков юга России и верховьев Дона (Липецкая, Волгоградская, Ростовская области, Краснодарский край) песня часто начинается со слов “Проснется день красы моей...”, представляющих собой видоизмененную строку из стихотворения Козлова. Трансформация отражает специфику народного устного восприятия песни: текст подстраивается под музыкальные фразы, и ритмические паузы соответствуют длине строк, каждая из которых должна обладать смысловой завершенностью. В оригинале поэт использует анжамбеман (перенос), при котором синтаксическое и ритмико-смысловое строение текста не совпадают, вследствие чего он в процессе наложения на музыку подвергается изменениям.

“Добрая ночь”: Проснется день, его краса
Утешит божий свет,
Увижу море, небеса,
А родины уж нет. [7, с. 270]

“Проснется день...”: Проснется день красы моёй,
Украшен весь он Богом свет.
(Я) вижу моря я, небеса,
Но родины моёй... её здесь нет. [13]

Очевидно, песня приобрела популярность именно среди казачества, поскольку воинам-казакам, часто бывавшим в походах и на чужбине, была близка и понятна тема разлуки с родным домом. Ей посвящено множество протяжных песен – особого жанрового подвида, доминирующего среди казацких напевов и характеризующегося мужской воинской тематикой [14, с. 134]. В финале донских вариантов антитеза “родина – чужая сторона” приобретает иную окраску: родная сторона выступает как место, где герой (мальчик) “был зарождён”, а мотив осуждения и смерти связан с чужбиной, что усиливает противопоставление “своего” и “чужого”, родного и враждебного:

Не быть мне, братцы, в той стране родной,
В которой был я зарождён.
В которой был я зарождён...

А быть мне, братцы, в той стороне да чужой,
В которой был я да осуждён. [15]

Стоит отметить, что в разных регионах и даже в разных населенных пунктах одного региона количество исполняемых куплетов песни может варьироваться от двух до четырех, что сказывается на содержательном и композиционно-ритмическом аспектах произведений. В соответствии с закономерностями народной песни текст распадается на куплеты из двух или трех строк, где последняя строка дублируется, становясь первой в следующем куплете. При сокращении текста (до 8 строк оригинального стихотворения) максимальная эмоционально-смысловая нагрузка переносится на распев и его мелодические вариации. На первый план выходит контраст величественного рассветного, Богом созданного пейзажа и тоски в душе лирического героя. Ей вторят печальные образы покинутого отцовского дома, олицетворяющего для героя все самое дорогое, и верной собаки³, поминающей своего любимого хозяина. Появляется даже имя четвероногого друга:

Отцовский дом спокинул я,
Травую домик зарастёт.
Собачка, верной Шарик мой,
Залает а он у ворот. [15]

В силу протяжности исполнения теряется ритмичность стихотворного размера, ослабевают рифма. Второстепенные сюжетные ходы (причины расставания с отчизной) и образы (филин, семья, чужая земля), фигурирующие в других куплетах, отсекаются, сохраняются центральные мотивы, наиболее важные для исполнителей и их родной культуры. Лирическая песня как жанр, отражающий в первую очередь эмоциональное состояние и переживания персонажа в определенный момент времени, редуцирует фрагменты, связанные с повествованием о событиях или активным развитием действия.

Те же принципы “отсеивания” материала для народной песни из авторского текста прослеживаются в более северной её вариации,

³ Известен любопытный отголосок одновременно из Байрона и Козлова в стихотворении Есенина “Возвращение на родину” (1924): “По-байроновски наша собачонка / Меня встречала с лаем у ворот”, отмеченный уже в 1926 г. Н.С. Ашукиным (см. комментарии С.И. Субботина к ПСС С.А. Есенина [17, с. 404–405]). Заметим, что в оригинале Байрона собака упомянута дважды, во 2 и 9 строках песни: “My dog howls at the gate”; “Perchance my dog will whine in vain”. У Козлова – один раз во 2 строфе: “Собака верная моя / Выть станет у ворот”; у Есенина – дважды, припевом: в середине и в конце стихотворения.

распространенной среди казаков Сибири, на Алтае. Примечательно, что третья строка звучит как "Увижу горы, небеса" (а не море), что вполне понятно ввиду географических особенностей Алтайского края. Песня из сугубо лирической становится рекрутской, о чем свидетельствует пометка собирателя В.М. Щурова: "пели, провожая казаков на службу" [18]. Вероятно, с этим связана трансформация первого слова первой строки, намекающего на последний день на воле: "Последний день красы моей..." (а не "проснется"). Появляются два дополнительных куплета, описывающих прощание с родными:

Горячи слёзы на пол лью,
Утру я да слёзы да рукавом,
Прошаюсь та с матерю, с отцом.
Прошаюсь с матерью, с отцом...
Прошай-ка ты, мать, прошай, родной отец.
Прошай-ка, родима да сторона. [18]

Анализ стихотворения И.И. Козлова "Добрая ночь", представляющего собой отрывок из поэмы Дж. Г. Байрона "Паломничество Чайльд-Гарольда", и песенных текстов на его основе демонстрирует одну из граней рецепции творчества Байрона в России, а именно — переход авторского иноязычного произведения в народный песенный репертуар. Первой ступенью этого процесса можно считать извлечение Иваном Ивановичем Козловым отрывка из контекста поэмы и его перевод на русский язык в качестве самостоятельной песни, снабженной авторским заглавием. После журнальной публикации в 1825 году песня, по свидетельству А.Н. Веселовского, "пользовалась огромной популярностью не только в обществе, но стала любимой народной песней и до сих пор распеваётся фабричными и мелким городским людом" [19, с. 585]. Ключевые мотивы разлуки, несчастной судьбы и чужбины как антитезы родной земле, исторически свойственные русскому фольклору, обеспечили легкость восприятия и постепенный переход песни в крестьянскую среду, а также в мир закрытых социальных групп (заключенные, ссыльные, бродяги). В 1870-е годы текст, лишившийся названия и имени автора, поменявший композиционно-смысловую структуру, был зафиксирован в песенниках и сборниках произведений для эстрадного и домашнего исполнения. На следующем этапе песня "Проснется день красы моей...", имеющая идейно-тематическое и мелодическое сходство с казачьими протяжными, приобрела характерную для фольклорных жанров вариативность и прочно закрепилась в репертуаре казачьих общин Дона и Сибири. В финале череды метаморфоз первоначальный текст, утративший связь с источником, приобрел способность

менять жанровую определенность, исполняться в качестве рекрутской или солдатской песни. В зависимости от области распространения количество куплетов сокращалось либо дополнялось новыми, порожденными народным творчеством и "подсказанными" условиями бытования.

На литературную основу песни Козлова—Байрона с течением времени накладывались мотивы и образы, важные для русской культуры как реципиента и для казачьей песенной традиции. Лирический герой, родившийся на берегах Туманного Альбиона под пером гениального поэта-романтика, благодаря русско-английским связям совершил настоящее "паломничество", переродившись и обретя второй дом и новую жизнь в устном творчестве русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мойсевич В.Г.* И.И. Козлов — переводчик британских поэтов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Омск, 2006. 231 с.
2. *Бобылева С.В.* Творчество И.И. Козлова в контексте русско-английских литературных связей: дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01. Саратов, 2008. 201 с.
3. *Люсова Ю.В.* Рецепция Байрона в России 1810—1830-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Нижний Новгород, 2006. 195 с.
4. *Тихомирова Ю.А.* Жанровые разновидности романтического перевода (на материале переводов И.И. Козлова из английских поэтов): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск, 2008. 200 с.
5. *Тихомирова Ю.А.* Жанровое своеобразие русского романтического поэтического перевода // Вестник ТГУ. № 305. 2007. С. 20—22.
6. *Тихомирова Ю.А.* Стратегии адаптации поэтического текста и феномен переводческого мифа (на материале переводов И.И. Козлова) // Вестник ТГПУ. 2012. Выпуск 3 (118). С. 165—169.
7. *Козлов И.И.* Good night. Добрая ночь <...> (Из Байрона) // Северные цветы. СПб., 1825. С. 269—273.
8. *Белинский В.Г.* О творчестве И.И. Козлова // Отечественные записки. 1841. Т. XV. № 2. С. 312—320.
9. Песни родины, или Полный русский народный песенник, содержащий в себе: песни, романсы и водевильные куплеты / сост. А.И. Головин. СПб.: Издание В.Г. Шатаева, 1884. 63 с.
10. Шик! Новейший русский песенник: Собрание лучших и любимейших романсов, шансонеток и куплетов, исполняемых на сценах театров, в клубах и в домашнем кругу. С.-Петербург: Рус. скоропеч. (П.С. Нахимов), 1877. 67 с.

11. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / Сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 752 с.
12. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома // Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 4. Записки из мертвого дома. Л.: Наука, 1972. С. 111.
13. Проснётся день красы маёй (протяжная песня) / исполнители и автор записи ансамбль старинной казачьей песни “Казачья справа”. г. Волгоград. Запись июля 2019 г. // Официальная видеостраница ансамбля “Казачья справа” / URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9zd8kQ7r2jQ>
14. Кабанов А.С. Структура песенного репертуара в традиционных фольклорных коллективах донских казаков // Репертуар художественной самодеятельности: современность традиций: Сб. науч. тр. Вып. 127. М.: НИИК, 1983. С. 131–157.
15. Последний день красы моей (лирическая песня) / исполнители и автор записи творческое объединение “Арепей”. Село Ратчино, Добровский район, Липецкая обл. Запись июня 2020 г. // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jExts4aPhv8>
16. Проснётся день красы маёй / исполнитель казачий семейный ансамбль “Сокол”. Хутор Мрыховский, Ростовская обл.; автор записи Александр Маточкин. Запись апреля 2017 г. // Сообщество “Ладно-Хорошо” / URL: https://m.vk.com/wall-48536705_9601
17. Субботин С.И. Комментарии // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М.: Наука: Голос, 1995. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). 1997. С. 255–461.
18. Песни алтайских казаков: песни с. Тулата Чарышского района и с. Слюдянка Усть-Калманского района Алтайского края / автор записей и составитель В.М. Шуров. Записи 1966 г. (с. Тулата, № 1–19) и 1977 г. (с. Слюдянка, № 20–27). Audio CD-R, 2010. // Краеведческий альманах “Чарышское” / URL: <https://charysh.1553.ru/музыка/дискография/audio-cd-г-2010-песни-алтайских-казаков>
19. Веселовский А.Н. Русские переводы Байрона // Байрон Д.-Г. Сочинения: в 3 т. / Библиотека великих писателей под редакцией С.А. Венгерова. Спб., Издание Брокгауза-Ефрона, 1903–1905. Т. 1. 1903. С. 582–601. С предисловием профессора Алексея Н. Веселовского.
2. Bobyleva, S.V. *Tvorchestvo I.I. Kozlova v kontekste russko-angliiskikh literaturnykh svyazi: dis. ... kand. filol. nauk: 10. 01. 01* [I.I. Kozlov's Creative Work in the Context of Russian-English Literary Relations: PhD]. Saratov, 2008. 201 p. (In Russ.)
3. Liusova, Iu.V. *Retseptsiia Bairona v Rossii 1810–1830-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03* [Byron's Reception in Russia of the 1810s–1830s: PhD. Nizhnii Novgorod, 2006. 195 p. (In Russ.)
4. Tikhomirova, Iu.A. *Zhanrovye raznovidnosti romanticheskogo perevoda (na material perevodov I.I. Kozlova iz angliiskikh poetov): dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [Genre Varieties of Romantic Translation (Based on the Material of I.I. Kozlov's Translations): PhD]. Tomsk, 2008. 200 p. (In Russ.)
5. Tikhomirova, Iu.A. *Zhanrovое svoeobrazie russkogo romanticheskogo poeticheskogo perevoda* [Genre Originality of the Russian Romantic Translation]. *Vestnik TGU* [TGU Bulletin]. 2007, No. 305, pp. 20–22. (In Russ.)
6. Tikhomirova, Iu.A. *Strategii adaptatsii poeticheskogo teksta i fenomen perevodcheskogo mifa (na material perevodov I.I. Kozlova)* [Strategies of Adaptation of Poetic Text and the Phenomen of Translation Myth (Based on the Material of I.I. Kozlov's Translations)]. *Vestnik TGPU* [TSPU Bulletin]. 2012, Issue 3 (118), pp. 165–169. (In Russ.)
7. Kozlov, I.I. *Goodnight. Dobraja noch. Iz Bajrona* [Good Night. From Byron]. *Severnnye cvety* [Northern Flowers]. St. Petersburg, 1825, pp. 269–273. (In Russ.)
8. Belinsky, V.G. *O tvorchestve I.I. Kozlova* [About the Work of Ivan Kozlov]. *Otechestvennye zapiski* [National Notes]. 1841, No. 2. Vol. XV, pp. 312–320. (In Russ.)
9. *Pesni rodiny, ili Polnyj russkij narodnyj pesennik, soderzhashhij v sebe: pesni, romansy i vodevil'nye kuplety* [Songs of the Motherland or a Complete Russian Folk Song Book Containing Songs, Romances and Vaudeville Couplets]. Compl. A.I. Golovin. St. Petersburg, Izdanie V.G. Shataeva Publ., 1884. 63 p. (In Russ.)
10. *Novejsnij russkij pesennik: Sобрание luchshih I ljubimejsih romansov, shansonetok I kupletov, ispolnjaemyh na scenah teatrov, v klubah i v domashnem krugu* [The Newest Russian Songbook: a Collection of the best and most beloved Romances, Chansonnettes and Couplets]. St. Petersburg, Rus. skoropech. (P.S. Nahimova) Publ., 1877. 67 p. (In Russ.)
11. Yadrintsev, N.M. *Russkaia obshchina v tiur'me i ssylke* [The Russian Community in Prison and Exile]. Compl., Foreword and Comments by S.A. Inikova. Ed. O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2015. 752 p. (In Russ.)
12. Dostoevsky, F.M. *Zapiski iz mertvogo doma* [Notes from the Dead House]. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t., T. 4* [The Complete Works in 30 Vols. Vol. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, p. 111. (In Russ.)

REFERENCES

1. Moisevich, V.G. *I.I. Kozlov – perevodchik britanskikh poetov: dis. ... kand.filol. nauk: 10.01.01* [I.I. Kozlov – Translator of British Poets: PhD]. Omsk, 2006. 231 p. (In Russ.)
2. Dostoevsky, F.M. *Zapiski iz mertvogo doma* [Notes from the Dead House]. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t., T. 4* [The Complete Works in 30 Vols. Vol. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, p. 111. (In Russ.)

13. *Prosnjotsja den krazy majoj (protjazhnaja pesnja), ispolnitel i avtor zapisi ansambl starinnoj kazachej pesni “Kazachja sprava”* [The Day of my Beauty will Wake up (Along Song), Performers and the Author of the Recording of the Ensemble of the Old Cossack Song]. Volgograd, 2019. *Oficialnaja videostranica ansamblja “Kazachja sprava”* [The Official Page of the Cossack Ensemble “Kazachja sprava”]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9zd8kQ7r2jQ> (In Russ.)
14. Kabanov, A.S. *Struktura pesnogo repertuara v traditsionnykh folklornykh kollektivakh donskikh kazakov* [The Structure of the Song Repertoire in the Traditional Folklore Groups of the Don Cossacks]. *Repertuar khudozhestvennoi samodeiatel’nosti: sovremennost traditsii* [The Repertoire of Amateur Performances: the Modernity of Traditions]. Sb. nauch. tr. Vyp. 127 [Proceedings. Issue 127]. Moscow, NIIK Publ., 1983, pp. 131–157. (In Russ.)
15. *Poslednij den krazy moej (liricheskaja pesnja), ispolnitel i avtor zapisi tvorcheskoe objedinenie “Arepej”. Selo Ratchino, Dobrovskij rajon, Lipeckaja obl. Zapis ijunja 2020 g.* [The Last Day of My Beauty (Lyric Song). The Performers and the Author of the Recording Arepej Creative Association. Ratchino Village, Dobrovsky District, Lipetsk Region. June 2020 Entry]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jExts4aPhv8> (In Russ.)
16. *Prosnjotsja den krazy moej, ispolnitel kazachij semejnyj ansambl “Sokol”. Hutor Mrykhovskij, Rostovskaja obl., avtor zapisi Aleksandr Matochkin. Zapis aprelja 2017 g.* [The Day of my Beauty will Wake up. The Performer is the Cossack Family Ensemble “Sokol”. Farm Mrykhovsky, Rostov Region; the Author of the Recording is Alexander Matochkin. April 2017 Entry]. *Soobshhestvo “Ladno-Horoshho”* [Online-Community “Ladno-Horoshho”]. URL: https://m.vk.com/wall-48536705_9601 (In Russ.)
17. Subbotin, S.I. *Kommentarii* [Comments]. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works in 7 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995. Vol. 2. *Stikhotvoreniia (Malenkie poemy)* [Poems]. 1997, pp. 255–461. (In Russ.)
18. *Pesni altajskikh kazakov: pesni s. Tulata Charyshskogo rajona i s. Sljudjanka Ust-Kalmanskogo rajona Altajskogo kraja, avtor zapisej i sostavitel V.M. Shhurov. Zapisi 1966 g. (s. Tulata, № 1–19) i 1977 g. (s. Sljudjanka, № 20–27). Audio CD-R, 2010* [Songs of the Altai Cossacks. Songs of the Village of Tulat of the Charyshsky district and the Village of Slyudyanka of the Ust-Kalmansky District of the Altai Territory. Author of Recordings and Compiler V.M. Shchurov. Records of 1966 (Tulata Village, No. 1–19) and 1977 (Slyudyanka Village, No. 20–27). Audio CD-R, 2010]. *Kraevedcheskij almanah “Charyshskoe”* [Local History Almanac “Charyshskoe”]. URL: <https://charysh.1553.ru/muzyka/diskografija/audio-cd-r-2010-pesni-altajskih-kazakov> (In Russ.)
19. Veselovsky, A.N. *Russkie perevody Bairona* [Russian Translations of Byron]. Byron D.-G. *Sochineniia* [Works in 3 Vols.]. St. Petersburg, Izdanie Brokgauza-Efrona Publ., 1903, pp. 582–601. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 11 апреля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 апреля 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.

Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on April 11, 2022

Revised on April 25, 2022

Accepted on April 29, 2022

Date of publication: June 30, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020756-7

Русский Байрон в XXI веке: заметки о современных переводах *Sun of the Sleepless*

© 2022 г. М. Р. Ненарокова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>
maria.nenarokova@yandex.ru

Резюме. Настоящая работа посвящена обзору и анализу переводов стихотворения Байрона *Sun of the Sleepless* в современной России. Материалом для исследования послужили четырнадцать переводов данного стихотворения, появившиеся в интернете с 2000 по 2021 год. Из десяти авторов лишь двое профессионально связаны с литературой. Остальные являются переводчиками-любителями. Анализ текстов показал, что, согласно классификации переводов, созданной Р.Р. Чайковским и Е.Л. Лысенковой, все обнаруженные переводы делятся на четыре группы, то есть переводы-вариации, переводы-модификации, подражания и стихотворения на мотив оригинала. Шесть переводов-вариаций продолжают традиции российской переводческой школы, передавая с разной степенью точности особенности формы и содержание оригинала. Переводы-модификации характеризуются большей степенью вольности. Они не передают форму оригинала, вносят изменения в замысел автора, однако их связь с текстом Байрона легко прослеживается. Еще одна группа текстов относится к переводам-подражаниям: автор создал пять вариантов текста, которые связывает с оригиналом лишь попытка сохранить размер и использованная лексика. Еще стихотворение можно считать написанным на мотив *Sun of the Sleepless*. По содержанию эти тексты резко отличаются от оригинала. Здесь можно говорить о том, что чтение Байрона пробудило у авторов потребность в собственном творчестве. Обзор переводов показывает, что лирика Байрона до сих пор остается востребованной в России.

Ключевые слова: перевод, Джордж Гордон Байрон, *Sun of the Sleepless*, перевод-вариация, перевод-модификация, подражание, стихотворение на мотив оригинала.

Для цитирования: Ненарокова М.Р. Русский Байрон в XXI веке: заметки о современных переводах *Sun of the Sleepless* // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 32–39. DOI: 10.31857/S160578800020756-7

Russian Byron in the XXI Century: Notes on Modern Translations of *Sun of the Sleepless*

© 2022 Maria R. Nenarokova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>
maria.nenarokova@yandex.ru

Abstract. This work reviews and analyses translations of Byron's poem *Sun of the Sleepless* in modern Russia. Fourteen translations of this poem that appeared on the Internet from 2000 to 2021 serve as a case study.

Of the ten authors, only two are professionally connected with literature. The rest are amateur translators. Analysis of the texts showed that, according to the classification of translations created by R.R. Tchaikovsky and E.L. Lysenkova, all discovered translations are divided into four groups: translations-variations, translations-modifications, imitations and poems based on the original. Six translations-variations continue the traditions of the Russian translation school, conveying the form and content of the original with varying degrees of accuracy. Translations-modifications are characterized by a greater degree of freedom. They do not convey the form of the original, they make changes to the contents of the original, but their connection with Byron's text is easily traced. Another group of texts refers to imitation translations: the author created five versions of the text, which are connected with the original only by an attempt to preserve the poetic meter and vocabulary. One more poem can be considered written to the motive of Sun of the Sleepless. The content of these texts differs sharply from the original. Here we can say that reading Byron awakened in the authors the need for their own creativity. A review of translations shows that Byron's lyrics are still in demand in Russia.

Key words: translation, George Gordon Byron, Sun of the Sleepless, translation-variation, translation-modification, imitation, poem based on the original.

For citation: Nenarokova, M.R. *Russkij Bajron v XXI veke: zametki o sovremennyh perevodah Sun of the Sleepless* [Russian Byron in the XXI Century: Notes on Modern Translations of Sun of the Sleepless]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 32–39. (In Russ.) DOI: 10.31857/S16057880020756-7

История переводов Байрона в России показывает, что цикл “Еврейские мелодии”, вышедший в свет в 1815 г., всегда пользовался большой популярностью у переводчиков. К нашему времени из “Еврейских мелодий” наиболее востребованным оказалось стихотворение *Sun of the Sleepless*, которое чаще всего помнят в переводе С.Я. Маршак, как кажется, наиболее удачном из всех. В первые двадцать лет XXI в. в интернете было выложено четырнадцать переводов этого стихотворения, причем пять являются, по утверждению их автора, Натальи Ивановой (Хариной), вольными.

Знаменательно, что среди авторов, выложивших свои переводы в сеть, только двое оказались профессионально связанными с литературой: Евгений Фельдман, поэт, профессиональный переводчик, продолжающий традиции переводческой школы В. Левика, и Наталья Иванова (Харина), член Союза журналистов России. Остальные восемь переводчиков обратились к этому стихотворению Байрона, как говорится, “по велению сердца”. Именно так написал о себе один из переводчиков-любителей, Александр Сингилеев: “Профессиональным переводчиком не являюсь, поэтому просто перевожу в меру сил и умений те произведения, которые не оставили меня равнодушным, даже будучи написанными на других языках” [1].

Если распределить все четырнадцать переводов в соответствии с классификацией, созданной Р.Р. Чайковским [2, с. 7–9], известным переводоведом, переводчиком, выдающимся специалистом в области теории художественного перевода

[19, с. 133], и Е.Л. Лысенковой, то они распределяются так:

- Перевод-вариация: тексты Сингилеева (2000), Е. Фельдмана (2010), К. Шатилова (2012), Сошникова (2016), Белграда (2020), А. Баталова (2021).
- Перевод-модификация: тексты М. Бойко (2018) и Путинцева (2011).
- Перевод-подражание: тексты Натальи Ивановой (Хариной) (2019).
- Стихотворение на мотив подлинника: текст Абрамова (2010).

Согласно классификации переводов, “тип перевода-вариации по степени близости к оригиналу по праву можно расположить непосредственно за адекватным переводом” [2, с. 7]. Такой перевод имеет на разных уровнях — ритмическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом — “отдельные отклонения от оригинала” [2, с. 7], поскольку переводчику не удалось достигнуть адекватности в созданном им тексте. Однако при всех возможных минусах переводы-вариации достаточно точно воспроизводят оригинал.

Все шесть авторов, чьи переводы можно назвать вариациями, — Сингилеев, Сошников, Шатилов, Фельдман, Белград и Баталов — постарались сохранить в переводах основные элементы оригинала, хотя это не всегда удавалось.

Метафора, которой пользуется Байрон для обозначения Луны в 1-й строке, в трех случаях из пяти передана неточно, причем трудность вызвало субстантивированное прилагательное

the sleepless – “бессонные, лишенные сна”, иными словами, “люди, мучающиеся бессонницей”. В трех из пяти переводов перифраз был воспринят не как выражение, смысл которого не равняется сумме смыслов входящих в него слов, а, напротив, как довольно свободное соединение слов. Так появилось не только “Бессонниц Солнце” [1] и “Бессонное солнце” [4], но и “Светило, лишённое сна”, возникшее при помощи генерализации [5]. И если “солнце бессонниц”, созданное Сингилеевым, все-таки еще можно соотнести с “солнцем бессонных”, тех, кто не спит ночами, страдая от бессонницы, то в переводах Сошникова и Е. Фельдмана даже намек на тех, кому луна заменяет солнце, исчезает. Бессонница приписывается самой луне. Словосочетание *melancholy star* удачно сохранено в переводе Сингилеева как “Печаль-Звезда” [1], в то время как Сошников предлагает вариант “планида печали” [5]. Читателю стоит задуматься над тем, как именно понимать это выражение. В современном русском языке “планида” чаще всего понимается как “судьба, участь”, и в таком случае выражение, созданное переводчиком, может иметь значение “печальная судьба”. Если же “планида” употребляется в значении “планета”, то мы сталкиваемся со стилизованным разнобоем, поскольку в наши дни слово “планида” воспринимается как архаичное и народно-разговорное. Кроме того, стоит отметить, что планета светится отраженным светом, а звезда сама излучает свет. Переводы первой строки, сделанные Белгородом [6] и Баталовым [7], лексически совпадают с текстом А.К. Толстого.

Во второй строке эпитет *tearful* оказался труден для перевода. Английское прилагательное *tearful* имеет два значения – “плачущий” и “вызывающий слезы, печальный”. Фельдман при помощи грамматической замены превратил прилагательное в существительное с предлогом: “В слезах порождая потоки лучей” [4]. Баталов и Сошников передали *tearful* как “слезливый”: “Издали ты слезливыми лучами!” [5]; “Твой луч слезливый светится всегда” [7], не учитывая тот факт, что в русском языке “слезливый” имеет синоним “плаксивый” и вызывает скорее неприятные ассоциации, например, “...слабый, жалкий, слезливый...” [8], “...психически нездоровый, слезливый, злобный, бесконечно усталый...” [8]. Переводческой удачей можно признать варианты Белграда: “Твой дальний луч, дрожащий как слеза” [6] и Шатилова: “Чей слабый свет слезой бежит сюда” [9].

Действие, которое производит “луч” (3-я строка), описывается по-разному: *dispel* – “прогнать,

заставить исчезнуть, рассеять” передается как “рассеять” [1]; [9], “победить [мрак]” [4], “озарить [тьму]” [5], “развеять” [7]. И снова Белград нашел удачное решение: *That show'st the darkness thou canst not dispel* [10] – “Мерцающая, мрак не в силах разогнать” [6]. Строка сохраняет ритм оригинала и передает его аллитерацию в значимых словах: байроновское *darkness* и *dispel* заменяется “мерцающая” и “мрак”.

Смысл 4-й строки не смог передать никто из переводчиков. У Байрона видим: *How like art thou to Joy remembered well!* [10] – “Как ты похожа на радость, которую я хорошо помню!”. У Сингилеева радость заменяется мечтой: “Ты незабытой не вернешь мечты” [1]. Ощущение ушедшей радости сохраняется Фельдманом, но добавление, которое он делает, меняет тональность строки: “Но ты, словно Радость былая, тревожишь” [4]. В переводе Сошникова тоже находим добавление, которое вносит изменения не только в настроение, но и в смысл текста: “Подобно радости, утратившей причину!” [5]. То же происходит и в переводе Баталова: “Как хорошо мне радость вспоминать” [7]. Пожалуй, самым удачным, но все же не до конца передающим смысл строки, можно считать перевод Шатилова: “Как ты печальна радостью былой!” [9]. Из перевода Белграда “радость” пропадает совсем: “Ты словно то, о чем лишь можно вспоминать!” [6], оставляя читателя в некотором недоумении. Можно предположить, что причиной неудачных переводов стало непонимание устаревших грамматических форм в тексте оригинала. Они, как кажется, стали камнем преткновения и для других переводчиков, например, перевод этой же строки, который Наталья Иванова (Харина) называет “дословным”, то есть совершенно точным, звучит так: “Как ты радостно помнишь, как хорошо!” [11].

Напротив, пятая строка – *So gleams the past, the light of other days* [10], несмотря на естественно возникшие расхождения в переводах, передана довольно точно. При этом переводы не обходятся без добавлений. Так, например, у Сошникова ощущение безвозвратности прошлого подчеркивается введением деепричастного оборота “канув в Лету” [5], причем появляется противоречие, которого не было в оригинале: прошлое не только ушло, но и забыто, поскольку Лета в античной мифологии является рекой забвения, и не может сиять “ярким блеском” перед внутренним взором автора и читателя [5]. Фельдман меняет интонацию строки с утвердительной на вопросительную, объединяя две строки в риторический вопрос: “Не так ли нам светят минувшие дни, /

Что светят, но всё же не греют они?” [4]. Так же поступает и Сингилеев: “Но этот свет согреет ли людей?!” [1]. Возможно, в каком-то другом стихотворении такая перемена была бы неуместна, но *Sun of the Sleepless*, как кажется, можно отнести к философской лирике, осмысляющей мир, место в нем человека, поэтому риторический вопрос, призывающий читателя остановиться и задуматься, не нарушает общего настроения стихотворения. Три перевода можно с уверенностью назвать адекватными: “Так нам сияет свет ушедших дней” [1], “Так прошлого забытый луч мерцает” [9], “Так светит прошлое, отблеск минувших дней” [6]. Видимо, у Белграда в слове “отблеск”, в котором по правилам ударение падает на первый слог, для сохранения стихотворного размера ударным сделан второй слог: “отблЕск”. Происходит так называемая инверсия, то есть перемещение ударения в слове на соседний слог, явление в современной русской поэзии редкое, но вполне возможное.

Байроновские *powerless rays* [10] из 6-й строки сохранены в трех переводах. Точное соответствие находим у Баталова, но эпитет у него вследствие грамматической замены стал частью именного сказуемого: “Но не согреют нас лучи его — бессильны” [7]. В других переводах используется такая переводческая трансформация, как модуляция. В переводе Сошникова “свет” называется “остывшим”: “Не может душу обогреть остывшим светом” [5], поскольку “бессильные лучи” не дают ни тепла, ни света, как, например, погасший очаг. Белград выбирает эпитет “немошные”, который обычно используется для характеристики физически слабого человека, не способного выполнять тяжелую работу, перенесшего какую-то болезнь. Можно предположить метафорическое использование этого прилагательного, но тогда “лучи” обретают человеческие качества и становятся самостоятельными действующими лицами в стихотворении, что нарушает авторский замысел. При том, что в переводе Шатилова обнаруживаем опущение (отсутствует упоминание о “лучах”): “Он только светит, но не согревает” [9], его перевод кажется гармоничным с точки зрения фонетики.

В центре 7-й строки находится образ *A night-beam Sorrow* [10] — “Скорбь, [сияющая] ночными лучами”, еще одна метафора луны. В переводе Сингилеева “Звезда-печаль” [1] уже появлялась в первой строке, поэтому повтор, хотя и не совсем точный, создает кольцевую композицию и побуждает читателя мысленно вернуться к 1-й строке стихотворения. Так же поступает и Фельдман: его “Бессонное солнце” [4] отсылает нас к первым

словам его перевода (“Бессонное солнце печальных ночей” [4]), но, вместе с тем, и к самому началу байроновского текста.

Сошников постарался сохранить все смыслы строки. Воспользовавшись тем, что *A night-beam Sorrow* метафорически обозначает луну, Сошников выбирает эпитет, который соответствует такому качеству звезды, как свечение, и тем самым также заставляет читателя вспомнить первую строку стихотворения: ведь в ней мы встречаем и “солнце”, и “звезду”. “Мерцающая Скорбь” [5] становится удачной авторской метафорой. Седьмая строка оригинала содержит два глагола, объединенных значением “видеть”: *watch* — не только “смотреть, наблюдать”, но и “стоять на часах”, и *behold* — “смотреть, созерцать”. При помощи компенсации и грамматической замены в его переводе появилась “смотрительница ночи” [5]. Белград пошел по такому же пути: в его переводе появился “Полночный страж” [6].

Последняя строка стихотворения в оригинале содержит четыре прилагательных, соединенных в пары при помощи антитезы. Внутри пар прилагательные аллитерируют друг с другом: *Distinct — distant; clear — cold* [10]. Эта строка является кульминацией всего стихотворения. Ни в одном из шести переводов эта концентрация смыслов передана не была. Авторы переводов в большинстве случаев подбирают четыре прилагательных, также составляющих пары, но первое из четырех оказывается в конце предыдущей строки, например, “Звезда Печали, так и Ты — видна, / Но далека; чиста, но холодна!” [1]; “В часы печали он от нас далёкий, / Нечёткий, ясный и такой холодный” [7]; “Звезда во мгле отчетливо видна, / Но далека, чиста — но холодна...” [9]. Перевод Белграда можно было бы считать удачным, если бы не нарушение ритма, произошедшее, вероятно, от того, что переводчик стремился сохранить все слова оригинала:

A night-beam Sorrow watcheth to behold
Distinct, but distant — clear — but, oh how cold! [10]

Полночный страж, — звезда печали мне видна,
Ясна, но далека, — чиста, но как же холодна! [6]

В двух случаях переводчики полностью изменили концовку оригинала. Фельдман при помощи грамматических замен и добавления создал строки, несущие большую эмоциональную нагрузку, но при этом полностью нарушающие ход мысли Байрона: “Бессонное солнце, ты зримо, ты ясно... / Но — холод, но — даль... О, как это ужасно!” [4]. Еще дальше пошел в этом отношении Сошников. Развивая метафору, созданную

в предыдущей, седьмой, строке: “Мерцающая Скорбь, смотрительница ночи” [5], переводчик создает образ не столько луны – звезды скорби, сколько Смерти: “Как холодны и далеки твои пустые очи!” [5], что совершенно меняет и замысел, и тональность оригинала.

Как видим, даже не являясь вполне адекватными переводами, проанализированные тексты достаточно близки к оригиналу и, как кажется, вписываются в двухсотлетнюю традицию перевода байроновского стихотворения, успешно продолжая ее.

Перевод-модификация, или вольный перевод, написан “на основе иноязычного оригинала” [2, с. 8], но отличается “от него по своим стилистическим параметрам и характеризуется низким показателем точности и высоким коэффициентом вольности” [2, с. 8]. Так, в переводе М. Бойко, который подпадает под определение Р.Р. Чайковского и Е.Л. Лысенковой, много отличий от оригинала. В первую очередь, можно говорить о перемене стихотворного размера: вместо байроновского пятистопного ямба обнаруживаем четырехстопный амфибрахий:

Sun of the sleepless! melancholy star! [10]
Бессонницы солнце, унынья светило... [12]

Практически в каждой строке перевода, сделанного Бойко, сохраняются части байроновского текста, но они дополнены ее авторским текстом. Так, например, байроновский *tearful beam* [10] под пером Бойко при помощи грамматических замен превратился в “Печали лучи...” [12]. Допустимость такого перевода можно обосновать тем, что одним из значений прилагательного *tearful* является “печальный”. Однако продолжение строки совершенно уводит читателя от текста оригинала: “...темноту захватили” [12]. Смысл третьей строки оригинала *That show’st the darkness thou canst not dispel* [10] – “Что ты являешь тьму, которую ты не можешь рассеять” – передан более-менее верно, хотя и с грамматической заменой и нарушением ритма: “Уже не рассеять им эту тьму” [12], тогда как четвертая строка полностью принадлежит переводчице: “А я, одержимый, в ностальгии тону” [12]. Пятая строка, хотя и с нарушением ритма, переведена практически точно: “Так светит нам прошлое, блеск других дней” [12]. В отношении шестой строки можно говорить о модуляции: если огонь все еще сияет, но перестает согревать находящихся рядом, то можно сказать, что “свет тускнеет” [8], “огонёк <...> тускнеет” [8], “тускнеет свет фонаря” [8], однако стоит отметить, что однокоренное прилагательное имеет форму

“тусклый”. В переводе Бойко видим: “Чье пламя отныне тускней и тускней...” [12]. Две заключительные строки текста Бойко настолько не соответствуют оригиналу, что оставляют читателя в некотором изумлении: “Далекие, яркие грусти лучи / Уплыли внезапно и скрылись в ночи...” [12]. И, тем не менее, при всех вольностях, допущенных переводчицей, байроновский текст словно бы просвечивает сквозь ткань перевода.

Отдельным случаем перевода-модификации можно считать текст Путинцева. Особенность его состоит в том, что практически любой фрагмент оригинала передан в два раза большим количеством слов перевода, отчего и текст Путинцева оказался больше на четыре строки. Так, две последние строки Байрона: *A night-beam Sorrow watcheth to behold, / Distinct, but distant – clear – but, oh how cold!* [10] – переданы как строфа из четырех строк:

Хозяйка ночи, вечная Печаль,
Струишь с небес давно свой свет свободный,
Он различим, но как безбрежна даль,
Чист, как слеза, но, все-таки, холодный. [13]

Среди переводчиков, обратившихся к стихотворению *Sun of the Sleepless*, только Наталья Иванова (Харина) оценила близость своих переводов к оригиналу и признала их “вольными”. Если бегло прочесть все пять вариантов перевода, то можно увидеть слова, которые отсылают нас к оригиналу, например, “звезда”, “солнце”, “бессонница”, “бессильный”, “слезный”, “звезда бессонных”. Однако, если вникнуть в смысл переводов, то окажется, что оригинал послужил переводчице некой отправной точкой для создания иных по содержанию стихотворений. В первую очередь изменения коснулись центрального образа стихотворения. Байрон пишет о луне, метафорически называя ее “солнцем бессонных”. Переводчица, видимо, рассматривает метафору как словосочетание, где слова соединены свободно, и если в первом из пяти вариантов перевода намек на луну еще присутствует (“Бессонных глаз – меланхоличная звезда, / Твой слёзный путь на небе – борозда” [14]), то в остальных вариантах луна заменяется солнцем, причем речь идет о далеком будущем, когда солнце погаснет: “О! Солнце-свет! В бессонницах глазах / Сгорело ты и светишь только в снах” [15], “Огонь и пламя Солнца – память дней, / Когда оно горело всё теплей” [16], “Звезда Бессонных – Солнце, светоч дня, / Ликуешь ты, тепло своё даря / <...> / Пожар потух, жар вычерпан до дна... / Звезда, увы, сегодня холодна” [3].

Второй вариант перевода можно назвать экспериментальным, поскольку в текст стихотворения вводится не соответствующая по стилю лексика. Так, существительное “солнце” заменяется транслитерированным английским заимствованием “супер-стар”: “Не знаящим сна землянам, супер-стар – / Стара, как мир...” [17], притом что в русском языке есть астрономический термин “сверхзвезда”, то есть “очень яркий астрономический объект”, в то время как “супер-стар” относится к области шоу-бизнеса и означает знаменитость или очень известного человека. У “звезды” из этого варианта перевода есть “Архив <...> во тьме кромешных лет, / В нём много вспышек, радости...” [17]. Собственно говоря, о переводе здесь говорить не приходится.

Если мы обратимся к классификации, предложенной Р.Р. Чайковским и Е.Л. Лысенковой, то лишь утвердимся в мысли, что так называемые переводы Натальи Ивановой (Хариной) вовсе таковыми не являются. Подобные тексты определяются как “подражания” [2, с. 8]: они основаны на “первоисточнике, написанном на другом языке” [2, с. 8], сохраняют с ним “некоторые общие черты” [2, с. 8], но далеко отстоят от оригинала “в отношении как содержания, так и формы” [2, с. 8]. По мнению исследователей, такие тексты следует рассматривать “в качестве нового оригинала” [2, с. 8].

В последнюю группу входит текст, который является скорее не переводом, а “стихотворением на мотив оригинала” [2, с. 8]. Он передает “основной мотив подлинника, в то время как остальная часть текста является реализацией максимальной свободы переводчика в виде его стихотворения, навеянного данным мотивом” [2, с. 8]. Таков перевод Абрамова. Если первая его строка перекликается с оригиналом: “Холодный луч твой светит, но не греет” [18], то остальные семь строк развивают совсем иную мысль, чем *Sun of the Sleepless*, а именно: есть люди, которые видят волшебную красоту ночи и предпочитают ее дню, а луной способны любоваться с большим удовольствием, чем солнцем.

Но кто прогулки любит в окружень
ночной прохлады и мерцанья звёзд,
тот пленником пребудет отраженья
ночного неба и безмолвных вод. [18]

Притом что это такое же “ночное” стихотворение, как и *Sun of the Sleepless*, переводом его назвать нельзя: слишком оно отличается и по форме, и по содержанию от написанного Байроном.

Как видим, *Sun of the Sleepless* является, пожалуй, одним из наиболее переводимых стихотворений Байрона, причем к нему зачастую обращаются не только люди, профессионально связанные с созданием текстов как прозаических, так и стихотворных, но и переводчики-любители, для которых важны их собственные переживания от прочитанного стихотворения, а желание переложить понравившиеся стихи на родной язык приходит потом. Четырнадцать переводов, появившихся в сети за двадцать один год XXI века, свидетельствуют о том, что *Sun of the Sleepless*, написанное более двухсот лет назад, находит отклик в душе современного человека, подчас страдающего от одиночества, тоски по ушедшему прошлому, испытывающего неуверенность в будущем. Несмотря на то, что в культурной жизни России в конце XX века произошли большие перемены, большинство авторов, продолжая традиции переводческой школы нашей страны, с уважением относятся к стихотворению Байрона и стремятся как можно более точно передать в своих текстах и форму, и содержание оригинала. Этому свидетельством являются шесть переводов-вариаций, в достаточной степени удачных. В переводах-модификациях наблюдается большая степень вольности: они либо отходят дальше от содержания байроновского текста, либо в значительной степени меняют словесную оболочку оригинала, но при этом байроновский текст остается узнаваемым. Лишь два автора использовали текст оригинала для создания сильно отличающихся от него текстов. В результате появились стихотворения, которые невозможно отнести к переводам в истинном значении этого слова, это подражания или же произведения, созданные по мотивам оригинала, но здесь можно говорить о том, что чтение Байрона пробудило у авторов потребность в собственном творчестве, породило необходимость диалога с великим поэтом прошлого. Байрон, ставший “своим” для русской культуры еще во времена Пушкина, как кажется, остается таковым для нас и сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сингилеев А.* Бессониц Солнце!... URL: http://samlib.ru/s/singileew_a_e/sun_of_the_sleepless_by_byron.shtml
2. *Лысенкова Е.Л., Чайковский Р.Р.* “Осенний день” Р.М. Рильке: оригинал и его переводы. Магадан: Кордис, 2015. 99 с.
3. *Иванова (Харина) Н.* Огонь и пламя Солнца... URL: <https://proza.ru/2019/10/30/172>

4. Фельдман Е. Бессонное солнце... URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=7230>
5. Сошников Г. Светило, лишённое сна... URL: <https://stih.ru/2016/05/10/9257>
6. Белград С. Неспящих солнце! URL: <https://avtor.rustih.ru/fugas1/g-g-byron-sun-of-the-sleepless-perevod-27-04-2020/>
7. Баталов А. Не спящих солнце... URL: <https://dompoeta.ru/54-perevody-i-stikhi-na-drugikh-yazykakh/poeticheskie-perevody/4167-4167>
8. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>
9. Шатилов К. О поэтическом переводе. URL: <https://best-repetitor.jimdofree.com/2012/11/23/%D0%BE-%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B5/>
10. *Byron, George Gordon. Sin of the Sleepless...* URL: https://www.poetryloverspage.com/poets/byron/sun_of_sleepless.html
11. Иванова (Харина) Н. Солнце Бессонных (дословный перевод). URL: <https://proza.ru/2019/10/30/172>
12. Бойко М. Бессонницы солнце... URL: <https://ryfma.com/p/xdCPBbjNGpdRrbsxp/bessonnicy-solnce-perevod-dzh-gordon-bairon-sun-of-the-sleepless>
13. Путинцев С. Неспящих солнце... URL: <http://reshetoria.ru/user/Sufij/index.php?id=16056&page=10&ord=0>
14. Иванова (Харина) Н. Бессонных глаз... URL: <https://proza.ru/2019/10/30/172>
15. Иванова (Харина) Н. Не знавшим сна... URL: <https://proza.ru/2019/10/30/172>
16. Иванова (Харина) Н. О! Солнце-свет! ... URL: <https://proza.ru/2019/10/30/172>
17. Иванова (Харина) Н. Звезда Бессонных... URL: <https://proza.ru/2019/10/30/172>
18. Абрамов А. Холодный луч твой светит... URL: <https://proza.ru/2013/05/10/1223>
19. Миронова Н.Н. Роман Романович Чайковский // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2017. № 4. С. 133–135.
3. Ivanova (Harina), N. *Ogon i plamja Solnca...* [The Fire and Flame of the Sun...]. URL: <https://proza.ru/2019/10/30/172> (In Russ.)
4. Feldman, E. *Bessonnoe solnce...* [The Sleepless Sun...]. URL: <http://eng-poetry.ru/Поem.php?ПоemId=7230> (In Russ.)
5. Soshnikov, G. *Svetilo, lishennoe sna...* [The Luminary, Deprived of Sleep...]. URL: <https://stih.ru/2016/05/10/9257> (In Russ.)
6. *Belgrad, S. Nespjashhiih solnce!* [The Sun of the Sleepless]. URL: <https://avtor.rustih.ru/fugas1/g-g-byron-sun-of-the-sleepless-perevod-27-04-2020/> (In Russ.)
7. Batalov, A. *Ne spjashhiih solnce...* [The Sun of The Sleepless]. URL: <https://dompoeta.ru/54-perevody-i-stikhi-na-drugikh-yazykakh/poeticheskie-perevody/4167-4167> (In Russ.)
8. *Nacionalnyj korpus russkogo jazyka* [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (In Russ.)
9. Shatilov, K. *O poeticheskom perevode* [On Poetic Translation]. URL: <https://best-repetitor.jimdofree.com/2012/11/23/%D0%BE-%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B5/> (In Russ.)
10. Byron, George Gordon. *Sin of the Sleepless...* URL: https://www.poetryloverspage.com/poets/byron/sun_of_sleepless.html
11. Ivanova (Harina), N. *Solnce Bessonnyh (doslovnyj perevod)* [Sun of the Sleepless (Literal Translation)]. URL: <https://proza.ru/2019/10/30/172> (In Russ.)
12. Bojko, M. *Bessonnicy solnce...* [The Sun of Insomnia...]. URL: <https://ryfma.com/p/xdCPBbjNGpdRrbsxp/bessonnicy-solnce-perevod-dzh-gordon-bairon-sun-of-the-sleepless> (In Russ.)
13. Putincev, S. *Nespjashhiih solnce...* [Sun of the Sleepless...]. URL: <http://reshetoria.ru/user/Sufij/index.php?id=16056&page=10&ord=0> (In Russ.)
14. Ivanova (Harina), N. *Bessonnyh glaz...* [Of Sleepless Eyes...]. URL: <https://proza.ru/2019/10/30/172> (In Russ.)
15. Ivanova (Harina), N. *Ne znavshim sna...* [To Those Who Didn't Know Sleep...]. URL: <https://proza.ru/2019/10/30/172> (In Russ.)

REFERENCES

1. Singileev, A. *Bessonnic Solnce!..* [The Sun of Insomnias!..]. URL: http://samlib.ru/s/singileew_a_e/sun_of_the_sleepless_by_byron.shtml (In Russ.)
2. Lysenkova, E.L., Chaykovsky, R.R. "*Osennij den*" R.M. Rilke: *original i ego perevody* ["An Autumn Day" by R.M. Rilke: the Original and its Translations]. Magadan, Kordis Publ., 2015. 99 p. (In Russ.)
17. Ivanova (Harina), N. *Zvezda Bessonnyh...* [The Star of the Sleepless...]. URL: <https://proza.ru/2019/10/30/172> (In Russ.)
18. Abramov, A. *Holodnyj luch tvoij svetit...* [Your cold beam shines...]. URL: <https://proza.ru/2013/05/10/1223> (In Russ.)

19. Mironova, N.N. *Roman Romanovich Chajkovskij* [Roman Romanovich Chaykovsky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda* [Bulletin of the Moscow State University. Issue 22. Theory of Translation]. 2017, No. 4, pp. 133–135. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 11 апреля 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 апреля 2022 г.
Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.
Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on April 11, 2022
Revised on April 25, 2022
Accepted on April 29, 2022
Date of publication: June 30, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020757-8

“Три оды парафрастические псалма 143”: религия и политика в поэтическом состязании Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова в 1743 г.

© 2022 г. В. Л. Коровин

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1,
профессор Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
КНР, 518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган,
Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1
korovinv@yandex.ru

Резюме. В статье уточняются обстоятельства создания первых переложений псалмов В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова, напечатанных в брошюре “Три оды парафрастические псалма 143...” (СПб., 1744; вышла в конце 1743 г.). Как известно, они были написаны в связи с их теоретической дискуссией о “российском стихосложении” (о семантике стоп ямба и хорей) и вынесены на суд публики в качестве результатов поэтического состязания. В данной статье внимание сосредоточено не на вопросах стиля и метрики, а на содержании этих стихотворений и дается объяснение, почему для своих первых переложений три поэта выбрали именно 143 псалом (в еврейской нумерации 144). Он относится к числу “царских” псалмов, надписан “Псалом Давиду, к Голиафу” (“Псалом Давида о Голиафе”), а в заключительных стихах имеет два противоположных по смыслу варианта чтения: в греческом варианте речь идет о временном благополучии грешников (чужого народа), в еврейском — о вечном блаженстве праведников (своего народа). С греческого был сделан славянский перевод, с еврейского — немецкий перевод М. Лютера. Все три поэта сделали переложения по славянскому тексту псалма, обнаруживая верность Православию, и вместе с тем выражая надежду, что власти немцев-лютеран в Петербургской Академии наук скоро будет положен конец. Иносказательный религиозно-политический смысл переложений 143 псалма раскрывался в сопоставлении с немецким переводом и должен был уязвить врагов Ломоносова и Тредиаковского в Академии наук. Написаны три оды были между 8 и 31 августа 1743 г. вскоре после заключения Абоского мира со Швецией (который закрепил очередную победу православных русских над лютеранами шведами, Давида — над Голиафом) и освобождения Ломоносова из-под караула (где он находился с конца мая из-за конфликта с немецкими профессорами). Инициатором состязания был Сумароков, и он же, видимо, первый и предложил выбрать для поэтического состязания 143 псалом (позднее он сделает другое его переложение по еврейскому варианту). Издание “Трех од” выглядело как входящее в комплекс мероприятий ко 2-й годовщине восшествия на престол Елизаветы Петровны, и, возможно, поэтому за ним наблюдал генерал-прокурор Сената князь Н.Ю. Трубецкой.

Ключевые слова: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, поэтические состязания, переложения псалмов, псалом 143 (144), Славянская Библия, Православие, лютеранство, императрица Елизавета Петровна, князь Н.Ю. Трубецкой, Абоский мир, история Петербургской АН.

Для цитирования: Коровин В.Л. “Три оды парафрастические псалма 143”: религия и политика в поэтическом состязании Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова в 1743 г. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 40–51. DOI: 10.31857/S160578800020757-8

"Three Paraphrastic Odes of Psalm 143": Religion and Politics in the Poetry Contest of Trediakovsky, Lomonosov and Sumarokov in 1743

© 2022 Vladimir L. Korovin

Doct. Sci. (Philol.),
 Professor at the Lomonosov Moscow State University,
 1, bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
 Professor of Shenzhen MSU-BIT University, No. 1, International University Park Road,
 Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, 518172, PRC
 korovinv@yandex.ru

Abstract. The article clarifies the circumstances of the creation of the first translations of the psalms by V.K. Trediakovsky, M.V. Lomonosov and A.P. Sumarokov, printed in the brochure "Three Paraphrastic Odes of Psalm 143" (St. Petersburg, 1744; published at the end of 1743). As it is known, they were written in connection with their theoretical discussion about Russian versification (on the semantics of the iambic and trochee) and were brought to the public as the results of a poetic contest. In this article attention is focused not on questions of style and metrics, but on the content of these poems and for the first time an explanation is given why three poets had chosen psalm 143 (in the Hebrew numbering 144) for their first transcriptions. It belongs to the "royal" psalms, it is inscribed "Psalm of David about Goliath", and in the final verses it has two opposite reading options: in the Greek version it is about the temporary well-being of sinners (foreign people), in the Hebrew – about the eternal bliss of the righteous (their own people). The Slavic translation was made from Greek, and the German translation by M. Luther was made from Hebrew. All three poets made interpretations according to the Slavic translation version, showing their loyalty to Orthodox Christianity, and at the same time expressing the hope that the power of the Lutheran Germans in the St. Petersburg Academy of Sciences will soon be put to an end. The allegorical religious and political meaning of the translations of Psalm 143 was revealed in comparison with the German translation and was supposed to sting the enemies of Lomonosov and Trediakovsky at the Academy of Sciences. Three odes were written in August 1743, shortly after the conclusion of the Abo Peace with Sweden (which secured another victory of the Orthodox Russians over the Lutheran Swedes, David over Goliath) and the release of Lomonosov from arrest (where he had been since the end of May due to a conflict with German professors). Apparently, he was the first who suggested choosing psalm 143 for the poetic contest (later he will make its another interpretation according to the Hebrew version). The publication of the "Three Odes" was part of a set of events for the second anniversary of Elizabeth Petrovna's accession to the throne, so it was supervised by the Prosecutor General of the Senate, Prince N.Yu. Trubetskoy.

Key words: Trediakovsky, Lomonosov, Sumarokov, Poetry Contests, Verse Paraphrases of Psalms, Psalm 143 (144), Slavic Bible, Orthodox Christianity, Lutheranism, Empress Elizaveta Petrovna, Prince N.Yu. Trubetskoy, the Abo Peace, History of the Petersburg Academy of Sciences.

For citation: Korovin, V.L. *"Tri ody parafrasticheskiye psalma 143": religiya i politika v poeticheskom sostyazaniyi Trediakovskogo, Lomonosova i Sumarokova v 1743 g.* ["Three Paraphrastic Odes of Psalm 143": Religion and Politics in the Poetry Contest of Trediakovsky, Lomonosov and Sumarokov in 1743]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 40–51. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020757-8

"Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцов, из которых каждой одну сложил особливо" [1] — брошюра, в которой В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков вынесли на суд читателей результаты своего поэтического состязания, предпринятого, как сообщалось в предисловии ("Для известия"), в связи с их спором о сравнительных достоинствах ямба и хорей, свойственны ли одному исключительно "высокость" и "великолепие", а другому — "нежная умильность". Двое (Ломоносов и Сумароков) полагали, что свойственны, а один (Тредиаковский) доказывал, что "...обе сия Стопы по всему себе равны, так что одна пред другою никакова преимущества иметь не может, когда оне токмо сами в себе, и к словам

не приложенные, рассматриваются” [1, с. 5]. Имена авторов трех од (двух “иамбических” и одной “хореической”) объявлялись, но не раскрывалось, “который из них которую Оду сочинил”: “...знающие их свойства и дух тотчас узнают сами, которая Ода чрез которого сложена” [1, с. 6].

На титуле брошюры стоял 1744 г., но в Канцелярии АН она была подана в 1743 г. еще 31 августа, а отпечатана была в декабре тиражом 500 экземпляров (300 за счет авторов и 200 для продажи). 24 декабря 1743 г. генерал-прокурор Сената князь Н.Ю. Трубецкой распорядился напечатать еще 600 экземпляров, однако это было исполнено лишь частично: под тем предлогом, что в его письме было “не объявлено за чей счет стихи сии делать”, дополнительно напечатали только 150 книжек, поставив их на счет авторов (см.: [2, ч. 2, с. 434]¹; [3, с. 76–77]). Если бы распоряжение Трубецкого было исполнено в точности, общий тираж составил бы 1100 экземпляров (при максимальном в то время тираже 1200). Такая забота, проявленная одним из высших государственных чиновников, позволяет усомниться в том, что единственной целью публикации было решение литературно-теоретического вопроса, что просто “...разгорячившиеся писатели решились свой спор передать на суд публики” [4, т. 2, с. 104–105], а потом смогли заинтересовать им просвещенного вельможу (даже если учесть, что Трубецкой, друг князя А.Д. Кантемира и отчим М.М. Хераскова, вообще интересовался поэзией и не раз оказывал влияние на ход литературных дел; см. об этом: [5, с. 8–9]).

Спор о семантике стихотворных метров был чисто теоретическим, состязание трех стихотворцев преподносилось как научный эксперимент, выглядело, по выражению Г.А. Гуковского, “состязанием мыслей, а не людей” [6, с. 253]. В предисловии, написанном Третьяковским, подчеркивалось, что оды трех авторов печатаются не для того, чтобы определить лучшего среди них², а, как можно было понять, чтобы выяснить возможности нового силлабо-тонического стихосложения, общие принципы которого они принимают единодушно:

¹ Здесь см. документы об издании брошюры, опубликованные А.А. Куником, который впервые перепечатал и весь ее текст [2, ч. 2, с. 419–433]; см. также его попутные замечания о ней: [2, ч. 1, с. XLIX–L].

² На самом деле, по справедливому замечанию А.Б. Шишкина, автора одной из наиболее содержательных работ о состязании 1743 г., все обстояло несколько иначе: “Сомнительно, чтобы читающее общество отделяло соревнование од от состязания поэтов. И сами авторы од вне литературного этикета скорее всего считали, что стихотворец, лучший в искусстве, лучше знает и законы искусства. Другими словами, не теоретический спор решался в форме соревнования, но состязание поэтов происходило в форме спора” [7, с. 242].

“...подаются оне Свету не в таком намерении, чтоб рассмотреть и определить, которой из них лучше и великолепнее вознесся. Сие предпочтение могло бы им быть всем троим обидно: ибо праведно есть, что все трое не подлым искусством сочинили свои Стихи, и что трудный и прерывный разум Псалма совершенно они изобразили. Чувствительная токмо разность их жанра и изображений, а удивительное согласие разума здесь предлагается, и от сего заключается, что все добрые Стихотворцы коль ни разно в особливости остроту своих мыслей и силу различают, однако в обществе в один пункт сходятся, и чрез то от должного себе центра не относятся. Чрез сие самое распознаются многие дряхлые на Парнасс ползущие, которые и свои мысли не ясно иногда словами изображают, и стихом весьма не гладким и не правильным...” [1, с. 6]. Последнее замечание ближайшим образом относилось к приверженцам “дряхлого” силлабического стихосложения, а в их числе был и Кантемир, приславший в АН рукопись “Письма Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских”, которую тот же Трубецкой в феврале 1743 г. поручил подготовить к печати (сделать корректуру) Третьяковскому (см.: [8, с. 525–526]; [4, т. 2, с. 91]). Трубецкой и был тем неназванным “приятелем”, которому адресовано “Письмо Харитона Макентина”, где мнение, что “стоп рассуждения ненужно”, высказывается в особом параграфе³. Скрытая полемика с трактатом Кантемира, которая, как показал Ю.В. Стенник, присутствовала в споре о ямбах и хореях [9], вряд ли могла обеспечить поддержку брошюры “трех стихотворцев” со стороны Трубецкого (скорее наоборот), однако именно он выступил с инициативой об увеличении ее тиража более чем вдвое. Значит, он этой полемики не заметил или не придавал ей значения в данном случае, считая главным в книге не теоретический диспут о стихосложении, а нечто другое.

“Три оды парафрастические псалма 143” — книга уникальная и в высшей степени значимая по месту, которое она заняла в истории русской литературы (что отмечали почти все писавшие о ней). Это первое и единственное совместное выступление трех основоположников новой русской литературы; первое в ее истории поэтическое состязание, в котором установились главные черты таких состязаний в XVIII веке [6, с. 253–255] и

³ Квинта Горация Флакка десять писем первой книги / Переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1744. С. 10 (2-я паг.) (“Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских”, глава IV, § 20).

выявилась новая "теория текста" [7, с. 232]. Выход этой книги ознаменовал фактическое завершение реформы стихосложения, начатой в предыдущем десятилетии⁴. И, наконец, три оды, в ней опубликованные, оказались первыми в русской гражданской печати стихотворными переложениями из Священного Писания ("Псалтирь рифмотворная" Симеона Полоцкого печаталась в 1680 г., задолго до появления гражданского шрифта) и первыми опытами в этом роде для всех трех авторов – не только для Сумарокова и Ломоносова, но и для Третьяковского⁵, имевшего за плечами уже продолжительную литературную деятельность. Их переложения 143 псалма – первые в новой русской поэзии библейские парафразы и первые образцы того, что вскоре станут называться "духовными одами" (термин войдет в обиход благодаря Ломоносову), и в какой-то мере эталонные образцы этого жанра, который занимал наивысшую позицию в иерархии лирических жанров вплоть до начала XIX века. Они были образцовыми и в более широком смысле, поскольку в западноевропейской литературной традиции, на которую во многом ориентировались "отцы российского стихотворства", псалтырным переложениям были присвоены функции "учебника поэзии" (о чем писал В.М. Живов, см.: [11, с. 542–543]).

Не все из перечисленных аспектов состязания 1743 г. (так или иначе обсуждавшиеся в научной литературе⁶) могли быть в равной мере

⁴ "Спор <о ямбах и хорях. – В.К.> был нужен, чтобы своеобразно утвердить необратимость произведенных Третьяковским и Ломоносовым перемен, ибо прилагавшиеся образцы переложений псалма 143 должны были доказать, что введение стоп в русском стихосложении стало реальностью" [9, с. 103].

⁵ В "Предупреждении" к переложению всей Псалтири, завершеному Третьяковским в 1753 г., есть прямое свидетельство об этом: "Что более в Псалтирь начал я вникать (по случаю СХLIII псалма, прежде всех других и особенно предложенного при некоем любопытствии), то сильнее отчасу стал быть поражаем великолепием ее слога и чувствовать величие изображаемых всюду в ней вещей" [10, Предупреждение (курсив мой. – В.К.)].

⁶ Некоторые из специальных работ уже цитировались ([6]; [7]; [9]). О месте "Трех од" в истории русской псалмодической лирики писал А. Левицкий ("Литературное значение Псалтири Третьяковского. Гл. II: Первое русское трио и Арфа Давида" [10, с. XXVII–XL1]), им посвящена отдельная большая глава в монографии Л.Ф. Луцевич о Псалтири в русской поэзии XVIII в. [12, с. 141–241]. Из иностранных работ можно назвать статью датских исследователей о стилистических аспектах состязания трех поэтов [13]; ценные замечания о нем есть в недавней работе И.А. Есаулова, посвященной общему вопросу о парафразах в новой русской литературе [14]. Кроме того, спор 1743 г. затрагивается едва ли не в большинстве учебных пособий и работ обобщающего характера, посвященных Третьяковскому, Ломоносову, Сумарокову, русской литературе XVIII века, теории и истории русского стихосложения и т.п.

занимательны для той достаточно широкой публики, на суд которой трое стихотворцев выносили его результаты. В частности, круг читателей, способных понять обсуждаемую в предисловии проблему стихосложения (и владеющих терминами "стопа", "ямб", "хорей"), был явно не очень велик⁷. Большинство же составляли читатели, которые могли заняться самими переложениями, сличая их между собой и с церковнославянским текстом псалма. Именно для таких читателей перед тремя одами он был полностью напечатан (гражданским шрифтом, курсивом) со следующей преамбулой: "...читая может быть заблагорассудится кому сличить Оды с самым подлинным Псалмом, а не имея вскоре Псалтири при себе, может он лишиться сего удовольствия: того ради вносится сюда оный Псалом весь точно" [1, с. 6].

В этой связи важно разобраться, что из себя представляет псалом 143 и почему Третьяковский, Ломоносов и Сумароков именно его выбрали для своего первого опыта в переложениях текстов Псалтири. С точки зрения спора о ямбах и хорях выбор конкретного псалма не имел никакого значения, поскольку все они относились к священной поэзии и их следовало переложать с "высокостью" и "великолепием". Однако выбор был сделан, и, кажется, ему можно найти объяснение.

Прежде чем это сделать, остановимся на вопросе, кто из трех поэтов первым предложил выбрать 143 псалом.

"Все трое", "оба прочие" и "третий из них"

"Известие" Третьяковского о поэтическом состязании 1743 г. существует в двух вариантах – предисловие "Для известия" в книге "Три оды парафрастические псалма 143", вышедшей под новым 1744 г. [1, с. 3–6], и "Рассуждение о стопе ямба и хорей", напечатанное перед "Парафразом псалма 143" во втором томе его "Сочинений и переводов" в 1752 г. (см.: [15, с. 191–194]). Текст "Рассуждения" – видоизмененная версия текста "Для известия", по большей части они дословно совпадают, только в 1752 г. рассказ о споре трех авторов ведется уже от первого, а не от третьего лица, и полностью раскрыто, кто из спорящих какую позицию защищал.

Кто из трех авторов предложил вообще сделать переложения из Псалтири, на этот счет в версиях 1743 и 1752 гг. нет никаких разночтений – это "третий из них", т.е. Сумароков: "На сие третий из них же предлагал, что и он в ИАМБЕ находит высокость... <...> Но чтоб не показалось, что двое

⁷ О круге потенциальных "судий" состязания см.: [7, с. 235–236].

одного хотят преодолеть, и что притом сие дело не может решиться большинством, чтоб позволено так сказать, голосов: того ради он рассуждает, сочинить всем трем некоторой высокой род стихотворения, а именно Оду, а для сего выбрать один Псалом из Псалтири” [1, с. 5]. Тот же текст находим и в издании 1752 г. (перемены только в орфографии: вместо “ИАМБ” — “ямб”, вместо “большеством” — “большинством” [15, с. 193]). К тому времени, после представления на сцене комедии Сумарокова “Тресотиниус” (1750) и многоэтапной “литературной войны” с ним, Третьяковский меньше всего был склонен подчеркивать его заслуги, но не смог погрешить против истины и отнять у Сумарокова честь инициатора состязания 1743 г., первым предложившего переложить один псалом из Псалтири.

Разница в показаниях возникает далее — там, где говорится о выборе конкретного псалма. В первоначальной версии читаем:

Защитник хорая, как прочие оба его называли, хотел было пространнее доказывать <...>. Но *оба прочие не хотели* от него ничего больше слышать, да *только склонили его* к тому, чтоб ему сочинить Оду Хореическую, и *выбрали себе на сие Псалом сто сорок третий* [1, с. 5–6 (курсив мой. — В.К.)].

Ср. в версии 1752 г.:

Я хотел было пространнее доказывать <...>. Но *оба прочие не хотели* от меня ничего больше слышать, только что *второй склонил меня* к тому, чтоб мне сочинить оду хореическую, а *все трое выбрали мы себе на то Псалом сто сорок третий* [15, с. 194 (курсив мой. — В.К.)].

В последней версии (1752) все абсолютно ясно: написать хореическую оду Третьяковского убедил Ломоносов (“второй”), а псалом для переложения они выбрали все втроем сообща. Но в первой версии сказано, что к участию в состязании Третьяковского “склонили” два автора, а в последней — только Ломоносов. Такое изменение могло быть продиктовано нежеланием Третьяковского в 1752 г. признаваться, что когда-то он мог прислушиваться к Сумарокову и принимать его всерьез, поэтому, на наш взгляд, в данном случае большего доверия заслуживает первая версия.

Сообщения о выборе конкретного псалма, при сопоставлении, выглядят еще двусмысленней.

По тексту первоначальной версии получается, что “защитника хорая” к сочинению оды “склонили” “оба прочие”, т.е. не один Ломоносов, а он и Сумароков, и они же — “оба прочие” — “выбрали себе” 143 псалом. Причастность “третьего” к этому выбору остается в тумане: по прямому

грамматическому смыслу фразы он ни при чем (все три сказуемых в предложении привязаны к подлежащему “оба прочие”), но при желании можно это понять и так, что не только эти двое, но и он вместе с ними “выбрали себе” псалом (ведь оду-то он все-таки написал).

Кажется, в 1743 г. Третьяковский намеренно прибежал к косноязычию, чтобы при необходимости иметь возможность откеститься от причастности к выбору 143 псалма. Это они — “*оба прочие*” — “не хотели от него ничего больше слышать”, “склонили его” и “выбрали себе” псалом, а он только поддался им и выполнил потом условия состязания, написав хореическую оду. В 1752 г. он, однако, уже не считает нужным дистанцироваться от выбора псалма и пишет однозначно: “*все трое выбрали мы себе*” псалом 143.

Существует традиция не доверять ни первой, ни второй версии Третьяковского и считать его самого, а не Сумарокова, инициатором и организатором всего состязания. Так, А.А. Куник еще в 1865 г. писал, что “первую мысль, по всей вероятности, подал Третьяковский” [2, ч. 1, с. XLIX–L]. Из новейших исследователей то же мнение высказала Л.Ф. Луцевич: «Идея, как и оформление всего издания “Трех од парафрастических псалма 143”, принадлежит, с наибольшей вероятностью, Третьяковскому» [12, с. 193] (далее доказывается, что и выбор псалма мог принадлежать именно ему). Высказывалось и мнение, что 143 псалом выбрал Ломоносов [16, с. 903] (см. ниже). Однако большинство исследователей все-таки доверяют сообщению в предисловии к “Трем одам” и не оспаривают роль Сумарокова как инициатора состязания (обычно совсем не задаваясь вопросом о выборе псалма).

На наш взгляд, в 1752 г. у Третьяковского не было причин скрывать, что он был инициатором состязания (поскольку его результатами был вполне удовлетворен), а затушевывать роль Сумарокова — причины были. Однако он этого не сделал и повторил, что именно “*третий из них*” подал идею состязания и предложил выбрать псалом из Псалтири. Выбор конкретного псалма, видимо, происходил уже в довольно горячей обстановке, и Третьяковский, может быть, упустил, кто именно — Сумароков или Ломоносов — первым назвал 143 псалом. Кто бы это ни был, остальные, видимо, почти сразу и с восторгом приняли его идею. Поэтому в 1752 г. Третьяковский имел право сказать, что 143 псалом “*все трое выбрали мы себе*”, но вряд ли он первым мог на него указать, иначе он запомнил бы это твердо и потом подчеркнул именно свое первенство, а не написал бы “мы”.

В тексте 1752 г. сравнительно с 1743 г. с помощью этого "мы" слегка затушевывается роль Сумарокова (тут он один из трех, а не один из двух), и это согласуется с отношением к нему Третьяковского в это время.

Есть основания полагать, что именно Сумароков первым указал на 143 псалом или он же сообщая с Ломоносовым, но никак не "все трое". Забегая вперед, заметим, что это связано с их большей, чем у Третьяковского, приобщенностью к немецкому языку и культуре (почему это так — станет ясно из дальнейшего).

* * *

Кто бы первым из трех поэтов ни предложил 143 псалом, у него должны были иметься для этого основания, причем достаточно увлекательные, чтобы двое других сразу же поддержали его выбор. Чем оказался привлекателен или удобен для трех авторов 143 псалом — до сих пор на этот счет некоторые объяснения попыталась дать только Л.Ф. Луцевич: 1) 143 псалом не входит в состав ежедневного богослужения и не мог быть "на слуху" у читателей; 2) содержит в себе "героический" элемент (а в предисловии используется выражение "героический стих" — в изложении позиции первого "защитника ямбов", т.е. Ломоносова); 3) обладает оптимальным для переложения объемом (15 стихов); 4) отличается тематическим разнообразием; 5) «...интересен также по внутренним жанровым определителям, имеющимся в богослужебной литературе, — это не только "песня" прославления Господа, но и "молитва" о победе над врагом» [12, с. 195–196]. Это объяснения верные, но недостаточные, поскольку всем названным параметрам соответствуют хотя и не все, но очень многие псалмы.

На наш взгляд, ответ на вопрос о выборе для переложения 143 псалма лежит на поверхности. Дело в том, что он обладает как минимум двумя *уникальными* особенностями, на которые почему-то пока не обращалось внимание писавших о состязании 1743 г.

Во-первых, это единственный в Псалтири псалом, имеющий надписание "Псалом Давиду, к Голиафу", т.е. "[псалом] Давида о Голиафе"⁸. В еврейском оригинале надписания нет, но оно имеется в древнем греческом переводе

⁸ Так с греческого перевел надписание 143 псалма П.А. Юнгеров [17]. Кроме 143 псалма, имя Голиафа в Псалтири встречается еще только в надписании дополнительного 151 псалма, которого не было на еврейском языке (ц.-слав. надписание: "Сей псалом особъ писан, Давидов, и вне числа 150 псалмовъ, внигда единобръствоваше на Голиафа")

(Септуагинте) и всех, с него сделанных, в том числе славянском и — именно в случае со 143 псалмом — латинском (Вульгате).

Во-вторых, в греческом и еврейском вариантах 143 псалма (в еврейской нумерации 144) заключительные стихи (11–15) имеют не мелкие разночтения, а читаются как диаметрально противоположные по смыслу.

Начнем с Голиафа, который, как ни странно, поможет утонить дату спора о ямбах и хорях.

Побежденный Голиаф в августе 1743 года

Разговор трех поэтов о "русском стихосложении" и последовавшее поэтическое состязание состоялись до 31 августа 1743 г., когда готовый текст "Трех од" уже поступил в Канцелярию АН. Нижняя временная граница неясна, но известно, что все это могло быть не раньше начала 1743 г., когда Третьяковский вернулся в Петербург из Москвы (где в ноябре 1742 г. женился) [4, т. 2, с. 89–91]. Весна 1743 г. была наполнена бурными и в основном неприятными событиями в жизни Третьяковского, а в особенности Ломоносова. Всю весну против него велось дело за грубые выходки против немецких профессоров в АН, а 28 мая 1743 г. он был взят под караул и находился в заключении до 8 августа, когда "по болезни" был отпущен к себе на квартиру, где находился под условиями домашнего ареста до начала 1744 г. [3, с. 74–78]. Встреча трех стихотворцев могла состояться и тогда, когда он еще был под караулом [7, с. 233], но все-таки вероятнее, что это произошло уже у него на квартире, куда Третьяковский и Сумароков могли явиться, чтобы поздравить Ломоносова с освобождением (хотя бы частичным), т.е. наиболее вероятная дата их встречи находится между 8 и 31 августа 1743 г.

Трудно поверить, что за такой небольшой срок все трое написали свои оды, а Третьяковский успел еще написать предисловие, оформить книгу и подать ее в Канцелярию АН. Ничего невозможного в этом нет, но зачем могла бы понадобиться такая спешка? Кажется, можно и указать, зачем, и подтвердить эти даты, сопоставив политические события августа 1743 г. с первой из названных выше уникальных особенностей 143 псалма.

7 августа 1743 г., за день до освобождения Ломоносова из-под караула, был подписан Або-ский мир со Швецией, который, в частности, подтвердил условия Ништадтского мира 1721 г. Если встреча трех поэтов состоялась на квартире у Ломоносова, т.е. 8 августа или чуть позже, у них

было уже два повода для праздника, а заодно и повод вспомнить о Давиде и Голиафе.

В панегирической и богослужебной литературе петровского времени, как известно, сложилась устойчивая традиция сравнивать Полтавскую победу Петра I над Карлом XII — православного русского царя над иноверным шведским королем — с победой Давида над Голиафом. Эти образы встречаются во многих текстах того времени — в проповедях Феофана Прокоповича, в школьных драмах (“Божие уничижителей гордых уничижение”), в “Службе благодарственной о великой победе под Полтавой”, написанной Гавриилом Бужинским и Феофилактом Лопатинским, и др. Вне всякого сомнения, эта традиция была хорошо известна Третьяковскому, Ломоносову и Сумарокову. Победоносное завершение очередной русско-шведской войны (хоть и проходившей для России далеко не столь драматичным, а вместе с тем и блестящим образом, как Северная война) давало повод для актуализации этой традиции.

В августе 1743 г. “дочь Петрова” (новый Давид) готовилась торжествовать победу над шведами — новым собирательным Голиафом, преемниками прежнего Голиафа, который был повержен ее отцом. Аналогия напрашивалась сама собой и могла подсказать выбор для переложения 143 псалма — единственного в Псалтири, который, по надписанию, посвящен воспоминанию о победе Давида над Голиафом. Более того, именно в контексте окончания русско-шведской войны в августе 1743 г. сделанный тремя поэтами выбор становится более понятен.

Два варианта 143 псалма

Вторая уникальная особенность 143 псалма, как уже было сказано, это наличие двух противоположных по смыслу вариантов его чтения в заключительных стихах (11–15), один из которых восходит к греческому переводу (Септуагинте), а другой — к еврейскому оригиналу (где этот псалом имеет и другой номер — 144).

С еврейского языка в XIX веке был сделан русский синодальный перевод Ветхого Завета, в том числе Книги Псалмов (но оставлена их греческая нумерация); стихи 11–15 псалма 143 в нем читаются так:

Избавь меня и спаси меня от руки сынов иноплемennых, которых уста говорят суетное и которых десница — десница лжи. Да будут сыновья наши, как разросшиеся растения в их молодости; дочери наши — как искусно изваянные столпы в чертогах. Да будут житницы наши полны, обильны всяким хлебом; да плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитях

наших; да будут волы наши тучны; да не будет ни расхищения, ни пропажи, ни воплей на улицах наших. Блажен народ, у которого это есть. Блажен народ, у которого Господь есть Бог.

С греческого сделан славянский перевод, текст которого и помещен в брошюре “Три оды парафрастические псалма 143”:

Избави мя, и изми мя из руки сынов чужих: ихже уста глаголаша суету, и десница их, десница неправды. Ихже сынове их яко новосаждения водруженная в юности своей: Дщери их удобрены, преукрашены, яко подобие храма. Хранилища их исполнена, отрывающая от сего в сие. Овцы их многоплодны, множащияся во исходищах своих. Волове их толсти. Несть падения оплоту, ниже прохода, ниже вопля в стогнах их. Ублажиша люди, имже сия суть. Блажени людие, имже Господь Бог их [1, с. 7]⁹.

Для большей ясности и полноты картины приводим те же стихи в переводе П.А. Юнгера с греческого на русский язык:

11. Избавь меня и изми меня из руки сынов чужих, коих уста говорили суетное и десница коих десница неправды. 12. Сыновья коих — как отрасли, крепко укоренившиеся в юности своей, дочери их убраны и украшены на подобие храма. 13. Житницы их полны, (от избытка) пересыпается из одного (отделения) в другое, овцы их многолюдны, размножаются на путях своих, волы их тучны. 14. Нет трещин в ограде (у них), ни прохода (через нее), ни крика на площадях их. 15. (Другие) считали счастливым народ, у которого это есть, (но) блажен народ, у которого Господь есть Бог его [17].

Как видно, в еврейском варианте псалма речь идет о будущем (чаемом, вечном) блаженстве праведников, имеющих правую веру (своего народа), а в греко-славянском — о временном земном благополучии грешников, иноверцев (чужого народа)¹⁰.

Все святоотеческие христианские толкования 143 псалма, авторитетные как для православных, так и для католиков (Афанасий Великий, Августин, Иоанн Златоуст, Феодорит Кирский и др.), основываются на греческом варианте, причем особое значение в них придается поучениям о бренности земного благополучия. Вот, например, как объясняет эти стихи Иоанн Златоуст: “Здесь он <Псалмопевец. — В.К.> описывает

⁹ Цитируем псалом по тексту в брошюре “Три оды”. От стандартного текста Елизаветинской Библии, появившейся в 1751 г., он, впрочем, отличается только знаками препинания (помимо того, что она печаталась церковным, а не гражданским шрифтом).

¹⁰ Это разночтение в связи с брошюрой “Три оды парафрастические псалма 143” ранее уже отмечалось в другой нашей работе [18, с. 9], но только попутно, без развернутой аргументации.

мирское благополучие и богатство... <...> Указав на богатство всякого рода, изобразив его словом, присовокупив мнение о нем других людей, сам он не испытывает ничего человеческого и не считает завидными тех, которые обладают таким богатством, но, презирая все это, убажывает истинное сокровище. Другие, говорит, считают блаженными людей, имеющих это; а я убажываю людей, *имже Господь Бог их*, полагая в этом одном все их довольство, благосостояние, богатство. Те блага проходят и исчезают; а это блаженство остается постоянно, и вместо овец, детей, волов, оград и виноградников, убажвание Бога будет и богатством и безопасностью и непреодолимой стеной. <...> Поэтому, если ты увидишь людей, которые живут в таком изобилии, но ведут жизнь порочную, то, хотя бы вся вселенная считала их блаженными, ты считай их жалкими и несчастными; а людей, преданных Богу, признавай достойными подражания и блаженными"¹¹.

Сумароков, Тредиаковский и Ломоносов — именно в таком порядке их стихотворения расположены в книге "Три оды" — следовали славянскому тексту, тут же полностью напечатанному, т.е. греческому варианту 143 псалма, принятому у православных и католиков, и в соответствующих строфах своих "парафрастических од" описывали земное благополучие ("счастье" — именно это слово использовали все три поэта) тех людей, к числу которых они сами не принадлежат, — иноверцев, грешников, врагов. У Сумарокова это описание занимает последние три строфы, у Тредиаковского и Ломоносова — четыре (строфы разного объема: 6, 10 и 4 стиха соответственно). Приводим заключительные строфы трех од:

С у м а р о к о в

О! вы счастливые народы,
Имуши таковую часть!
Послушны вам земля и воды,
Над всем, что зрите, ваша власть:
Живущие ж по ТВОРЧЕЙ воле,
Еще сто крат счастливы боле. [1, с. 11]

Т р е д и а к о в с к и й

Вас толь счастием цветущих,
Всяк излишно здесь блажит;
Мал чтит и велик идущих,
Уступая ж путь, дрожит:
О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащенны:
Токмо тот народ блажен,
БОГ с которым пребывает;

И которой ВЕЧНА знает,
Сей есть всем преукрашен. [1, с. 18]

Л о м о н о с о в

Щастлива жизнь моих врагов!
Но те светлые веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым ВЫШНИЙ САМ покров. [1, с. 22]

Сравнивая эти строфы, можно заметить, что градус негодования против "счастливицев" последовательно возрастает: у Сумарокова они никак не осуждаются, а просто сказано, что "живущие по Творчей воле" будут еще счастливее; у Тредиаковского уже речь идет об угнетателях, которых "всяк" должен хвалить и почитать, уступая им дорогу и дрожа от страха ("Мал чтит и велик идущих, / Уступая ж путь, дрожит"); Ломоносов же высказывается об этих "счастливицах" совсем прямо и однозначно — "мои враги": "Щастлива жизнь моих врагов!". И именно его строфой заканчивается книга.

Оставляя сейчас в стороне вопрос об адекватности трех "парафрастических од" исходному для их авторов славянскому тексту псалма и православной традиции его толкования (каждый, в общем-то, постарался им соответствовать, лишь по-разному расставив акценты¹²), зададимся вопросом об их историческом и биографическом контексте, т.е. кого наши авторы могли подразумевать под этими неправедными любимцами "счастья".

Применительно к Ломоносову ответ на этот вопрос уже давался, и неоднократно, поскольку нахождение автобиографических мотивов в его переложениях псалмов образует устойчивую и давнюю, восходящую к XIX веку научную традицию¹³. Так, например, прямой ответ можно найти в комментариях В.Н. Макеевой к академическому ПСС Ломоносова, где также высказано предположение, что 143 псалом для состязания 1743 г. выбрал именно он: «Едва ли мы ошибемся, если скажем, что данный псалом был выбран, вероятно, не Сумароковым, а Ломоносовым. 1743 год был, как известно, годом острого конфликта Ломоносова с профессорами-иностранцами. 28 мая он по их жалобе был арестован и до начала следующего года оставался под стражей. При этих условиях тема псалма 143, где идет речь об избавлении

¹² С этой точки зрения "Три оды" рассматриваются в монографии Л.Ф. Луцевич [12, с. 141–241], которая приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что в целом каждая ода по-своему соответствует христианской традиции толкования 143 псалма.

¹³ Об этом см., например, в разделе о ломоносовских переложениях псалмов в нашей книге: [19, с. 29–60].

¹¹ *Иоанн Златоуст. Беседы на псалмы // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. Т. 5. Кн. 2. СПб.: Издание С.-Петербургской Духовной академии, 1899. С. 518–519.*

“из руки сынов чуждых”, была, разумеется, весьма созвучна тогдашнему настроению Ломоносова и открывала ему возможность излить свои собственные чувства» [16, с. 903].

Но таким же в 1743 г. было и настроение Третьяковского, он также страдал от притеснений со стороны “профессоров-иностранцев”, хотя и не подвергался аресту, и имел причины жаловаться на недооценку его заслуг в Академии, что и делал тогда неоднократно, иногда намекая, а иногда прямо заявляя, что его, русского православного человека, притесняют, а все преимущества получают немцы. Примеров немало¹⁴, ограничимся одной цитатой. 18 августа 1743 г. Третьяковский подал прошение в Канцелярию АН, чтобы его назначили библиотекарем или хотя бы просто повысили ему жалованье, и между прочим высказался о недавно назначенном “унтер-библиотекаре” И.И. Тауберте, зяте И.Д. Шумахера: “Однако он не природной поданной Ея Императорского Величества, и в вечную службу присягою не обязан, и исповедания лютеранского, для того быть при том таким людям кажется неприлично, а еще и опасно, ибо может быть что такие находятся книги, или впредь будут при библиотеке из российских, о которых неприродным и нероссиянам и знать не надлежит...” [8, с. 839 (курсив мой. — В.К.)] (см. также: [4, т. 2, с. 95]). В этом тексте показательным замечанием о вероисповедании Тауберта, которое трудно отнести к деловым аргументам (в отличие, например, от замечания о его чуждом подданстве).

Ломоносов и Третьяковский в 1743 г. боролись не просто с “профессорами-иностранцами”, а с немцами-лютеранами, в числе которых были те же Тауберт и его тесть Шумахер, сумевший оправдаться в растратах, в которых его обвинили в 1742 г., выйти из-под ареста к началу 1743 г., а в декабре уже вновь возглавить Канцелярию АН. Помог ему в этом, как позднее писал Ломоносов, “сильный тогда при дворе человек иностранный”, т.е. еще могущественный тогда граф И.И. Лесток [4, т. 1, с. 40], тоже лютеранин по вероисповеданию.

Напомним эти обстоятельства, вернемся к 143 псалму. В Библии Лютера он имеет номер 144 (по еврейской нумерации) и переведен с еврейского языка, как и в других немецких переводах, которые могли побывать в руках у Ломоносова в период его обучения в Германии и Сумарокова, овладевшего немецким языком в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в 1730-х годах.

¹⁴ См., например, у П.П. Пекарского в “Жизнеописании В.К. Третьяковского” [4, т. 2, с. 89–102].

С еврейским вариантом 143 псалма они были знакомы по одному из немецких переводов, причем знакомство это уже к моменту их поэтического состязания имеет надежное подтверждение. Об этом проговорился Третьяковский, придирчиво в 1750 г. разобравший “парафрастическую оду” Сумарокова (в “Письме <...> от приятеля к приятелю”, написанном в ответ на появление комедии “Тресотиниус”). Насчет стихов “И дщери их преукрашенны, / Подобьем красоты церквей” [1, с. 11] в разборе Третьяковского сказано: “...употребил он слово *Церквей*. О! странного незнания: увидев, что в немецком переводе сего псалма стоит *Кирхе*; а ныне у нас тож самое называется Церковь; то и угодно ему тотчас стало слово употребительное ныне. Но, государь мой; помнил ли он, что он Давидов псалом расцветивает? Буде помнил, то надобно ему было знать, что мы иудейского Храма не называем Церковию, так как языческие капища называются иногда у нас Храмами ж, а не Церквами. Слово Церковь есть христианского стилия; а хотя в простом языке и называется здание святое церковию; однако Церковь в точном своем знаменовании не приемлется за здание, но за собрание верующих во Христа” [2, т. 2, с. 450].

В переводе Лютера в этом псалме нет слова “Kirche”. Возможно, Третьяковский имел в виду другой перевод, а может, просто припомнил известное немецкое слово, но знакомство Сумарокова с какими-то немецкими переводами псалма к 1743 г. он таким образом подтвердил, засвидетельствовав также свою осведомленность об этом факте. Это значит, что, выбрав 143 псалом для переложения, все трое уже точно знали о наличии двух его вариантов. Там, где в славянском тексте и “парафрастических одах” обличаются наслаждающиеся земным благополучием иноверцы (они же грешники и враги), в еврейском (немецком) варианте прославляется свой народ, благоденствующий благодаря правой вере. Неприятели Ломоносова и Третьяковского из числа немцев-лютеран, читая “Три оды”, не могли этого не заметить.

Иносказательный религиозно-политический смысл переложений 143 псалма, обличающих неправедную жизнь любимцев “счастья”, раскрывался в сопоставлении с немецким переводом и должен был уязвить врагов Ломоносова и Третьяковского в Академии наук, а также навести на неприятные мысли их покровителей при дворе. Поэты не только обличали своих притеснителей, но и выражали надежду на их скорое падение и свое возвышение. Это, кажется, является одним

из подтекстов эпитафия, напечатанного на второй странице книги "Три оды":

Sic honor et nomen divinis Vatribus, atque
Carminibus venit - - - -
Horat. de Art poet. vers. 400–401.

то есть:

Сим образом искусные Стихотворцы, и их
Стихи честь и славу себе получают
Горац. о Наук. Стихотвор. ст 400 и 401.

"Сим образом" — это благодаря своему искусству стихотворства и с помощью Божией, на которую авторы уповают в напечатанных далее одах. Латинское "divinis vatribus" переведено неточно ("искусные стихотворцы") и, видимо, намеренно (позднее Тредиаковский переведет это как "божественные прорицатели", а вместо "получают" напишет "получили"¹⁵). "Честь и слава" ожидают авторов брошюры, а те, кто сейчас наслаждается "счастьем" и о ком идет речь в последних строках трех од, скоро лишатся своих преимуществ.

Оснований для таких надежд в 1743 г. было достаточно: приближалась 2-я годовщина восшествия на престол Елизаветы Петровны, которую такие же немцы-лютеране долго оттесняли от трона, уже год назад были осуждены и отправлены в ссылку Б.К. Миних и А.И. Остерман (процессы проходили под председательством того же Трубецкого, который потом будет заботиться об увеличении тиража "Трех од"), а в самом 1743 г. императрице вдруг "показалось неприличным, что церкви иностранных исповеданий находятся в Петербурге на самом видном месте — на Невском проспекте", и она "велела приискать для них другие, более отдаленные места" [20, с. 204]. Последнее все-таки не было реализовано, но такой проект был, и авторы "Трех од", "divinis vatribus", наверняка слышали о нем.

Последняя строфа ломоносовской оды на последней странице книги в сопоставлении с немецким текстом псалма выглядела как угроза процветающим и надеющимся на дальнейшее процветание "врагам" со стороны тех, "которым ВЫШНИЙ САМ покров".

* * *

В брошюре "Три оды парафрастические псалма 143" устанавливались главные черты будущей духовной оды, которые, однако, пока сочетались с тематикой и творческой мотивацией, более

характерными для торжественных од — жанра, который Тредиаковский, Ломоносов, а отчасти и Сумароков к тому времени уже освоили (его первые оды были написаны в том же 1743 г.). Выбор для состязания 143 псалма был связан с его уникальными особенностями (наличием надписания "Давиду, к Голиафу" и двух вариантов чтения в заключительной части) и диктовался желанием поэтов откликнуться на государственные события — Абоский мир со Швецией в августе 1743 г. и предстоящую 2-ю годовщину восшествия на престол Елизаветы Петровны. Издание книги в конце 1743 г. выглядело как политическая акция, входящая в комплекс мероприятий к этой годовщине. Возможно, этим объясняется участие князя Трубецкого в ее издании.

Все три парафразиса в книге имеют черты оды на коронацию и оды на победу, хотя остаются при этом духовными, религиозными по сути стихотворениями. Антинемецкая направленность книги соответствовала общественным ожиданиям того времени и политике императрицы, но это вполне могло быть понято только в сопоставлении с немецкими же переводами того же псалма.

Выбор греко-славянского, а не еврейского (немецкого) варианта 143 псалма был в какой-то мере предопределен с того момента, когда три стихотворца решили остановиться именно на нем. В противном случае было бы нельзя рассчитывать на публикацию переложений, ведь и без того это была очевидная новация, которая для многих выглядела подозрительно.

В литературном отношении выбор между немецким и славянским текстами псалма в пользу последнего — выбор, сделанный в связи с реформой стихосложения и на ее завершающем этапе, — стал еще одним способом дистанцироваться от немецкого образца этой реформы, о котором начинавший ее Тредиаковский упорно молчал (см.: [21]).

Этот выбор соответствовал также религиозным убеждениям авторов и давал им возможность обнаружить свою верность Православию и почитание Славянской Библии. Тредиаковский и Ломоносов признавали ее каноническое достоинство, что не исключало критического отношения к ее текстам, но не позволяло давать в своих переложениях другой, отличный от них "разум" (их позднейшие высказывания на этот счет вполне определены; см., например, [19, с. 11]). Сумароков же, не связанный традициями церковной учености и в большей степени европейски ориентированный, впоследствии оказался более восприимчивым к новому в сфере религии, а в частности и

¹⁵ В прозаическом переводе "Науки поэзии" Горация в первом томе "Сочинений и переводов" (1752): "Сим честь и славу божественные прорицатели и их стихи себе получили" [19, с. 65].

к достижениям библеистики. К 1774 г. он переложит всю Псалтирь, причем многие псалмы — по еврейским вариантам (с немецкого).

Так Сумароков поступил и с 143 псалмом, повторно к нему обратившись через 30 лет, при подготовке к печати сборника “Стихотворения духовные”. Здесь появится его второе переложение этого псалма, сделанное по еврейскому варианту. Приводим его последние строфы:

Да возвратятся во безсилы,
Иноплеменники к себе!
А мы благодаря Тебе,
Здесь будем жить во изобилии.

Не двинется спокойство наше,
И здраво отроки взростут,
Девицы наши процветут,
Сто крат весенней розы краше.

Не будем во трудах ленивы,
Умножим гучные стада,
И после пота и труда,
Обогатятся наши нивы.

Скончай бурливую погоду,
И беспокойство прекрати,
И щедро очи обрати,
К царю и ко всему народу! [22, с. 153–156]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцов, из которых каждой одну сложил особливо. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1744. 22 с.
2. Куник А.А. Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. LVI, 223+VI, с. 225–530.
3. Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова / Сост. В.Л. Ченакал, Г.А. Андреева, Г.Е. Павлова, Н.В. Соколова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 436 с.
4. Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1–2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870–1873. LVIII, 774+LVIII, 1042 с.
5. Ивинский Д.П. М.М. Херасков и русская литература XVIII — начала XIX в. М.: Р. Валент, 2018. 216 с.
6. Гуковский Г.А. К вопросу о русском классицизме: (Состязания и переводы) [1928] // Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 251–276.
7. Шишкин А.Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Сб. 14. Л.: Наука, 1983. С. 232–246.
8. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 5 (1742–1743). СПб.: Тип. Акад. наук, 1889. 1024 с.
9. Стенник Ю.В. К вопросу о поэтическом состязании 1743 г. // Русская литература. 1984. № 4. С. 100–104.
10. Trediakovskij V.K. Psalter 1753. Erstausgabe / Besorgt und kommentiert von. A. Levitsky; Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn; München; Wien; Zurich: Ferdinand Schöningh, 1989. LXXXIV+663 S. (Biblia Slavica: Serie 3: Band 4/b).
11. Живов В.М. К предьстории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века [1993] // Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 532–556.
12. Луцевич Л.Ф. Псалтирь в русской поэзии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 608 с.
13. Jensen K.B., Meiler P.U. Paraphrase and Style. A stylistic analysis of Trediakovskij's, Lomonosov's and Sumarokov's paraphrases of the 143rd psalm // Scando-Slavica. 1970. Т. 16. P. 57–73.
14. Есаулов И.А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66.
15. Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подгот. Н.Ю. Алексеева. СПб.: Наука, 2009. 668 с. (Лит. памятники).
16. Ломоносов М.В. Полн. собр. сочинений: [В 11 т.]. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1280 с.
17. Юнгеров П.А. Псалтирь в русском переводе с греческого текста LXX с введением и примечаниями. Казань: Центральная тип., 1915. XIV, 224 с.
18. Коровин В.Л. Библиейские темы в русской поэзии XVIII — первой половины XIX века. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 491 с.
19. Коровин В.Л. Книга Иова в русской поэзии XVIII — первой половины XIX века. М.: Водолей, 2017. 208 с.
20. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 11. История России с древнейших времен. Т. 21–22. М.: Мысль, 1993. 620 с.
21. Клейн И. Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте // XVIII век. Сб. 19. СПб.: Наука, 1995. С. 15–42.
22. Сумароков А.П. Стихотворения духовные. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774. 253, 5, 52, [3] с.

REFERENCES

1. *Tri ody parafrasticheskiye psalma 143...* [Three Paraphrastic Odes of Psalm 143...]. St. Petersburg, 1744. 22 p. (In Russ.)
2. Kunik, A.A. (ed.). *Sbornik materialov dlya istorii Imperatorskoj Akademii nauk v XVIII veke* [Collection

- of Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences in the 18th Century]. St. Petersburg, 1865, Part 1–2. LVI, 223+VI, 225–530 p. (In Russ.)
3. *Letopis' zhizni i tvorchestva M.V. Lomonosova* [Chronicle of the Life and Work of M.V. Lomonosov]. Moscow, Leningrad, 1961. 436 p. (In Russ.)
  4. Pekarsky, P.P. *Istoriya Imperatorskoj Akademii nauk v Peterburge* [History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg]. St. Petersburg, 1873, Vol. 1–2. LVIII, 774+LVIII, 1042 p. (In Russ.)
  5. Ivinsky, D.P. *M.M. Kheraskov i russkaya literatura XVIII – nachala XIX v.* [M.M. Kheraskov and Russian Literature of the 18th – early 19th Century]. Moscow, 2018. 216 p. (In Russ.)
  6. Gukovsky, G.A. *K voprosu o russkom klassicizme (sostyazaniya i perevody)* [Russian Classicism Revisited (Competitions and Translations)] (1928). *Gukovsky, G. A. Rannie raboty po istorii russkoy poezii XVIII veka* [Early Works on the History of Russian Poetry of the 18th Century]. Moscow, 2001, pp. 251–276. (In Russ.)
  7. Shishkin, A.B. *Poeticheskoye sostyazaniye Trediakovskogo, Lomonosova i Sumarokova* [Poetry Contest of Trediakovsky, Lomonosov and Sumarokov]. *XVIII vek. Sb. 14* [The 18th Century. Collection 14]. Leningrad, 1983, pp. 232–246. (In Russ.)
  8. *Materialy dlya istorii Imperatorskoj Akademii nauk* [Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 5 (1742–1743). St. Petersburg, 1889. 1024 p. (In Russ.)
  9. Stennik, Ju.V. *K voprosu o poticheskom sostyazanii 1743 g.* [On the Question of the Poetry Contest of 1743]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1984, No. 4, pp. 100–104. (In Russ.)
  10. Trediakovskij, V.K. *Psalter 1753. Erstausgabe*. Besorgt und kommentiert von. A. Levitsky; Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn; Munchen; Wien; Zurich, 1989. LXXXIV+663 S. (Biblia Slavica: Serie 3: Band 4/b). (In Russ.)
  11. Zhivov, V.M. *K predystorii odnogo perelozheniya psalma v russkoy literature XVIII veka* [To the Prehistory of one Paraphrase of the Psalm in Russian Literature of the 18th Century] (1993). Zhivov, V.M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kultury* [Researches in the History and Prehistory of the Russian Culture]. Moscow, 2002, pp. 532–556. (In Russ.)
  12. Lutsevich, L.M. *Psaltyr' v russkoy poezii* [The Book of Psalms in Russian Poetry]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 608 p. (In Russ.)
  13. Jensen K.B., Meiler P.U. Paraphrase and Style. A stylistic analysis of Trediakovskij's, Lomonosov's and Sumarokov's paraphrases of the 143rd psalm. *Scandoslavica*, 1970, T. 16, pp. 57–73.
  14. Esaulov, I.A. *Parafraz i stanovleniye novoj russkoy literatury (postanovka problemy)* [Paraphrasis and the Establishment of the New Russian Literature (To the Problem Statement)]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, Vol. 17, No. 2, pp. 30–66. (In Russ.)
  15. Trediakovskij, V.K. *Sochineniya i perevody kak stikhami, tak i prozoyu* [Works and Translations in both verse and prose]. Ed. by N.Ju. Alexeeva. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 668 p. (In Russ.)
  16. Lomonosov, M.V. *Polnoye sobraniye sochinenij v 11 t. T. 8* [Complete Works in 11 Vols. Vol. 8]. Moscow, Leningrad, 1959. 1280 p. (In Russ.)
  17. Yungerov, P.A. *Psaltir' v russkom perevode s grecheskogo teksta LXX s vvedeniyem i primechaniyami* [Psalter in Russian Translation from the Greek text LXX with Introduction and Notes]. Kazan, 1915. XIV, 224 p. (In Russ.)
  18. Korovin, V.L. *Bibleyskiye temy v russkoy poezii XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [Biblical Themes in Russian Poetry of the 18th – First Half of the 19th Century]. Dis. ... doct. philol. nauk. Moscow, 2017. 491 p. (In Russ.)
  19. Korovin, V.L. *Kniga Iova v russkoy poezii XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [The Book of Job in Russian Poetry of the 18th – First Half of the 19th Century]. Moscow, 2017. 208 p. (In Russ.)
  20. Solovyov, S.M. *Sochineniya v 18 kn. Kn. 1. Istoriya Rossii s drevnejshikh vremyon. T. 21–22* [Works in 18 books. Book 11. History of Russia since Ancient Times. Vol. 21–22]. Moscow, 1993. 620 p. (In Russ.)
  21. Kleyn, I. *Reforma stikha Trediakovskogo v kulturno-istoricheskom kontekste* [The Reform of Trediakovskij's Verse in a Cultural and Historical Context]. *XVIII vek. Sb. 19* [The 18th Century. Collection 19]. Leningrad, 1995, pp. 15–42. (In Russ.)
  22. Sumarokov, A.P. *Stikhotvoreniya dukhovnye* [Spiritual Poems]. St. Petersburg, 1774. 253, 5, 52, [3] p. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 31 марта 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 апреля 2022 г.
Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.
Дата публикации: 30 июня 2022 г.*

*Received by Editor on March 31, 2022
Revised on April 15, 2022
Accepted on April 29, 2022
Date of publication: June 30, 2022*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020758-9

Женское творчество глазами Зинаиды Гиппиус

© 2022 г. А. В. Протопопова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0002-4461-3349
avprotopopova@yandex.ru

© 2022 г. И. А. Протопопов

Кандидат философских наук,
доцент Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
Россия, 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67
ORCID ID: 0000-0003-2242-5512
stiff72@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается вопрос об отношении Зинаиды Гиппиус к женской литературе в контексте её воззрений относительно возможности конструирования женской творческой субъективности. В своём позднем незаконченном произведении “Женщины и женское” Гиппиус прямо определяет женское начало как непосредственное основание личностного бытия женщины, в силу которого она может становиться самостоятельным творческим субъектом, реализующимся в жизни, искусстве и религии. В статье на основании анализа критических статей Гиппиус раскрывается её отношение к творчеству женщин-литераторов, её современниц, в плане подлинной реализации женской субъектности в литературе, наравне с мужским творчеством и без мнимого противопоставления ему. Анализ проводится на материале литературной критики Зинаиды Гиппиус произведений Л. Вилькиной, Е. Бакуниной, Л. Зиновьевой-Аннибал, П. Соловьевой, М. Цветаевой, А. Ахматовой. Отмечается, что Гиппиус признаёт за женщинами наличие литературного дарования, но его реализация подвергается сомнению.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Ключевые слова: Зинаида Гиппиус, Л. Вилькина, М. Цветаева, А. Ахматова, П. Соловьева, Е. Бакунина, Л. Зиновьева-Аннибал, женское творчество, гендер, литературная критика.

Для цитирования: Протопопова А.В., Протопопов И.А. Женское творчество глазами Зинаиды Гиппиус // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 52–63. DOI: 10.31857/S160578800020758-9

Feminine Writing as Seen by Zinaïda Gippius

© 2022 Anna V. Protopopova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS,

25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
 ORCID ID: 0000-0002-4461-3349
 avprotopopova@yandex.ru

© 2022 Ivan A. Protopopov

Cand. Sci. (Philos.),
 Assistant Professor at the Saint Petersburg State University
 of Aerospace Instrumentation,
 67 Bolshaya Morskaya Str., Saint Petersburg, 190000, Russia
 ORCID ID: 0000-0003-2242-5512
 stiff72@mail.ru

Abstract. The paper examines the question of Zinaïda Gippius' attitude to women's literature in the context of her views on the possibility of constructing female creative subjectivity. The article, based on the analysis of critical articles by Gippius, reveals her attitude to the work of women writers, her contemporaries, in terms of the genuine realization of female subjectivity in literature, on a par with male creativity and without imaginary opposition to it. The analysis is based on the material of literary criticism by Zinaïda Gippius of the works of Liudmila Vilkina, Ekaterina Bakunina, Lidia Zinovieva-Annibal, Poliksena Solovieva, Marina Tsvetaeva, Anna Akhmatova. At the end of the paper, it is noted that Gippius recognizes the presence of literary talent for women, but its implementation is questioned.

Acknowledgements. The reported study was funded by RSCF (research project 19-78-10100).

Key words: Zinaïda Gippius, L. Vilkina, M. Tsvetaeva, A. Akhmatova, P. Solovieva, E. Bakunina, L. Zinovieva-Annibal, female writing, gender, literary criticism.

For citation: Protopopova, A.V., Protopopov, I.A. *Zhenskoe tvorchestvo glazami Zinaïdy Gippius* [Feminine Writing as Seen by Zinaïda Gippius]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 52–63. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020758-9

Гендерная проблематика в том или ином виде всегда находилась в сфере интересов Зинаиды Николаевны Гиппиус. Свидетельство тому – множество её стихов и теоретических работ по данной теме. Например, о проблемах пола она рассуждает уже в эссе “Влюблённость” 1904 г., а в 1908 г. выходит её знаменитая статья “Зверобог”, в которой, критически рассматривая концепцию Отто Вейнингера, Гиппиус соглашается с тем, что в женском начале нет памяти, творчества и личности, однако в то же время считает, что любой человек, будь то мужчина или женщина, представляет собой двуполое существо. В этом отношении только гармоническое соединение мужского и женского в индивидууме выступает подлинным источником творчества.

Женщина, в которой полностью преобладает женское начало, как считал Вейнингер, не может быть ни нравственной, ни безнравственной уже потому, что она находится вне нравственной сферы вообще. Основными способами своего существования женщина связана с ролью матери или проститутки [1, с. 324]. Принимая эти определения, Гиппиус добавляет к ним роль героини-мученицы, что вовсе не нарушает цельной пассивности женского начала. В этом смысле

“мужчина – всегда субъект; женщина – всегда объект” [1, с. 324]. Наиболее важной и правильной для Гиппиус представляется в этом отношении мысль Вейнингера о том, что женская мысль и творчество, равно как и всякая женская эмансипация, – это полная бессмыслица, “так как в женском начале как таковом не содержится ни ума, ни силы созидания” [1, с. 325]. Если же женщина иногда говорит и мыслит, то это объясняется тем, что в ней творит мужское начало, так как согласно Вейнингеру – всякая женщина сочетает и женское, и мужское начала. Однако, поскольку влияние мужского начала в реальной женщине мало сказывается, отсюда проистекает полное неверие в творящую женщину как таковую, которая не может быть творческим субъектом [1, с. 325]¹.

Положительное отношение к таким идеям Вейнингера со стороны Гиппиус часто связывали

¹ Основываясь на том, что Гиппиус критически относится к женскому творчеству, К. Эконен считает, что она приписывает здесь творчество и активность маскулинным свойствам, а “соотнося фемининность с пассивностью, Гиппиус укрепляет патриархальный гендерный дискурс своего времени” [10, с. 165].

с тем, у неё самой преобладающим как в жизни, так и в творчестве было именно мужское начало, о чём свидетельствовали С. Маковский [2], Н. Берберова [3], В. Злобин [4]. В. Злобин, бывший долгое время личным секретарём Мережковских, пишет о том, что в браке Мережковского с Гиппиус именно последней в творческом смысле принадлежала активная, мужская роль [4, с. 299]. Среди исследователей такие воззрения тоже вполне популярны: например, Д. Томсон приходит к выводу о том, что мужские литературные маски Гиппиус (самая известная из них А. Крайний) вовсе не были просто атрибутом её литературных игр и экспериментов, но являлись воплощением её истинных желаний и личностных особенностей [5].

Совершенно иную и гораздо более обоснованную позицию занимали А. Блок [6], Г. Адамович [7], Ю. Терапиано [8], считавшие, что главным началом в жизни и творчестве Гиппиус было начало вечной женственности, которое, однако, весьма проблематическим образом связывалось ею с творчеством. Исследовательница М. Паolini справедливо считает, что модус мужского лирического героя, равно как и мужские литературные маски, в творчестве Гиппиус нужно понимать вовсе не как проявление её личных особенностей и гендерной самоидентификации, но как стремление утвердить себя в мужском мире литературы и достичь того, чтобы то, что она пишет, воспринималось совершенно независимо от её половой принадлежности [9]. Подобного же мнения придерживается и другая исследовательница творчества Гиппиус К. Эконен [10, с. 161].

В отношении использования литературных масок известен также подход М.В. Михайловой, связанный с тем, что для писательниц Серебряного века маска была призвана вовсе не скрыть, но как раз обнажить подлинную сущность, самостоятельное личностное проявление которой по тем или иным социальным или гендерным причинам было табуировано [11].

В данной статье будут рассмотрены сначала общие взгляды Гиппиус на гендерную проблематику, отразившиеся в различных её теоретических и критических статьях и заметках, а далее — конкретная критика Зинаидой Гиппиус писательниц — её современниц в контексте её соответствующих взглядов на женское творчество. Как думается, в своей жизни и творчестве, а также в отношении к другим авторам-женщинам Гиппиус стремилась преодолеть те установки, согласно которым женщины, будучи связаны с традициями патриархального устройства общества,

стремились одновременно соответствовать мужским представлениям об идеале женственности и отвергали эти представления как ограничивающие их собственное женское творческое начало².

Следуя тому, что женское начало само по себе не может быть началом творчества, Гиппиус выявляет внутреннее логическое противоречие в положениях Вейнингера, согласно которым женское и мужское начала отождествляются, собственно, с реальными мужчинами и женщинами, а женщины прямо идентифицируются со своим биологическим полом. Именно основываясь на этих теоретических позициях, Гиппиус осуждает мизогинию Вейнингера и видит серьёзную ошибку у него в том, что только в мужском начале ему видится единственный критерий человечности. Поскольку женственность, которая не подразумевает в себе ни возможности творчества, ни нравственности, в случае если она полностью преобладает в конкретной женщине, отождествляется с ней, постольку мы могли бы сделать ложный вывод о том, что женщина вообще не человек, между тем как это совершенно не соответствует действительности. Одно лишь мужское начало, как указывает Гиппиус уже в “Зверевбоге”, вопреки подходам Вейнингера, вовсе не содержит в себе самом совершенства полной личности, не является средоточием действия творческих сил, оно не воплощает высшую, истинную человечность и суть всего происходящего в природе [1, с. 327–328].

К. Эконен, считает, что, несмотря на вышеуказанные утверждения, поэтесса не решилась на построение женского лирического субъекта в своем поэтическом и критическом наследии, а ее успех как автора был связан, помимо несомненного таланта и острого ума, с успешной апроприацией мужских писательских стратегий [10, с. 335]. То есть, критикуя Вейнингера, Гиппиус не делает решительного шага к признанию того, что женское начало так же, как и мужское, онтологически наделено созидательной силой.

В обзорной статье “Литературный дневник” (1911), где рассматриваются произведения авторов-женщин, Гиппиус, в противоположность своим взглядам, высказанным в “Зверевбоге”, утверждает, однако, самостоятельность и в определённом смысле “вечное” значение женской литературы: “по правде сказать, женский роман менее всего бывает современен, он вечен” [12, с. 386]. Объясняет она это тем, что именно потому, что

² Об этом явлении в женской литературе есть, например, работа С. Гилберт и С. Губар [13].

женщина способна “глубоко чувствовать свою жизнь, свою любовь, и безраздельно ею интересоваться”, она “может и рассказать о ней особенно искренно, точно” [12, с. 386–387], что следует понимать в аспекте гендерной теории Гиппиус как следствие проявления в ней женского начала в его высшем творческом смысле. Но самое важное, что “первая, долитературная, свежесть языка”, свойственная женской литературе, “в простоте своей часто соприкасается с высшей простотой искусства, перешедшего все ступени сложности. И женский роман может быть органичным, живым и прекрасным, как цветок” [12, с. 387]³.

Проблема подлинной “женской” литературы или литературы как таковой, которая является в данном случае выражением женского творческого начала, заключается уже не в том, что она оказывается подражательна литературе мужской, о чём идёт речь в “Зверебоге”, но что она оказывается подражательна, являясь мнимым подобием, по отношению к самой себе [12, с. 387]⁴. После первой и, как правило, единственной удачной книги женщина увлекается намерением творить и теряет, судя по всему, изначальную связь со своей вечной женской природой, превращаясь в ту самую девочку, которая всё вьёт один и тот же венчик, как иронически изобразила Гиппиус женщину как существо, лишённое бытия и растворённое в природе (ср. её стихотворение “Нету”).

Когда критик Мочульский написал статью о выдающихся поэтессах его времени “Русские поэтессы”, в число которых вошли как Цветаева и Ахматова, с одной стороны, так и Гиппиус вместе с Мариэттой Шагинян и Ириной Одовецкой – с другой, Гиппиус ответила небольшой иронической статьёй “О женском поле” [14], в которой воспроизвела свои обычные взгляды о недостатках рассмотрения женских авторов в контексте их гендерной принадлежности, по содержанию вообще никак не рассматривая положения Мочульского. Гиппиус прямо обсуждает вопрос о женском творчестве, к которому подходят с “женскими мерками”, сравнивая “Машечку” неизменно с “Танечкой”, но никак

не с “Ванечкой”. «У нас две мерки, – само так сделалось, – одна для Вань, другая для Тань. Сразу скажу, что инстинкт этот – верный, только слепой, и никто не хочет его осмыслить, и редкие в нем признаются. Между тем, подходить с таким инстинктом, слепым, к искусству – не годится. Искусство имеет право не считаться ни с женским, ни с мужским полом, не признавать двух мер, а только одну, свою.

Почему бы нам не утвердить открыто очень обыкновенную истину, что “женский пол” вообще, по самой сути своей, не может ничего творить, ничего созидать? Требовать от него творчества так же неразумно, как от пилы, чтобы она катилась, как колесо, или от колеса, чтобы оно было пилой.

Ну вот, скажут, немало мы знаем женщин, которые творили, писали, – *toute proportion gardée* довольно хорошо? Я не спорю. Во всякой “живой женщине” есть кое-что и помимо “женского пола”. И вот этой-то доле “помимо” и предлежит творчество. Только ей. Правда, она, обычно, невелика, превалирующее “женское” давит ее или окрашивает в свой цвет... немудрено, что мы, не разбираясь, огулом говорим: “женский пол” = “женщина”. И выдумали такой абсурд, как “женское творчество”, пишем о “женской поэзии”, не существуя “женском искусстве» [14, с. 129]. Это самое “кое-что” и стало, по-видимому, предметом дальнейших размышлений Гиппиус, попыткой обосновать то, что «искусство, однако, не желает знать никаких слепых инстинктов критика и ни малейших двух мер, одну для Николашечки, другую для Машечки. Оно оскорбляется, если критик подходит к нему с неоторванной мыслью о Машечке и все время, сам не замечая, на Машечку одним глазом косит. Нет уж, не подошло Машечкино “творение” под общую меру – провалились Машечка, ничего не поделаешь» [14, с. 130].

Уже тогда Гиппиус начинает отрицать особый подход к женской литературе: “Попросить, что ли, женщин, для облегчения критиков, скрывать свое авторство, как военную тайну? Заместителей подыскивать? Нет, не согласятся. Они это несчастье критиков даже любят. Недаром кричат: женщине дорогу! Значит, одно осталось средство: осмыслив темный инстинкт и пользуясь им сознательно – стараться выработать в себе к искусству отношение строгое, суровое до беспощадности... искусство такого отношения, ей-Богу, очень достойно” [14, с. 130].

В своём позднем незаконченном произведении “Женщины и женское”, которое было издано уже после её смерти, Гиппиус теоретически определяет женское начало как непосредственное

³ На возможность такой гендерной интерпретации данной статьи указывает М. Паолини, отмечая, что Гиппиус признаёт “самоценность” женской литературы [9, с. 279–280].

⁴ Как отмечает Паолини, «вспомним, как в статье “Зверебог” истолковывалось женское творчество: “в Женском Начале (Ж) нет памяти, нет ума, но есть способности ассимиляции. Это свойство – очень опасно, ибо оно обманно, потому что делает женское творчество – не творчеством, а повторением”. Теперь же “ассимиляция” как “опасная” тенденция женской литературы рассматривается не как подражание, “повторение другого”, а как самоповторение» [9, с. 279–280].

основание личностного бытия женщины, в силу которого она понимается как самостоятельный творческий субъект, который осуществляет себя в трёх основных своих способах бытия⁵.

Главной целью создания женской литературы у З. Гиппиус является не следование установкам патриархального порядка в понимании объектной позиции женщины, но раскрытие смысла её миропонимания в литературном творчестве на основании осуществления своей женской субъективности⁶. Женское начало как преобладающее в сумме мужского-женского обуславливает пол реальной женщины, но не следует его понимать лишь в биологическом смысле, он представляет начало творческой самореализации женщины как личности и самостоятельного субъекта в жизни, искусстве и религии, т.е. пол должен пониматься в современном смысле гендера как создаваемой, конструируемой творческой субъективности⁷. В то же время свет мужского и женского начал определяются в этой статье как равноправные силы творчества и жизни, притом что полнота их соединения находится в Боге⁸ [16].

⁵ Если интерпретацию женской субъектности в теоретических и критических статьях З. Гиппиус сравнить с гендерной концепцией Э. Шоултер, то её можно отнести к тому, что обозначается у последней как “гипокритика”, которая связана с построением различных типов феминного литературного дискурса, независимого от исторически и культурно сложившихся маскулинных литературных стереотипов, связанных с главенством биологически обусловленных воззрений на творчество женщин-литераторов [15, с. 125–143].

⁶ Как отмечает И.А. Жеребкина, основной задачей современных феминистских гендерных теорий “является выделение в качестве центральной проблемы женской субъективности, которая полагалась отсутствующей или второстепенной как в классических, так и неклассических социальных теориях, а также поиск дискурсивных средств для ее репрезентации в мышлении и культуре”. При этом “акцентация женского в феминистской теории позволила выделить новую философскую конструкцию субъективности — гендерно маркированную субъективность в отличие от бесполой классической. При этом необходимо отметить, что феминистский эпистемологический поиск новых логических оснований женской субъективации в культуре осуществляется в русле общего изменения эпистемологии субъектности в современном мышлении и перехода от классической (просветительской, сведенной к единому и рациональному субъекту) модели к неклассической (множественная и децентрированная конструкция субъективности)” [17, с. 50].

⁷ Обзор различных современных стратегий феминной интерпретации женской литературы и литературной критики можно найти у И.А. Жеребкиной [18, с. 543–562].

⁸ О фундаментальном религиозном значении женской природы, понимаемой в этом смысле Гиппиус как вечная женственность, которая в виде Святого Духа воплощает в себе христианскую Троицу, а также в виде Церкви Нового Завета преобразует мир и всю природу в нём, пишет Т. Пахмусс [19, с. 220].

Творчество как в жизни, так и в искусстве является результатом такого божественного соединения мужского и женского, но в телесном мире оно зависит от преобладания героического мужского начала. Поскольку же в реальной женщине преобладает, наоборот, жертвенное начало, постольку “становится понятным и естественным, что это творчество проявляется двумя половинами человеческого рода неодинаково” [16, с. 190]. Несмотря на то, что реальная женщина может проявлять себя в любых областях творчества, так как в ней заключено мужское начало, которое должно быть гармонически связано с женским, именно потому, что в ней преобладает женское начало, её творчество не может иметь равную силу с мужским, пока условия существования человечества и сам человек в своей природе не изменятся⁹ [16, с. 190–191].

Установив принцип равенства мужского и женского начал, которые при объединении друг с другом и преобладании какого-либо из них образуют основание женской или мужской субъективности, Гиппиус не находит, однако, разрешения общей проблемы творческой реализации женского субъекта исходя из преобладания собственно женского начала. Такое возвращение к исходным понятиям гендерной теории Вейнингера, которую в целом Гиппиус критически преодолевает, приводит к тому, что она не делает последнего шага в теоретической области для завершения построения оснований гендерной теории феминистического типа¹⁰.

Однако некоторые её подходы к осмыслению женского литературного творчества, которые мы можем обнаружить в её критических статьях, позволяют предположить возможность обоснования совершенно иного типа творческой самореализации женского субъекта, связанной именно с началом вечной женственности. Само понятие

⁹ О. Матич, сравнивая гендерную концепцию Гиппиус с перформативной теорией гендера Джудит Батлер, согласно которой гендер и сексуальность, вопреки бинарному социо-символическому представлению о них, являются конструируемыми структурами, основанными на мимикрии, отмечает, что Гиппиус не только оказалась новатором в плане пародийной феминности и трансвестизма, но и попыталась реализовать в литературе и жизни бесконечное самоутверждение женской конструируемой субъективности, которая связана с жизнотворческим преобразованием телесности через достижение андрогинного идеала [20].

¹⁰ Как не вполне оправданно считает К. Эконен, «хотя в жизнотворчестве Гиппиус стремилась скорее к разрушению гендерного порядка, чем к слиянию с маскулинностью, в области авторства её позиция определяется исключительно как маскулинная и андроцентричная. Поэтому гендерная теория Гиппиус, несмотря на феминистские “открытия”, укрепляет господствующую эстетику» [10, с. 335].

о субъектном, конструирующем себя начале вечной женственности, которое имеет своё значение не просто в соединении с мужским началом в конкретных женщинах, но выступает основанием самостоятельного бытия женщины в отличие от мужчины, равносущественно и обладает таким же субъектным значением, что и мужское, и это относится вовсе не к творчеству только самой Гиппиус, как считает Эконен и как традиционно воспринимаются положения по гендерному вопросу Гиппиус, но ко всем женщинам¹¹.

Руководствуясь вышеописанным подходом, далее мы рассмотрим примеры критики Зинаидой Гиппиус произведений авторов-женщин.

Определённое воплощение женской творческой субъективности можно было бы увидеть в поэтическом творчестве современницы Гиппиус Л. Вилькиной, которая делает центральным героем своих сонетов женский лирический субъект вместо традиционного мужского. Следуя общим принципам декадентского символистского дискурса, Вилькина использует формы, в которых женщина предстаёт чувственно-страстной и отчуждённой и в своей раздвоенности обладает той самостоятельностью, которая необходима для конструирования женской субъективности. Образ лирической героини, как пишет об этом Эконен, у Вилькиной “не создается посредством мужского взгляда, она не объективирует, но сама является субъектом, рассказывающим о себе” [10, с. 211].

Всё это, однако, мало соответствует тому, что понимает под субъектностью женского в литературе и в жизни Гиппиус. Более того, Вилькину она упоминает весьма уничижительно. В своей рецензии “Трихина. Перевал. Журнал свободной мысли. Год издания первый, №№ 1–6” [22, с. 256] Гиппиус критически рассматривает деятельность журнала “Перевал”: «Главное, — направление выдержано изумительно: всякий сотрудник несет туда непременно свое убожество. Не будь “Перевал” — иной, может, так и умер бы, и мы бы не узнали, что в нем таилась та или другая

смешноватая и стыдненькая мысль. <...> Такой мыслью является, например, то, что поэтесса Вилькина “войдет в Пантеон поэзии”» [22, с. 256].

О том, как женская литература превращается в пустое и бессмысленное описание женских чувств и состояний, мы узнаём из коротенькой рецензии Гиппиус на роман “Любовь к шестерым” Е. Бакуниной [23]. Гиппиус пишет, что повествование ведётся в романе от лица пожилой дамы, которая испытывает любовь к мужу, троим взрослым детям, любовнику, старому еврею, и некоему горбуну. Само чувство любви при этом сводится только к её физиологическим ощущениям, что, с точки зрения Гиппиус, является совершенно безнадёжным способом раскрытия женской природы: «“Женское” остается женским, пока молчит. Начиная же само говорить о себе, превращается в “бабье”. И делается в высшей степени неинтересным. Рассуждения бакунинской дамы — общие места; люди, которых она пытается описывать, — муж, сын, дочери, старый еврей-любовник и в особенности горбун, — отнюдь не тени, а скорее соломой набитые куклы; да, впрочем, о них дама и не заботится, настаивая, главным образом, на разнообразии собственных физиологических ощущений к шестерым и входя тут в самые интимные подробности известного свойства. К литературе все это отношения, конечно, не имеет» [23, с. 228].

Далее она приходит к выводу о том, что «пристрастие Бакуниной к “жено-бабству” уже замечалось в первом романе ее (гораздо все-таки лучше). Быть может, это наивное убеждение, что о “женском” легко узнать, если раздеть женские тела и аккуратно проследить их половые функции? Да, и это возможно. Но невозможно не пожелать Бакуниной поскорее отделаться от наивности и заняться действительно литературой. Для этого — повторяю — у нее много данных» [23, с. 229]. В такой оценке творчества Бакуниной мы можем видеть подтверждение того общего подхода Гиппиус, согласно которому только первый роман у женщины-литератора получается удачным.

Интересно, что если дело не ограничивалось подобным вниманием к эротической составляющей, а стремление к “эротическому заголению и обнажению” сочеталось у женщины-автора хотя бы с каким-нибудь литературным дарованием, то Гиппиус в целом положительно относилась к такому женскому творчеству. Характерно, как она отзывалась в этом отношении о Лидии Зиновьевой-Аннибал: «Очень невинна, например, г-жа Зиновьева-Аннибал со своими “33-мя уродами”, лесбийским

¹¹ Рассматривая гендерную теорию Гиппиус в контексте современных феминистских штудий, можно сравнить её взгляды с воззрениями Элен Сиксу, которая ввела в широкий оборот термин “женское письмо” и утверждала, что только с помощью писательского творчества, понимаемого в самом широком смысле, женщина раскрывает свою исключительность, создаёт саму себя и свою субъективность в её полном отличии от мужской субъективности, для которой характерно объектное стереотипное восприятие и маркированное описание женской природы. Тем не менее, в отличие от Сиксу, у Гиппиус вовсе не идёт речи ни об освобождении подавляемых телесных желаний, ни о самовыражении телесного бытия с помощью его описания [21].

романом. Даже моралист не почувствует там никаких “гадостей”, не успеет, — так ему станет жалко г-жу Зиновьеву-Аннибал. И зачем ей было все это писать! Ей-Богу, она неглупая, прекрасная, простая женщина, и даже писать она умеет недурно, во всяком случае “талантливее”, нежели написаны “Уроды”, которые вовсе не написаны. В ее рассказах из детской жизни (“Трагический Зверинец”) есть места милые, искренние, женски-теплые, — беспретенциозные кусочки подлинной жизни» [24, с. 274]. При этом Гиппиус далее в этой же статье совершенно отрицательным образом отзывается о “мужеложеском” романе “Крылья” М. Кузмина, причисляя его к ограниченному направлению эротической литературы [24, с. 274]¹².

Возьмем теперь другой, ещё более высокий пример женского творчества круга Гиппиус, — пример Поликсены Соловьёвой. О ней Гиппиус написала одноименную заметку, посвятила ей пару стихов, в которых она ставит свою подругу наравне с собой. Гиппиус связывала с Соловьёвой не только близкие человеческие отношения, но и в целом их поэтические и философские унастроения были близки.

«У нее был тонкий литературный вкус и способность к легкому стихосложению (завидная для меня). <...> В “серьезные” стихи она очень много вкладывала своего, себя со своей “талантливостью”, но, как и в картинах, чего-то в них недоставало. <...> С <символистской> поэзией стихи Allegro не имели никакой связи и казались мне тогда “старыми”, в духе... ну Майкова, что ли, с меньшим количеством удачных строк. У Allegro такие строчки часто попадались, однако, и они, в связи с тем, что за ними угадывалось, позволяли мне относиться к стихам Поликсены с искренним утверждением; судить их с точки зрения “старости” не было нужды (да и как это доказать?) — из этого только вышло бы бесполезное огорчение. Мне кажется, кроме того, что Поликсена сама это чувствовала иногда. Мы случайно написали два чем-то сходных стихотворения; выслушав мое, Поликсена сказала; “Как будто то же самое; но я

¹² К. Эконен считает, что повесть “Тридцать три урода” Зиновьевой-Аннибал, подобно “Небывалой” П. Соловьёвой, “свидетельствует о бунте и протесте против символистской эстетики, и особенно против символистских взглядов на женщину и фемининность, хотя на первый взгляд вписывается в этот эстетический дискурс” [10, с. 298]. Речь идёт о том, что символистская, ориентированная на философию Платона концепция возвышения от красоты телесной к красоте духовной через идеал однополых отношений (в данном случае лесбийских) оказывается несостоятельной и разрушительной, как показывается в повести. В этом отношении, согласно Эконен, “ни женская дружба, ни гендерная инверсия платоновской идеологии не функционируют как стратегия конструирования женского творческого субъекта” [10, с. 312].

о своем сейчас и думать не хочу”. Стихи в журнале “Тропинка” бывали у нее прелестные» [25, с. 415]¹³.

Заметим, что, как мы видим из приведенных небольших отрывков, Гиппиус довольно мало пишет собственно о литературе этих дам, её критика касается в основном их самих, их возможных талантов, но кое-что всё же можно оттуда почерпнуть и о произведениях¹⁴.

Как показывают различные исследователи [26, р. 179–180]; [27, р. 410], П. Соловьёва в своих произведениях ставит себе целью отказ от общепринятого в символистском понимании мира объективирующего взгляда на роль и значение женщины, и это очень близко тезисам Гиппиус, высказанным, например, в стихотворении “Нету”. В этом стихотворении речь идёт о девочке, которая осознаёт, что её нет, что Бог ей не дал быть, поэтому любовь и спасение для неё невозможны¹⁵. Тем не менее, она, несомненно, обладает бытием, поскольку мыслит сама себя, более того, она занимается созиданием и творчеством, смысл которого оказывается, однако, совершенно ничтожным. В этом можно видеть как историческую трагедию женщины, так и возможность преодоления этой трагедии через обретение женщиной своего истинного бытия в жизни и творчестве — как пример в стихотворении “Нету” девочка плетёт венок¹⁶.

¹³ Разбор литературно-критических воззрений Гиппиус на “женское” творчество представлен в кандидатской диссертации М.В. Орловой [28, с. 173–177]. Также об этом пишет в своей кандидатской диссертации М. Паолини [29, с. 88–91; 161–164].

¹⁴ Принципиальной субъективности литературно-критической манеры Гиппиус, которая не ставила себе целью обязательный анализ содержания литературного произведения (с которыми были связаны такие особенности, как “историзм, художественность и действительность”), посвящена статья Е.Ю. Пановой [30].

¹⁵ Ю.В. Лыкова, считая, что Гиппиус отвергает в данном стихотворении способность к творчеству у женщины, подчёркивает, что мужской “лирический субъект пытается отождествить себя с объектом, “я как ты одинок”. Но отождествления не происходит, потому что героиня отрицает свое существование». В то же время «кошунственное обвинение “девочкой” Бога-отца, создателя: “Меня сотворивший меня обидел”, “Это Бог не дал мне — быть” — постулирует тему лишения, обездоленности: “я ни смерти, ни любви не понимаю”, — реконструирует миф о существах, вынужденных бесконечно страдать (в аду) непонятно за какие грехи» [31, с. 47].

¹⁶ Как отмечает К. Эконен, “плетение является общей метафорой стихосложения, которая встречается, например, у Р. Барта в сравнении текста с текстилем. В стихотворении речь идет о плетении венка, также известной метафоры творчества. Плетение неоднократно встречается в творчестве Гиппиус”. Следует «помнить, что при первой публикации стихотворение имело заглавие “Женское. Венок”, напрямую отсылая читателя к творческой метафоре. Слово “венок” в названии стихотворения, во-первых, подразумевает определенную стихотворную форму; во-вторых, метафора венка связывает стихотворение с символистской эстетической дискуссией» [10, с. 180].

На это указывает, в частности, Мережковский, который, осмысливая главные положения стихотворения Гиппиус, писал, что, вопреки общему пониманию женского начала как лишённого высшего бытия, она решилась усомниться в том, что “Бог не дал ей быть”. В этом отношении “она коснулась тайны, которой нельзя касаться, древней-древней, семью печатями запечатанной, — тайны о браке, о поле, о нём, который есть, и о ней, которая не должна, не может, не хочет быть. Тут вовсе не эмпирический, не нравственный, не общественный вопрос о равенстве или неравенстве, о свободе или несвободе женщин, а неизмеримо более глубокий, метафизический вопрос о двух полюсах мира, о бытии и небытии, о мужском и женском в их вечной, нездешней противоположности” [32, с. 515].

Мужчина, согласно тому мнимому онтологическому статусу, которым он сам себя наделил, по Мережковскому, «всё позволит женщине — преклонит колени и отдаст ей все права, свободы, почести, — только не позволит ей быть. Быть ей — ему не быть: вот западня дьявола, которая кажется заповедью Божьей. “Глава жене — муж”. Это ведь и значит: он есть, а её нет» [32, с. 515].

Несостоятельность идеи объективации женщины в символистском дискурсе Поликсена Соловьёва так же, как и Гиппиус, показывает через доказательство от противного. В драме “Слепой” и повести “Небывалая”, где женский лирический герой, выступая вдохновляющим началом, объектом, благодаря которому осуществляется творчество мужского субъекта, приходит только к своему небытию, либо фактически умирая и сознательно жертвуя собой, как это делает Ореда (“Слепой”), либо вообще не обладая никаким самостоятельным действительным бытием по отношению к творческому мужскому субъекту, как София Кунде (“Небывалая”). Во втором случае иронически изображается абсолютная вечная женственность В. Соловьёва, которая оказывается лишь видимостью и иллюзорным порождением философского ума Границына [10, с. 250 и далее].

Определённое воплощение теоретической концепции женской субъектности в искусстве, которая разрабатывалась Гиппиус, мы можем найти в творчестве двух выдающихся поэтов XX века, Марины Цветаевой и Анны Ахматовой. Отношение Гиппиус к Цветаевой было определено целым рядом сложных политических, идеологических и, наконец, эстетических разногласий, связанных с большой дискуссией о двух различных путях развития русской литературы

в целом (эмигрантском и советском). Воспринимая творчество Цветаевой как поэтически и идеологически чуждое, Гиппиус считала, что та пала жертвой мнимого возвеличивания своего дарования и нигилистической позиции чистого поэта, возвышающегося над реальным миром человеческого бытия. В статье “Мёртвый дух” Гиппиус пишет: «Художественные “творцы” — а голенькие “эстеты” преимущественно — бесильны перед похвалой. Иные немало куражатся; но, в конце концов, всякий на похвалу сядет, как рыба на крючок. И талант не спасет. Цветаева, несомненно, талантлива, а посмотрите, что с ней сделалось, до чего она домагнула под непрерывным поощрением ее собственных нигилистических наклонностей и под действием постоянных ее, Цветаевой, возвеличений (довольно грубых). Попутно она утратила здравый взгляд и на самого Святополка. Он уж кажется ей “редким и счастливым исключением” из всех критиков» [33, с. 243]. В этом эссе нет решительно никакой критики собственно поэзии Цветаевой. Кое-что есть в эссе «О “Вёрстах” и о прочем», там пренебрежительно цитируются несколько строк — зато наравне с Пастернаком [34, с. 166–167]. Конечно, Цветаева удостаивается как женщина отдельного небольшого пинка: “В этом всезабвенный поэтесса и ринулась вперед, по дороге... ведущей куда? Не все ли равно! О таких вещах поэты, в особенности поэтессы, не размышляют” [34, с. 171]. Но не более того. Она — противник на уровне Гиппиус. Это полемика равных, и, несмотря на критику отдельных строк, поэзия Цветаевой для Гиппиус — это вовсе не “женская” поэзия. С позиций рассмотрения возможности существования женской литературы, которая будет воплощать творческую женскую конструирующую себя субъектность, именно творчество Цветаевой наиболее полно выражает действительное осуществление этой возможности, несмотря на все существенные различия в эстетических позициях обеих поэтесс.

Также известно, что Гиппиус достаточно высоко ценила поэзию Ахматовой. В частности, в статье “Литературная запись” (часть вторая, “О молодых и средних”) она среди нескольких талантливых литераторов, оставшихся в России, упоминает и Анну Ахматову, давая ей следующую характеристику: “Анна Ахматова, женственная, такая, казалось, робкая, словно былинка гнушная — и не сломившаяся, и смелая в своих последних стихах, по-прежнему прекрасных”

[35, с. 153]¹⁷. Характеризуя особенности творчества Ахматовой в плане создания, конструирования женской творческой субъективности, Виктор Жирмунский отмечал, что “новым (вернее, редким в истории поэзии, в том числе и русской) было то, что устами Ахматовой заговорила женщина. Из объекта поэтического чувства женщина стала в поэзии лирическим героем” [36, с. 45]. При этом в полном соответствии с критическим подходом Гиппиус к женскому творчеству, которому часто свойственна подражательность, “по примеру Ахматовой дар поэтического слова обрели её бесчисленные подражательницы и последовательницы, торопившиеся излить в стихах интимные переживания женской души” [36, с. 45].

Рассмотрение творчества женщин-литераторов не занимает большого объема в критическом наследии Зинаиды Николаевны, однако, судя по её теоретическим работам, вопрос о возможности и значении этого творчества её серьёзно волновал, причём её воззрения находились в постоянном развитии. Критикуя авторов-женщин, Гиппиус обычно признаёт наличие у них той или иной степени литературного дарования, которое, тем не менее, с её точки зрения, довольно плохо было реализовано. Анализ её критики показал, среди прочего, что разбор “женских” текстов Зинаидой Гиппиус почти никогда не является настоящим, конкретным анализом текста, в отличие от её же анализа текстов авторов-мужчин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиппиус З.Н. Зверобог. О половом вопросе // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: В 16 т. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. М.: Русская книга, 2003. С. 322–333.
2. Маковский С. Зинаида Гиппиус (1869–1945) // З.Н. Гиппиус: pro et contra. СПб.: РХГА, 2008. С. 730–767.
3. Берберова Н. Соль земли // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 9. М.: Русская книга, 2001. С. 376–385.
4. Злобин В.А. Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. М.: НПО “Интелвак”, 2004. 624 с.
5. Томсон Д. Мужское Я в творчестве Зинаиды Гиппиус: литературный прием или психологическая потребность? // Преображение. Русский феминистский журнал. № 4. М., 1996. С. 138–149.
6. Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. М.; Л.: Худож. лит., 1960. 714 с.
7. Адамович Г. Зинаида Гиппиус // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 9. Дневники: 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников. М.: Русская книга, 2005. С. 385–390.
8. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: “Альбатрос”; “Третья волна”, 1986. 354 с.
9. Паолини М. Мужское “Я” и “женскость” в зеркале критической прозы Зинаиды Гиппиус // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы, исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 274–289.
10. Эконен К. Творец, субъект, женщина. Стратегии женского письма в русском символизме. М.: НЛЮ, 2011. 400 с.
11. Михайлова М.В. Лица и маски русской женской культуры Серебряного века // Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках. Харьков: ХЦГИ, 1998. С. 117–132.
12. Гиппиус З.Н. Литературный дневник // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений в 16 тт. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. М.: Русская книга, 2003. С. 381–388.
13. Gilbert, Sandra M., Gubar, Susan. The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination. New Haven and London: Yale University Press, 1979. 768 p.
14. Гиппиус З.Н. О женском поле // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 12. Там и здесь: Литературная и политическая публицистика 1920–1927 гг. М.: Изд-во “Дмитрий Сечин”, 2011. С. 128–130.
15. Showalter, Elaine. Toward a Feminist Poetics. Elaine Showalter, ed. *The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature and Theory*. New York, Pantheon Books, 1985. P. 125–143.
16. Янгиров Р. Тело и отраженный свет: Заметки об эмигрантской женской прозе и о ненаписанной книге Зинаиды Гиппиус “Женщины и женское” // Новое литературное обозрение. № 4. 2007. С. 183–206.
17. Жеребкина И.А. Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие. Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 49–80.
18. Жеребкина И.А. Феминистская литературная критика // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие. Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 543–562.
19. Пахмусс Т. Творческий путь Зинаиды Гиппиус // Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 215–235.

¹⁷ Сравнительный разбор поэзии, литературных воззрений и взаимоотношений А. Ахматовой и З. Гиппиус можно найти в статье Н.В. Королёвой [37].

20. Матич О. Зинаида Гиппиус и гендер: Перформативность, пародия, преобразование пола // *Круг Мережковских: К 150-летию со дня рождения З.Н. Гиппиус: Сборник статей / ред.-сост. Е.А. Андрущенко. М.: ИМЛИ РАН, "Дмитрий Сечин", 2021. С. 312–333.*
21. Сиксу Э. Хохот Медузы // *Введение в гендерные исследования, ред. С. Жеребкин, И.А. Жеребкина, Ч. II: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 799–821.*
22. Гиппиус З.Н. Трихина // *Гиппиус З.Н. Собрание сочинений в 16 тт. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. М.: Русская книга, 2003. С. 255–260.*
23. Гиппиус З.Н. Е. Бакунина, Любовь к шестерым // *Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 13. У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. М.: Изд-во "Дмитрий Сечин", 2012. С. 228–229.*
24. Гиппиус З.Н. Братская могила // *Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: В 16 т. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. М.: Русская книга, 2003. С. 270–278.*
25. Гиппиус З.Н. Поликсена Соловьёва // *Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 13. У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. М.: Изд-во "Дмитрий Сечин", 2012. С. 408–417.*
26. Cooper, Nancy L. Secret Truths and Unheard – of Women: Poliksena Solov'eva's Fiction as Commentary on Vladimir Solov'ev's Theory of Love // *The Russian Review. 1997. Vol. 56. № 2. April. P. 178–191.*
27. Binswanger, Christa. Seraph, Carevic, Narr: Männliche Maskerade und weibliches Ideal bei Poliksena Solov'eva (Allegro). Bern: Peter Lang (Slavica Helvetica; 68). 437 с.
28. Орлова М.В. Литературная критика З.Н. Гиппиус: к вопросу об эстетических позициях. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Коломна, 2006. 236 с.
29. Паolini М. Критическая проза Зинаиды Гиппиус (1899–1918). Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2003. 240 с.
30. Панова Е.Ю. Становление критической манеры Антона Крайнего (З. Гиппиус) // *Вестник Челябинского государственного университета. № 20. 2007. С. 124–128.*
31. Лыкова Ю.В. Вечные "женственность" и "женскость" в поэзии З. Гиппиус: гендерный аспект // *Сибирский филологический журнал. № 2. 2010. С. 46–50.*
32. Мережковский Д.С. Ночью о солнце // *Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 4. Лунные муравьи: Рассказы. Пьесы. М.: Русская книга, 2001. С. 515–519.*
33. Гиппиус З.Н. Мёртвый дух // *Гиппиус З.Н. Незвестная проза: В 3 т. / Т. 2: Чего не было и что было: неизвестная проза 1926–1930 годов. СПб.: Росток, 2002. С. 237–247.*
34. Гиппиус З.Н. О "Верстах" и о прочем // *Гиппиус З.Н. Незвестная проза: В 3 т. / Т. 2: Чего не было и что было: неизвестная проза 1926–1930 годов. СПб.: Росток, 2002. С. 161–172.*
35. Гиппиус З.Н. Литературная запись. О молодых и средних // *Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 12. Там и здесь: Литературная и политическая публицистика 1920–1927 гг. М.: Изд-во "Дмитрий Сечин", 2011. С. 146–159.*
36. Жирмунский В. Творчество А. Ахматовой. Л.: Наука, 1973. 184 с.
37. Королева Н.В. З.Н. Гиппиус и А.А. Ахматова // *Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 335–350.*

REFERENCES

- Gippius, Z.N. *Zverebog. O polovom voprose* [Zverebog. On Gender Question]. Gippius, Z.N. *Sobraniye sochineniy v 16 tt. T. 7. My i oni. Literaturnyy dnevnik. Publitsistika 1899–1916 gg.* [Collected Works in 16 Vols. Vol. 7. We and Them. Literary Diary. Critical Essays of 1899–1916]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2003, pp. 322–333. (In Russ.)
- Makovskiy, S. Zinaida Gippius (1869–1945). *Z.N. Gippius: pro et contra* [Zinaida Gippius: Pro et Contra]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2008, pp. 730–767. (In Russ.)
- Berberova, N. *Sol' zemli* [The Salt of the Earth]. Gippius, Z.N. *Sobraniye sochineniy. T. 9* [Collected Works. Vol. 9]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2001, pp. 376–385. (In Russ.)
- Zlobin, V.A. *Tyazhelaya dusha: Literaturnyy dnevnik. Vospominaniya. Statji* [A Heavy Soul: Literary Diary. Memoirs. Papers]. Moscow, NPO "Intelvak" Publ., 2004. 624 p. (In Russ.)
- Tomson, D. *Muzhskoye Ya v tvorchestve Zinaidy Gippius: literaturnyy priyem ili psikhologicheskaya potrebnost'?* [The Male Self in the Work of Zinaida Gippius: a Literary Device or a Psychological Need?]. *Preobrazheniye. Russkiy feministskiy zhurnal* [Transformation. Russian Feminist Magazine]. 1996, No 4, pp. 138–149. (In Russ.)
- Blok, A. *Sobraniye sochineniy: V 8 t. T. 3* [Collected Works, in 8 Vols. Vol. 3]. Moscow, Leningrad, Khudozh. Lit. Publ., 1960. 714 p. (In Russ.)
- Adamovich, G. *Zinaida Gippius* [Zinaida Gippius]. Gippius, Z.N. *Sobraniye sochineniy. T. 9. Dnevnik: 1919–1941. Iz publitsistiki 1907–1917 gg. Vospominaniya sovremennikov* [Collected Works. Vol. 9: Diaries 1919–1941. From Critical Essays of 1907–1917. Memoirs of Contemporaries]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2005, pp. 385–390. (In Russ.)

8. Terapiano, Yu. *Literaturnaya zhizn russkogo Parizha za polveka (1924–1974). Esse, vospominaniya, statji* [Literary Life of Russian Paris for Fifty Years (1924–1974). Essays, Memoirs, Papers]. Paris – New-York, “Albatros” – “Tretya volna” Publ., 1986. 354 p. (In Russ.)
9. Paolini, M. *Muzhskoye “Ya” i “zhenskost” v zerkale kriticheskoy prozy Zinaidy Gippius* [“I” and “Womanhood” in the Mirror of Zinaida Gippius’ Critical Prose]. *Zinaida Gippius. Novyye materialy. Issledovaniya* [Zinaida Gippius. New Materials. Research]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002, pp. 274–289. (In Russ.)
10. Ekonen, K. *Tvorets, sub”yekt, zhenshchina. Strategii zhenskogo pisma v russkom simvolizme* [Creator, Subject, Woman. Strategies of Feminine Writing in the Russian Symbolism]. Moscow, NLO Publ., 2011. 400 p. (In Russ.)
11. Mikhailova, M.V. *Litsa i maski russkoy zhenskoy kul’tury Serebryanogo veka* [Faces and Masks of Russian Feminine Culture of the Silver Age]. *Gendernye issledovaniya: Feministskaya metodologiya v sotsialnykh naukakh* [Gender Studies: Feminist Methodology in the Social Studies]. Kharkiv, KhTsGI Publ., 1998, pp. 117–132. (In Russ.)
12. Gippius, Z.N. *Literaturnyy dnevnik* [Literary Diary]. Gippius, Z.N. *Sobraniye sochineniy v 16 t. T. 7. My i oni. Literaturnyy dnevnik. Publitsistika 1899–1916 gg.* [Collected Works in 16 Vols. Vol. 7. We and Them. Literary Diary. Critical Essays of 1899–1916]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2003, pp. 381–388. (In Russ.)
13. Gilbert, Sandra M., Gubar, Susan. *The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination*. New Haven and London: Yale University Press, 1979. 768 p.
14. Gippius, Z.N. *O zhenskom pole* [On Feminine Gender]. Gippius, Z.N. *Sobraniye sochineniy. T. 12. Tam i zdes’: Literaturnaya i politicheskaya publitsistika 1920–1927 gg.* [Collected Works. Vol. 12. Here and There: Literary and Political Critical Essays of 1920–1927]. Moscow, Izd-vo Dmitriy Sechin Publ., 2011, pp. 128–130. (In Russ.)
15. Showalter, Elaine. *Toward a Feminist Poetics*. Elaine Showalter, ed. *The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature and Theory*. New York, Pantheon Books, 1985. P. 125–143.
16. Yangirov, R. *Telo i otrazhennyi svet: Zametki ob emigrantskoy zhenskoy proze i o nenapisannoy knige Zinaidy Gippius “Zhenshchiny i zhenskoye”* [The Body and the Reflected Light: Notes on Emigrant Women’s Prose and on the Unwritten Book by Zinaida Gippius “Women and the Feminine”]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. 2007, No. 4, pp. 183–206. (In Russ.)
17. Zherebkina, I.A. *Feministskaya teoriya 90-kh godov: problematizatsiya zhenskoy subjektivnosti* [A Feminist Theory of the 90s: Problematisation of Feminine Subjectivity]. *Vvedeniye v gendernyye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Part I: Textbook. Ed. by I.A. Zherebkina. Kharkov, KhTsGI Publ., 2001; St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, pp. 49–80. (In Russ.)
18. Zherebkina, I.A. *Feministskaya literaturnaya kritika* [A Feminist Literary Criticism]. *Vvedeniye v gendernyye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Part I: Textbook. Ed. by I.A. Zherebkina. Kharkov, KhTsGI Publ., 2001; St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, pp. 543–562. (In Russ.)
19. Pakhuss, T. *Tvorcheskiy put’ Zinaidy Gippius* [The Creative Path of Zinaida Gippius]. *Zinaida Gippius. Novyye materialy. Issledovaniya* [Zinaida Gippius. New Materials. Research]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002, pp. 215–235. (In Russ.)
20. Matich, O. *Zinaida Gippius i gender: performativnost’, parodiya, preobrazheniye pola* [Zinaida Gippius and Gender: Performativity, Parody, Transformation of Gender]. *Krug Merezhkovskikh: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya Z.N. Gippius: sbornik statey* [The Merezhkovskis Circle: to the 150th Anniversary of Zinaida Gippius, a Collection of Papers]. Ed. by E.A. Andrushchenko. Moscow, IMLI RAN Publ., Dmitry Sechin Publ., 2021, pp. 312–333. (In Russ.)
21. Cixous, H. *Khokhot Meduzy* [A Medusa’s Laughter]. *Vvedeniye v gendernyye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Ed. by S. Zherebkin, I.A. Zherebkina, Part II: A Reading book. Kharkov, KhTsGI Publ., 2001; St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, pp. 799–821. (In Russ.)
22. Gippius, Z.N. *Trikhina* [Trikhina]. Gippius, Z.N. *Sobraniye sochineniy v 16 tt. T. 7. My i oni. Literaturnyy dnevnik. Publitsistika 1899–1916 gg.* [Collected Works in 16 Vols. Vol. 7. We and Them. Literary Diary. Critical Essays of 1899–1916]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2003, pp. 255–260. (In Russ.)
23. Gippius, Z.N. *E. Bakunina, Lyubov’ k shesterym* [E. Bakunina. Love for Six]. Gippius, Z.N. *Sobraniye sochineniy. T. 13. U nas v Parizhe: Literaturnaya i politicheskaya publitsistika 1928–1939 gg. Vospominaniya. Portrety* [Collected Works. Vol. 13. In our Paris: Literary and Political Critical Essays 1928–1939. Memoirs. Portraits]. Moscow, Izd-vo “Dmitriy Sechin” Publ., 2012, pp. 228–229. (In Russ.)
24. Gippius, Z.N. *Bratskaya mogila* [Common Grave]. Gippius, Z.N. *Sobraniye sochineniy v 16 tt. T. 7. My i oni. Literaturnyy dnevnik. Publitsistika 1899–1916 gg.* [Collected Works in 16 Vols. Vol. 7. We and Them. Literary Diary. Critical Essays of 1899–1916]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2003, pp. 270–278. (In Russ.)
25. Gippius, Z.N. *Poliksena Solovyova*. Gippius, Z.N. *Sobraniye sochineniy. T. 13. U nas v Parizhe: Literaturnaya i politicheskaya publitsistika 1928–1939 gg. Vospominaniya. Portrety* [Collected Works. Vol. 13. In our Paris: Literary and Political Critical Essays 1928–1939. Memoirs. Portraits]. Moscow, Izd-vo “Dmitriy Sechin” Publ., 2012, pp. 408–417. (In Russ.)

26. Cooper, Nancy L. Secret Truths and Unheard – of Women: Poliksena Solov'eva's Fiction as Commentary on Vladimir Solov'ev's Theory of Love. *The Russian Review*. 1997. Vol. 56. № 2. April. P. 178–191.
27. Binswanger, Christa. Seraph, Carevic, Narr: Männliche Maskerade und weibliches Ideal bei Poliksena Solov'eva (Allegro). Bern: Peter Lang (Slavica Helvetica; 68). 437 c.
28. Orlova, M.V. *Literaturnaya kritika Z.N. Gippius: k voprosu ob esteticheskikh pozitsiyakh* [Literary Criticism of Zinaida Gippius: to the Question of Aesthetic Positions]. PhD Thesis. Kolomna, 2006. 236 p. (In Russ.)
29. Paolini, M. *Kriticheskaya proza Zinaidy Gippius (1899–1918)* [Critical Prose of Zinaida Gippius (1899–1918)]. PhD Thesis. Moscow, 2003. 240 p. (In Russ.)
30. Panova, E.Yu. *Stanovleniye kriticheskoy manery Antona Krainego (Z. Gippius)* [The Formation of the Critical Manner of Anton Extreme (Z. Hippus)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2007, No. 20, pp. 124–128. (In Russ.)
31. Lykova, Yu.V. *Vechnyye “zhenstvennost” i “zhen-skost” v poezii Z. Gippius: gendernyy aspekt* [Eternal “Femininity” and “Womanhood” in the Poetry of Zinaida Gippius: Gender Aspect]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2010, No. 2, pp. 46–50. (In Russ.)
32. Merezhevskiy, D.S. *Noch'yu o solntse* [In the Night on Sun]. Gippius, Z.N. *Sobraniye sochineniy. T. 4. Lunnyye murav'i: Rasskazy. P'yesy* [Collected Works. Vol. 4. Moon Ants: Stories. Plays]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2001, pp. 515–519. (In Russ.)
33. Gippius, Z.N. *Mertvyi dukh* [The Dead Spirit]. Gippius Z.N. *Neizvestnaya proza: V 3 t. T. 2: Chego ne bylo i chto bylo: neizvestnaya proza 1926–1930 godov* [Unknown Prose in 3 Vols. Vol. 2: What was and what was not: Unknown Prose of 1926–1930]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2002, pp. 237–247. (In Russ.)
34. Gippius, Z.N. *O “Verstakh” i o prochem* [On “Versty” and Other Things]. Gippius, Z.N. *Neizvestnaya proza: V 3 t. T. 2: Chego ne bylo i chto bylo: neizvestnaya proza 1926–1930 godov* [Unknown Prose in 3 Vols. Vol. 2: What was and what was not: Unknown Prose of 1926–1930]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2002, pp. 161–172. (In Russ.)
35. Gippius, Z.N. *Literaturnaya zapisk'. O molodykh i srednikh* [Literary Note. On Young and Middle]. Gippius, Z.N. *Sobraniye sochineniy. T. 12. Tam i zdes': Literaturnaya i politicheskaya publitsistika 1920–1927 gg.* [Collected Works. Vol. 12. Here and There: Literary and Political Critical Essays of 1920–1927]. Moscow, Izd-vo Dmitriy Sechin Publ., 2011, pp. 146–159. (In Russ.)
36. Zhirmunskiy, V. *Tvorchestvo A. Akhmatovoy* [Works of Anna Akhmatova]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 184 p. (In Russ.)
37. Koroleva, N.V. *Z.N. Gippius i A.A. Akhmatova* [Zinaida Gippius and Anna Akhmatova]. *Zinaida Gippius. Novyye materialy. Issledovaniya* [Zinaida Gippius. New Materials. Research]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002, pp. 335–350. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 30 марта 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 апреля 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.

Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on March 30, 2022

Revised on April 20, 2022

Accepted on April 29, 2022

Date of publication: June 30, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020759-0

Жанр клятв в монгольско-маньчжурских источниках

© 2022 г. Л. С. Дампилова

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН,
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
ORCID: 0000-0003-0917-5432
dampilova_luda@rambler.ru

© 2022 г. Н. Н. Николаева

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН,
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
ORCID: 0000-0002-4903-7387
natanika80@mail.ru

Резюме. В работе рассматриваются семантика и структура клятв и связанных с ними ритуалов, бытовавших у монголов и маньчжуров в эпоху Цинской империи, на основе материалов из источника “Правдивые записи о монголах Цинской империи” (“Dayicing ulus-un mongyul-un mayad qauli”). Также привлекается фольклорный и историко-этнографический материал. Выявлено, что структура и основные элементы обряда клятвы в маньчжурской и монгольской традиции имеют близкий характер, тесно связаны между собой и восходят к схожим древним мифологическим представлениям народов Центральной Азии. Аппелляция к верховному божеству и ритуальное жертвоприношение являются основными составляющими клятвенного обряда. Кроме того, фундаментом его служит базовая модель мифологического мира.

Ключевые слова: монголы, маньчжуры, клятва, структура, семантика, обряд, ритуал.

Для цитирования: Дампилова Л.С., Николаева Н.Н. Жанр клятв в монгольско-маньчжурских источниках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 64–73. DOI: 10.31857/S160578800020759-0

The Genre of Oaths in Mongolian-Manchurian Sources

© 2022 Ludmila S. Dampilova

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russia
ORCID: 0000-0003-0917-5432
dampilova_luda@rambler.ru

© 2022 Natalia N. Nikolaeva

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russia
ORCID: 0000-0002-4903-7387
natanika80@mail.ru

Abstract. This paper analyzes the semantics and structure of oaths and relevant rituals of Mongols and Manchus in the period of the Qing Empire based on the materials from the source “Dayičing ulus-un mongγul-un maγad qauli”. Folklore and ethnographic materials are also used in the analysis. It is revealed that the structure and main elements of oath-taking ritual in the Manchu and Mongolian traditions are very similar, closely intertwined and trace their origins back to the kindred ancient mythological beliefs of the Central Asian peoples. Appealing to a supreme deity and a ritual sacrifice form the principal components of the oath-taking ceremony. Besides, a basic model of a mythological world serves as its foundation.

Key words: ceremony, Mongols, Manchus, oath, ritual, semantics, structure.

For citation: Dampilova, L.S., Nikolaeva, N.N. *Zhanr klyatv v mongolsko-manchzhurskih istochnikah* [The Genre of Oaths in Mongolian-Manchurian Sources]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 64–73. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020759-0

В статье впервые дается сравнительный анализ жанра клятвы как вида договора в маньчжурской традиции в период становления маньчжурской династии и в устной традиции монгольских народов. Задачи нашей работы – изучить специфику клятвенных обрядовых действий в традиции маньчжуров и монголов, выявить структуру построения обрядового события, установить особенности “общих мест” в вербальном материале обряда. Основной метод: сравнительно-сопоставительный анализ, при исследовании вербального материала используется структурно-семантический метод, а при описании невербального компонента – функционально-прагматический подход для выявления модели обрядового действия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью введения в научный оборот нового материала, выявления специфики и схожести маньчжурской обрядности в сравнении с монгольскими обрядами.

Основным объектом для исследования является недавно впервые переведенное и изданное на русском языке произведение “Правдивые записи о монголах Цинской империи” (“Dayičing ulus-un mongγul-un maγad qauli”) [1], оригинал которого был опубликован на старописьменном монгольском языке в г. Хух-хот (Китай) в 2013 г. Оно представляет собой извлечение из династических хроник фундаментального памятника по истории Цинского Китая “Правдивые записи о династии Цин” (“Цин ши лу”), хранящихся в Историческом архиве № 1 г. Пекин. “Цин ши лу”, в свою очередь, считается одним из ценных

и достоверных источников цинского периода [2, с. 20].

1. Клятвы монголов и маньчжуров – государственные и семейные

В “Правдивых записях о монголах династии Цин” постоянным поводом для клятв и договоров чаще всего являются междоусобные войны как между монгольскими племенами, так и между Цинской империей и вассальными народами. Изучая только тексты клятв, можно погрузиться в бурную историю Внутренней Азии в цинский период, проследить, какие народы в это время действуют на политической арене, участвуют в соглашениях между собой: “Если халха, поддавшись красноречию китайцев и польстившись на их товары, преступят данную клятву и самовольно заключат с китайцами перемирие, то пусть Небо и Земля их осудят, прольется кровь их, кости их побелеют. Если наш маньчжурский народ преступит данную клятву, пусть се будет точно так же” [1, с. 57]. Или договариваются против третьей стороны, как, например, в следующем случае: “Мы, два народа – маньчжуры и хорчины, будем действовать сплоченно против унижающих нас чахаров” [1, с. 48].

Маньчжуры в союзе с хорчинами борются не только против чахаров, но и против Минского государства, халха, так что союзы для клятв составляются в разных вариантах: “Небо одобрило меня, когда я обратился к нему, не стерпев оскорбления от Минского государства и монгольских чахаров и халха. Когда чахары и халха,

объединившись, пришли с войском, чтобы схватить и убить хорчинского Уба-тайджи, Небо также защитило его. Из ненависти к чахарам и халха Уба-тайджи пришел ко мне за советом, поскольку Небо объединило нас одним страданием. Если мы будем жить в мире, помня о том, что Небо свело нас, то пусть оно к нам будет благосклонно. Если же мы будем жить во лжи, забыв о воле Неба, то пусть оно осудит нас и причинит страдания. Если установленные между нами отношения разрушат следующие поколения, пусть Небо осудит и причинит страдания виновному. Если же от начала и до конца все будет без изменений, пусть Небо благоволит нашим сыновьям и внукам из поколения в поколение” [1, с. 53].

Во времена правления императора Хуан-Тайци (Абахая) маньчжуры уже в союзе с монгольскими племенами клянутся о борьбе с бывшими партнерами чахарами: «В тот день хан, старшие нойоны Дайшан, Амин, Мангултай, нойоны Абатай, Дэгэлэй, Аджигэ, Дуду, Юту, Шоту, Сахалиян, Хоугэ, а также прибывшие монгольские нойоны принесли клятву Небу. Хун-тайджи произнес: “В связи с тем, что чахарский хан, разрушая собственное государство, не признает собственных братьев и нападает на пять халхаских отуков, аоханские и найманские нойоны, отвергнув чахарского хана, прибыли ко мне. Если я, не думая об этом, посажу их в крепость как простолюдинов, пусть Небо осудит меня, и дни мои сократятся...”» [1, с. 65]. Таким образом, противники и союзники, меняясь позициями, находятся в постоянном состоянии принесения и исполнения клятв и договоров.

В исторических записях помимо клятв военного характера присутствуют письменные клятвы, например, связанные с семейными делами ханского двора. В 1624 г. хан клянется в письме-клятве: “Если я не стану содержать человека, покинувшего родные земли и прибывшего к нам навсегда, пусть Небо осудит [меня] и зачтет мне это за грех. Если же я возьму на содержание посланного Небом зятя и дочь, по милости Неба продлится жизнь Дайшан-нойона, Амин-нойона, Мангултай-нойона, [Хун-тайджи]-нойона, Абатай-тайджи, Дэгэлэй-тайджи, Джайсангу-тайджи, Джиргалан-тайджи, Аджигэ-тайджи, Дуду-тайджи, Ёту-тайджи, Шоту-тайджи (кит. shuo tuo), Сахалиян-тайджи, а также прибывшего Энгэдэр-тайджи, и пусть все пребудут в мире и благоденствии” [1, с. 46]. Не менее интересным выглядит дополнительное письмо-приказ к этой клятве: “В вину Энгэдэру будет вменяться лишь попытка отобрать власть. Любая другая

провинность не будет считаться ошибкой зятя, прибывшего из чужих земель. Находясь в монгольских землях, принцесса жила милостью эфу¹. Прибыв сюда, эфу следует доверять принцессе... Если принцесса будет доставлять неприятности эфу, то я окажу поддержку зятю, приказав умертвить ее..., и не стану ее защищать” [1, с. 47]. Таким образом, клятвы монголов и маньчжуров и связанные с ними ритуалы можно интерпретировать как важные формы социального действия, конститутивные для формирования индивидуальной и общественной жизни.

2. Клятва и вера в магию слова

В статье рассматривается вербальный аспект обряда клятвы в тесной связи с невербальным обрядовым компонентом. Обряд и текст существуют как дополняющие друг друга составляющие одного структурного ритуального события, где “всякий обряд может быть представлен как определенный текст, т.е. как некая последовательность символов, выраженная при помощи обрядового синтаксиса” [3, с. 63]. Необходимо заметить, что рассматриваемые нами исторические сведения не имеют специальной задачи записывать структуры обряда и текста, поэтому этапы обряда выявляются из разных текстов на одну тему.

Как известно, каждый традиционный жанр обладает специфическими правилами своего тематического, стилистического и композиционного развертывания. Клятва — один из самых древних во всем мире распространенных речевых жанров. Клятва представляет собой договор, обещание о будущих социальных или политических отношениях двух или нескольких сторон. Каждый участник взаимного ритуального события одновременно выступает в роли и адресанта, и адресата. Предварительными и существенными условиями, необходимыми для осуществления клятвы, являются определенные магические действия. «Ритуально-магическое действие, как правило, несет на себе основную смысловую нагрузку и “хронологически” предшествует слову, его сопровождающему» [4, с. 185]. Таким образом, несомненной является фидеистическая (от лат. *fides* ‘вера’) коммуникация при обряде, где основную роль играет магическая функция слова, тесно связанная с мифологическим мировоззрением. “И миф, и ритуал — это символические процедуры,

¹ Эфу — “императорские зятя — монгольские князья, женившиеся на маньчжурских принцессах. Эфу имели преимущественное право на занятие государственных должностей, освобождались от всех налогов и воинской повинности” [5, с. 166].

и они переплетены между собой, наряду с другими, гораздо теснее именно в данном отношении. Миф – система словесных символов, тогда как ритуал – система символических объектов и действий. Оба суть символические процессы, касающиеся ситуаций одного типа, преодолеваемых одинаково аффективно” [6, с. 58].

Магическую сверхъестественную функцию проводимого обряда обеспечивает обязательное присутствие божественного свидетеля. Сакральное невидимое божество, присутствующее в жизни человека вне времени и пространства, является свидетелем и гарантом исполнения данного слова. В тексте клятвы небесный судья диктует структуру построения предшествующих клятве событий.

2.1. Небо и Земля как заверители клятв

Неоспоримым авторитетом и главным судьей, чье имя считается сакральным для всего центральноазиатского мира, является верховное божество Небо (*Тэнгри*). В маньчжурской и монгольской традиции Небо как всевидящее око с функцией защитника и судьи сопровождает жизнь человека на всех этапах жизненного пути: “Небо одобрило меня”, “Небо также защитило его”, “Небо объединило нас одним страданием”, “Небо свело нас, то пусть оно к нам будет благосклонно”, “Если же мы будем жить во лжи, забыв о воле Неба, то пусть оно осудит нас и причинит страдания” и т.д.

В маньчжурской традиции клятвы приносят либо одному Небу, либо Небу и Земле как двум основным составляющим вселенной: “По воле Высшего Неба и Нижней Земли (п.-монг. *degedü tngri, दौरа-ту үажар*)”, “Заверяя в этом, клянусь Небу и Земле”, “Пусть Небо и Земля осудят их и зачтут им это за грех”. Это отражено и в семантике жертвоприношения, сопровождающего принесение клятвы: “...забив белую лошадь для подношения небесам...” [1, с. 21]; “было совершено жертвоприношение Небу белой лошастью, Земле – черной коровой. Согласно принесенной тогда клятве, наш маньчжурский народ и халха должны были совместно либо пойти войной на китайцев, либо вступить с ними в перемирие” [1, с. 56–57]; “Преподносим белого коня Небу и черного быка Земле” [7, с. 29]. Небо и Земля имеют противоположную цветовую символику ‘белый’ и ‘черный’, а в архаичных культурах белый и черный всегда рассматривались как антитетическая пара. Но в нашем случае цвет не имеет оппозиционного значения, а обозначает только цветовое различие неба и земли, чему и соответствует

состав жертвоприношения. “Семантика текста реализуется только в соответствии с ритуалом, понимаемым не в узкосинтагматическом смысле, но шире – как особого рода действительность, описание которой так или иначе осуществляется словесной частью ритуала” [8, с. 210–211].

В более ранней монгольской летописной традиции (“Сокровенное сказание монголов” 1240 г.) встречаются клятвы, демонстрирующие чрезвычайную близость маньчжурским. Так, например, керейтский Ван-хан (Тоорил, Тогорил, Тогрул), обращаясь в адрес пришедшего ему на помощь во время нападения найманов Чингис-хана, клянется: “Да помогут же мне Небо и Земля воздать ему долг моей благодарности!” [9, с. 65]. И семантически, и структурно эта клятва не отличается от маньчжурских.

Клятвы подобного плана, в качестве свидетелей и заверителей манифестирующие Небо, Землю или более абстрактное верховное божество (которое так или иначе соотносится с верхом, небесами, Небом), находятся и в устной фольклорной традиции, например, в эпосе монгольских народов: *Энэ ехэ дайда мэни, / Энэ хүүрээ эмдээ хадам, / Эрьежэ нүгөө үнгөөрөө гаруужал* ‘Если я это слово нарушу, / Пускай повернется другой стороною / Земля эта моя великая’ [10, с. 174]; *Энэ хэлээн хүүрхэмнай / Хэб болжо бодуужа, / Хэлгэ заяан хоёрнай / Хэзээ мүнхэ харуужа* ‘Пусть эти слова, что сказали, / законом (над нами) возвысятся, / пусть и Творец наш, создатель, / навеки радеет о нас!’ [10, с. 65]. В правовой культуре бурят существовали клятвы на верность российским властям, государю, которые приносили лица, вступающие в высокие общественные должности тайшей, шуленг, зайсанов. В этих клятвах также прослеживается апелляция к высшему божеству: “Если же я покажу неправду, то Бог (бурхан) лишит меня промыслов как на суше, так и на воде, за что также я и в будущей жизни и должен быть перед Богом (бурханом) ответ” [11, с. 125].

Небо и Земля, будучи сакральными объектами поклонения, регулирующими поведение человека в разнообразных жизненных ситуациях, в приведенных монгольских и маньчжурских клятвах выступают в качестве свидетелей и заверителей, стоящих вне времени, профанных обстоятельств и условий, и вследствие этого действие клятв простирается за пределы происходящих в реальном времени событий. Функция свидетелей включает в себя и помощь в достижении цели, и кару за нарушение клятвы. Освидетельствование вышними силами слов клятвы изменяет состояние профанного предмета, сакрализует его и переводит

в сферу священного. “Таким образом, в клятве соприкасаются две сферы бытия: социальная, человеческая и сакральная, божественная, изначально противопоставленные в фидеистической коммуникации” [12, с. 125].

Безусловно, обращение к Земле / Небу в клятвах как к высшим гарантам их исполнения в письменной традиции имеет глубокие мифологические корни. В теогонических воззрениях кочевников Центральной Азии почитание Земли и Неба, нашедшее выражение в мифологии, верованиях и связанной с ними традиционной обрядности, занимало одно из центральных мест. Почитание Вечно Синего Неба и Матери-Земли зафиксировано в “Сокровенном сказании монголов”, об этом свидетельствовали и западные путешественники и миссионеры, посещавшие Монголию [13, с. 48].

Небо символизировало мужское/отцовское начало, Земля – женское/материнское, и оба они выступали в качестве подателей жизни, покровителей, защитников, вершителей судеб и высших судей. “Вечное Синее небо, по представлениям бурят, олицетворяет не только высший разум, но и справедливость. Оно видит все поступки и помыслы человека, который не в состоянии укрыться от его правосудия. Подобно древним монголам, буряты, доказывая свою правоту, обращались к небу (бурхану) быть свидетелем и судьей (*Үндэр Тэнгри хараг! Бурхан, хара!* ‘Пусть высокое небо смотрит! Смотри, бог!’)” [14, с. 316]. Надо заметить, что устная традиция демонстрирует в клятвенных текстах более частое обращение к Земле, считавшейся праматерью всего сущего, что, вероятно, связано с более архаичными воззрениями, восходящими к материнскому роду, тогда как в письменных источниках доминирует призывание Неба, персонифицирующегося с мужской фигурой отца.

2.2. Кровавое жертвоприношение в клятвенном обряде

Сакральный текст предполагает обязательность торжественного заклинательного элемента в речи участников обряда. Клятва может быть действенной только в процессе обряда, имеющего свои правила игры. В структуре любого обряда выделяется несколько этапов, каждый из которых сам по себе представляет завершённое действие, а в совокупности все они направлены на как можно более результативное завершение обряда [15, с. 52]. В клятвенных обрядах выделяются этапы до произнесения клятвы, сама клятва и завершающие ритуалы. В первую очередь проводится

ритуальное жертвоприношение, имеющее в каждом случае свои особенности. Для обряда имеет значение и одежда, и строго по символической функции предназначенные блюда: «Надев на лошадей сбрую, доставив доспехи, приготовив из говядины почетное блюдо, забив белую лошадь для подношения небесам, разлив по чашам вино, кровь, разложив мясо, кости и землю, четыре народа друг за другом поклялись: “Отныне, если взаимная женитьба дочерей и сыновей не будет проходить благополучно, подобно этой крови, прольется [наша] кровь, подобно этой земле, [мы] землей покроемся, подобно этим костям, [наши] кости побелеют. Если же сдержим свое слово, мы будем есть это мясо, пить вино, и жизнь наша будет долгой”. На эту клятву хан ответил клятвой: “Если вы сдержите данное слово, то все будет хорошо. Если не сдержите слово, то я выжду три года и покорю вас”» [1, с. 21–22], “Забив для подношения небесам белого коня, брызгая кровь, давали клятву” [1, с. 24]. Как известно, “...с помощью жертвы восстанавливаются утраченные связи, которые в обрядах этого типа мыслятся преимущественно как вертикальные” [8, с. 189], поэтому кровавая жертва небесам является необходимым элементом ритуала.

Кровь самого актанта в качестве жертвоприношения и одновременно залога исполнения клятвы встречается в монгольских источниках. В “Сокровенном сказании монголов” Ван-хан в очередной раз приносит клятву Чингис-хану следующим образом: «“Если теперь я увижу своего сына да умыслю против него худое, то пусть из меня вот так выточат кровь!”, и с этими словами он, в знак клятвы, уколол свой мизинец зеркальным ножичком для сверления стрел и, выточив из ранки берестяной бурачок крови, попросил передать его своему сыну» [9, с. 77].

В летописи “Алтан тобчи” Мэргэн Гэгэна, датируемой XVIII в., указывается, что Хасар, брат Чингис-хана, и посол Ван-хана приняли кровавую клятву над кувшином [16, с. 148], т.е. принесли клятвы и в знак исполнения их наполнили кувшин своей кровью. По свидетельству Рашид-ад-Дина, подобные ритуалы, сопровождающие принесение клятв, были распространены у монголов: “Так как монгольский обычай таков, что они приносят друг другу клятву кровью” (Цит. по: [16, с. 250]). По верованиям монгольских народов, именно в крови находится душа человека, его дух *сүлдэ*, жизненная сила, причем не только человека, но и всех живых существ.

Бескровное умерщвление (казнь преступников, обычный забой животных) без пролития

крови считалось предпочтительнее и даже почетнее кровавого. В “Сокровенном сказании монголов” Джамуха просит для себя милости в виде бескровной казни, клянясь: “Когда буду лежать мертвым, то и в земле, Высокой Матери нашей, бездыханный прах мой во веки веков будет покровителем твоего потомства. Молитвенно обещаю это” [9, с. 99]. Кровь и человека, и жертвенного животного как сакральная субстанция, в которой заключается жизненная сила, выступает невероятно ценным клятвенным залогом. Магический заряд принесенной клятвы усиливается в случае, когда указывается возможность расплаты за ее несоблюдение, т.е. кровопролитие, кровавая казнь, которую символизировали сосуды, наполняемые собственной кровью. Клятвы на крови, таким образом, даже не требуют вмешательства или освидетельствования со стороны высшего / божественного, поскольку залогом выступают имплицитно жизнь и смерть самих актантов.

3. Обмен подарками, жертвенная пища и совместная трапеза как элементы клятвенных ритуалов

Строго определенная поэтапная обрядность, но без кровавого жертвоприношения прослеживается в клятвах побратимства. В маньчжурском источнике подобных клятв пока не обнаружено, однако они встречаются в монгольских. Так, клятвы побратимства трижды приносят Тэмуджин (будущий Чингис-хан) и Джамуха, и каждый раз заверения в верности, дружбе-братстве, совместных действиях сопровождаются обменом подарками. Вначале в детстве это альчики для игры и детские стрелы. В старшем возрасте они обмениваются золотыми поясами и конями из военной добычи [9, с. 42–43]. Почти идентичные обряды обнаруживаются в фольклоре бурят и ойратов [17, с. 50–54]; [18, с. 20, 57].

В маньчжурской традиции могут быть этапы обряда до клятвы и без кровавого жертвоприношения с использованием только пищи и воскурения: “По такому поводу на берегу реки Хуньхэ была принесена клятва. Воскурив благовония Небу и поднеся мясо, хан с Уубой совершили три коленопреклонения и девять поклонов. Клятва была зачитана вслух, а затем сожжена” [1, с. 54]. Все цветовые и числовые элементы в обрядовом событии имеют свое точное символическое обозначение. В обряде конкретно обозначаются жертвенные блюда для божества и сакральные числа три и девять остаются неизменными в маньчжуро-монгольской традиции.

Семантику акциональных действий (воскурение благовоний, забивание животных, приготовление определенного числа чаш для жертвоприношений) раскрывает вербальный материал. Стоит заметить, что в маньчжурской традиции некоторые преподносимые божеству дары трудно назвать жертвенной пищей, например, кости, земля: “...вместе забили белого коня и черного быка. Затем, разлив по чашам вино и кровь, разложив мясо, кости и землю, они поклялись перед Небом и Землей” [1, с. 37]; “Чтобы создать один союз, мы, два государства маньчжуров и харачинов, преподносим белого коня Небу и черного быка Земле. Присягая вместе на верность, мы подносим одну чашу архи, одну чашу с мясом, одну чашу с кровью и одну чашу с сухими костями” [7, с. 29]. Символический подтекст подобных невербальных компонентов обряда четко расшифровывается в тексте “Правдивых записей”: “Отныне, если взаимная женитьба дочерей и сыновей не будет проходить благополучно, подобно этой крови, прольется [наша] кровь, подобно этой земле, [мы] землей покроемся, подобно этим костям, [наши] кости побелеют. Если же сдержим свое слово, мы будем есть это мясо, пить вино, и жизнь наша будет долгой” [1, с. 21]. Итак, становится ясно, что преподнесенные в чашах дары полностью соответствуют условиям кары за нарушение клятвы и благоденствия при их исполнении. Залогом клятвы вновь выступает жизнь. Надо заметить, что клятвенный обряд с такими компонентами, как жертвоприношение разнообразных животных, подношение жертвенной пищи, был, по-видимому, достаточно устойчив и распространен, поскольку в источниках он упоминается не единожды [19, с. 4].

В монгольских текстах нередко встречается совместное пиршество актантов клятвенного обряда, но без обозначенного жертвоприношения. Например: «В ту пору река начала высыхать: вода в ней была стоячая, густая и вязкая... Вдруг с северной стороны прибежала дикая лошадь, которую Хасар застрелил. Так как не было котла, то содрал с лошади шкуру, разрубили мясо на куски и зажарили их на раскаленных камнях. Напившись воды из той реки и помолвившись в сторону Тэнгри, Чингис сказал (нукэрам): “Если удастся мне создать великое правление, то буду делить свое счастье и несчастье с народом вашим. Если мы нарушим эту клятву, то пусть прекратится течение (нашей жизни), как останавливается течение этой реки. Да сохранят те, кто поклялся, напившись воды из этой реки, свою клятву до потомков своих предков”» [16, с. 148]. Пиром закрепляют также клятвы побратимства [9, с. 43].

Совместное принятие пищи в этом контексте означает, по всей вероятности, приобщение всех участников обряда к сакральному акту, к некоему коллективному священнодействию, каковым представляется принесение клятвы. Кроме того, здесь обращает на себя внимание соотносительность природного объекта (реки) и жизненного цикла актанта, уподобление течения реки течению жизни. Возмездие за несоблюдение условий клятвы связывается с происходящими с рекой изменениями.

Подобный прием можно найти в фольклоре, например, бурят: *Минии хани энэ хүүрээ / Сусаа хани болобо хада / Энэ ехэ далай мэни / Хайратаа хатахал, / Энэ ехэ ногоод мэни / Үндүһүндөө хатахал!* ‘Коль слов своих не сдержу, / это большое море мое / высохнет до песков, / эти густые травы / завянут до корней’ [20, с. 169]. Прослеживается та же структура построения клятвенной формулы — указания расплаты за невыполнение обещанного без привлечения в качестве свидетелей божественных сил. Отождествление в широком смысле природного и человеческого символизирует тесную взаимосвязь человека с окружающим его миром. Гибель самого важного — воды и растительности — для кочевника означает гибель его стад и табунов и соответственно ставит под угрозу его собственное существование. Таким образом, в подобных клятвах имплицитно залогом выступает жизнь актанта.

Действия при ходе обряда расшифровывает текст — такие события, как отпить или выпить преподнесенную водку или обмакнуть нож в крови, имеют символическое значение: “Если я поклянусь, обмакнув нож в вино, а затем убью вас, то это будет моей виной. Если же вы, заставив меня поклясться, выпьете этого вина и откажетесь сдать, то это ваш грех. Если не примете нашего подданства, возьму город штурмом и тотчас убью вас” [1, с. 34–35]. Думается, такое действие, как обмакнуть в кровь нож, является усеченной формой кровавого жертвоприношения. Усиливая психологическое напряжение для доказательства своей искренности, адресат подтверждает свое слово не просто клятвой, но и перечислением последствий нарушения данного слова.

Завершающий этап обряда также может иметь разные сценарии и символическое значение, например, в следующем событии — отпив водку адресата, адресанты как бы дают свое согласие: “Отпив часть того вина, оставшуюся часть он отправил обратно. Буянгу и Бурхангу выпили присланного вина и, открыв ворота ставки, сдались...” [1, с. 35].

Клятва закрепляется обрядовым действием, имеющим древние традиции. В приведенном выше примере Чингис-хан и его сподвижники пьют воду из реки, и каждый, кто испил ее, причащается клятвы и должен не только исполнить сам, но и распространить ее действие на своих потомков. Возможно, совместное распитие какого-либо напитка, получающего в этом контексте сакрализованную функцию закрепления принесенных обещаний, восходит к древнему ритуалу совместного пиршества после принесенного жертвоприношения. Подобное сохранялось у бурят на тайлганах, когда после обряда *сасали бариха* (кропление молока и молочной водки вверх в направлении восхода солнца как подношение божествам и высшим духам) все участники обряда распивали молочную водку, а после обряда *хурылха* всем распределялось мясо жертвенных животных, причем съесть его следовало только на тайлгане, не принося домой [21, с. 67, 69].

4. Наказание и кара за невыполнение клятв

В летописи особое значение имеют порождаемые клятвой реакции с обеих сторон: «После клятвы, данной ханом и нойонами пяти халхаских отуков, к нему перебежали два подданных Сонин-тайджи из баягудского и Джайсан-Хэу-хэна из джарагудского отука. Хан сказал: “Хоть и жаль мне осмелившихся прийти людей, нельзя нарушать данную клятву” и вернул беглецов прежним хозяевам» [1, с. 40]. Данный пример подчеркивает ответственность лица, давшего клятву.

Степень ответственности за вольное и невольное нарушение клятвы имеет одинаковые последствия. В первую очередь, нарушение клятвы предполагает наказание со стороны высшей силы, т.е. Небесного божественного судьи. Не менее значимы реальные наказания со стороны второго партнера договора: “Если вы сдержите данное слово, то все будет хорошо. Если не сдержите слово, то я выжду три года и покорю вас” [1, с. 22]; “Не стану скрывать, что в данном случае мы снова станем врагами. Я возведу ставку на территории вашего племени ехэ и покорю ваш народ” [1, с. 24].

Не менее жестоки последствия даже за якобы “нарушения” клятвы: «Мангултай вместе со своей младшей сестрой Мангуджи, ее мужем аоханским Сонум-дугурэном, Дэгэлэй-нойоном, Тумбуру, Айбари, Лэнсэнги, помолившись Небу, сжег бумагу и принес клятву: “Я, Мангултай, не причиню зла хану. Придай мне силы. Если я не буду любить [хана] так же, как себя, пусть Небо осудит меня”. Супруги Сонум и Мангуджи принесли следующую клятву: “Мы будем все силы отдавать

хану. Если не сдержим своего слова, пусть Небо осудит нас”. Вскоре после этого Мангултай внезапно заболел и, ничего не успев сказать, умер. Дэгэлэй так же, как и он, скончался от болезни» [1, с. 212]. Смерть после принесения клятвы оценивается как нарушение клятвы и наказание Небом: “Мангултай и Дэгэлэй покарало Небо” [1, с. 213].

Безжалостные последствия ожидают родных и близких умерших “клятвopеcтупников”: «После обсуждения произошедшего нойонами и сановниками ими было вынесено общее решение: “В связи с тем, что Мангуджи и Сонум вступили в дурной сговор, их следует убить, разрубив на части... Их жен и детей, сообщников Тумбуру и Айбари также необходимо убить... Всех подданных и имущество Мангултая и остальных необходимо конфисковать» [1, с. 213]; “Поскольку Мангуджи является женщиной, узнав о каких-либо беспорядках, она должна была воспрепятствовать им во имя государства. Не следует отменять ее смертной казни, поскольку она участвовала в заговоре против хана. Согласно уложению, необходимо убить жен и детей двух нойонов” [1, с. 213].

Заключение

И в маньчжурской, и в монгольской традиции (устной и письменной) в плане композиционной структуры имеются как короткие описания обрядов и тексты клятв, так и развернутые варианты, уточняющие и раскрывающие семантику ритуальных действий. Необходимо особо отметить, что в хронике отражены как устные, так и письменные формы клятв, например, в 1619 г., “в первый день среднего зимнего месяца, день белого дракона. Хан вручил пяти сановникам... письмо с клятвой” [1, с. 37]. Тексты с клятвой в готовом виде в устной форме зачитываются в ходе обряда или пишутся в момент соглашения двух договаривающихся сторон: “Написав текст клятвы, он сжег его Небесам” [1, с. 41].

При сравнении разных текстов клятв неизменными остаются композиция и используемые константные единицы. Как видно из повторяющихся формульных выражений, текст клятвы строится “с точки зрения традиции, эстетика которой и определяет его композиционный тип” [22, с. 156]. Например, при проведении обряда число и состав пяти чаш жертвоприношений, воскурения остаются неизменными, только могут меняться виды жертвоприношений (с кровавым и без кровавого жертвоприношения).

Структурно монгольские и маньчжурские клятвы максимально близки, не наблюдаются

особых специфических различий. Один из основных опорных элементов – воззвание к сверхъестественным силам (Небу, Земле, высшему божеству) в качестве свидетелей, заверителей и гарантов соблюдения условий клятвы. Отсюда логично следует второй композиционный элемент – постановка условий выполнения / невыполнения клятвы и кары / награды за это. В ходе клятвы обговариваются все виды наказаний за нарушение слова, и наказания могут быть мифологического и прагматического характера. В одних случаях предполагается наказание только со стороны высших сил, подразумевающее преждевременную гибель нарушителя клятвы, ухудшение его жизненных условий, поскольку залогом всегда выступает жизнь. Либо проступок засчитывается греховным, что, естественно, также окажет негативное воздействие на дальнейшие жизненные ситуации преступившего свое слово (несчастья и беды, посылаемые высшими силами). В других указывается, что нарушитель понесет наказание со стороны другого актанта, получающего в этом случае гласное и негласное право действий в собственную выгоду. В случае, если условия клятвы будут соблюдены, награда принимает скорее прагматический, но в то же время и обобщенный характер, предполагающий вмешательство высших сил лишь имплицитно, – благоденствие, долгая жизнь, благополучие потомков.

В сравнении с архаическими источниками установлена преемственность как вербального, так и невербального материала клятвенного обряда. В вербальном материале используемые “общие места” в формульных выражениях остаются неизменными, и в этом случае однородный текст последовательно раскрывает семантику схожих ритуальных событий, исполняемых в клятвенных обрядах. Итак, структура и основные элементы обряда клятвы в маньчжурской и монгольской традиции тесно связаны между собой и восходят к схожим древним мифологическим представлениям народов Центральной Азии. Вера в верховное божество как первичная составляющая обряда и базовая модель мифологического мира является основой клятвенного обряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правдивые записи о монголах Цинской империи. Т. 1: Правление Тайцзу, Тайцзуна и Шицзу / Пер. со старописьменного монгольского Е.В. Сундуевой. Иркутск: Оттиск, 2019. 648 с.
2. Базаров Б.В., Сундуева Е.В., Цыренов Ч.Ц., Нолев Е.В. “Открылось то, что хранится в золотом

- сундуке...”: к вопросу об источниках и назначении “Правдивых записей о династии Цин” // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 11–23.
3. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
  4. Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 168–208.
  5. Ховалыг С.С. Социальное положение и правовой статус отдельных групп населения Халхи и Танну-Тувы на рубеже XIX–XX вв. // Владимирцовские чтения – VI. М.: ИВ РАН, 2017. С. 163–171.
  6. Kluckhohn C. Myths and Rituals: A General Theory. *Harvard Theological Review*, 35(1), 45–79. doi: 10.1017/S0017816000005150. URL: https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/6F453D3C437E29485C0573CA0E70B2E4/S0017816000005150a.pdf/myths_and_rituals_a_general_theory.pdf
  7. Elverskog J. *Our Great Qing: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006.
  8. Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, С.-Петербург. отделение, 1993.
  9. Монголой нюуса тобшо. Сокровенное сказание монголов / Ч.-Р. Намжиловой оршуулга. Пер. С. Козина. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1990.
  10. Абай Гэсэр-хубун. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант). Подготовка текста, перевод и примечания М.П. Хомонова. Ч. I. Улан-Удэ, 1961.
  11. Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. Сакральное правосудие в правовой системе бурят // Мир Центральной Азии – 4: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 124–127.
  12. Рабенко Т.Г. Клятва как фидеистический речевой жанр // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 122–126.
  13. Heissig W. *The Religions of Mongolia*. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1980.
  14. Михайлов Т.М. Анимистические представления бурят // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 292–319.
  15. Turner V.W. *The Forest of Symbols: Aspects of Ndembu Ritual*. Cornell University Press, Ithaca and London, 1967.
  16. Балданжапов П.Б. Altan Tobči. Монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1970.
  17. Birtalan Á. Rituals of sworn brotherhood: Mong. anda bol-, Oir. and, ax düü bol- : in *Mongol historic and Epic tradition*. *Chronica*, 2007, № 7–8, pp. 44–56.
  18. Шаракшинова Н.О. *Улигеры бурят*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
  19. Bawden C.R. *The Modern history of Mongolia*. London, New-York: Routledge, 2013.
  20. Еренсей. Подготовка текста, перевод и примечания М.Н. Хомонова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968.
  21. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978.
  22. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989.
  23. Тоноров В.Н. О ритуале: введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: (Б. и.), 1988.

REFERENCES

1. *Pravdivye zapisi o mongolah Cinskoj imperii. T. 1: Pravlenie Tajczu, Tajczuna i Shiczu. Per. so staropismennogo mongolskogo E.V. Sunduevoj* [True Records of the Mongols of the Qing Empire. Vol. 1: The Reign of Tai Tzu, Tai Zong and Shizu. Trans. from the Old Mongolian by E.V. Sunduyeva]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019. 648 p. (In Russ.)
2. Bazarov, B.V., Sundueva, E.V., Tsyrenov, Ch. Ts., Nolev, E.V. “*Otkrylos to, chto hranitsya v zolotom sunduke...*”: k voprosu ob istochnikah i naznachenii “*Pravdivyh zapisej o dinastii Cin*” [“What is Stored in the Golden Chest has been Discovered...”: On the Question of the Sources and Purpose of “Truthful Records About the Qing Dynasty”]. *Vestnik arhivista* [Archivist’s Bulletin]. 2018, No. 1, pp. 11–23. (In Russ.)
3. Tolstoy, N.I. *Yazyk i narodnaya kultura: Oчерki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, 1995. (In Russ.)
4. Agapkina, T.A., Vinogradova, L.N. *Blagopozhelanie: ritual i tekst* [Benevolence: Ritual and Text]. *Slavyanskij i balkanskij folklor: Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan Folklore: Beliefs. Text. Ritual]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 168–208. (In Russ.)
5. Khovalyg, S.S. *Socialnoe polozenie i pravovoj status otdelnyh grupp naseleniya Halhi i Tannu-Tuvy na rubezhe XIX–XX vv.* [Social Status and Legal Status of Individual Population Groups of Khalkha and Tannu-Tuva at the Turn of the 19th–20th Centuries]. *Vladimircovskie chteniya – VI* [Vladimirtsovskie Readings – VI]. Moscow, IV RAS Publ., 2017, pp. 163–171. (In Russ.)
6. Kluckhohn, C. Myths and Rituals: A General Theory. *Harvard Theological Review*, 35(1), 45–79.

- doi: 10.1017/S0017816000005150. URL: https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/6F453D3C437E29485C0573CA0E70B2E4/S0017816000005150a.pdf/myths_and_rituals_a_general_theory.pdf
7. Elverskog, J. *Our Great Qing: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006.
  8. Baiburin, A.K. *Ritual v tradiconnoj kulture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg, Nauka, St. Petersburg Publishing House, 1993. (In Russ.)
  9. *Mongoloy nyuusa tobsho. Sokrovennoe skazanie mongolov* [Mongol nyusa tobsho. The Secret Legend of the Mongols]. Ch.-R. Namzhilovaj orshuulga. Per. S. Kozina [Ch.-R. Namzhilova orshuulga. Transl. by S. Kozin]. Ulan-Ude, Bur. kn. publishing house, 1990. (In Mongolian, In Russ.)
  10. *Abaj Geser-hubun. Epopeya. (Ekhirit-bulagatskij variant). Podgotovka teksta, perevod i primechaniya M.P. Homonova. Ch. I* [Abai Gesar-hubun. Epic. (Ehirit-Bulagat variant). Preparation of the Text, Translation and Notes by M.P. Khomonov. Part I]. Ulan-Ude, 1961. (In Buryatian, In Russ.)
  11. Nanzatov, B.Z., Sodnompilova, M.M. *Sakralnoe pravosudie v pravovoj sisteme buryat* [Sacred Justice in the Buryat Legal System]. *Mir Centralnoj Azii – 4: sb. nauch. st.* [The World of Central Asia – 4: Collection of Scientific Articles]. Irkutsk, Imprint Publ., 2017, pp. 124–127. (In Russ.)
  12. Rabenko, T.G. *Klyatva kak fideisticheskij rechevoj zhanr* [Oath as a Fideistic Speech Genre]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2010, No. 13 (194). Philology. Art history. Issue 43, pp. 122–126. (In Russ.)
  13. Heissig, W. *The Religions of Mongolia*. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1980.
  14. Mikhailov, T.M. *Animisticheskie predstavleniya buryat* [Animistic Representations of the Buryats]. *Priroda i chelovek v religioznyh predstavleniyah narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Nature and Man in the Religious Representations of the Peoples of Siberia and the North (the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 292–319. (In Russ.)
  15. Turner, V.W. *The Forest of Symbols: Aspects of Ndembu Ritual*. Cornell University Press, Ithaca and London, 1967.
  16. Baldanjabov, P.B. *Altan Tobči. Mongolskaya letopis XVIII v.* [Altan Tobči. The Mongolian Chronicle of the 18th Century]. Ulan-Ude, Bur. kn. publishing house, 1970. (In Mongolian, In Russ.)
  17. Birtalan, Á. *Rituals of sworn brotherhood: Mong. anda bol-, Oir. and, ax düü bol- : in Mongol historic and Epic tradition*. *Chronica*, 2007, No. 7–8, pp. 44–56.
  18. Sharakhshinova, N.O. *Uligery buryat* [Folk Tales in the Genre of Heroic-Historical Epic of Buryatians]. Ulan-Ude, Publishing House of the BNC SB RAS, 2000. (In Buryatian, In Russ.)
  19. Bawden, C.R. *The Modern history of Mongolia*. London, New-York: Routledge, 2013.
  20. *Erensej. Podgotovka teksta, perevod i primechaniya M.N. Homonova* [Heresies. Preparation of the Text, Translation and Notes by M.N. Khomonov]. Ulan-Ude, Buryat. Publishing house, 1968. (In Buryatian, In Russ.)
  21. Manzhigeev, I.A. *Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy: opyt ateisticheskoy interpretacii* [Buryat Shamanistic and Pre-Shamanistic Terms: the Experience of Atheistic Interpretation]. Moscow, Nauka Publ., 1978. (In Russ.)
  22. Maltsev, G.I. *Tradicionnye formuly russkoj narodnoj neobryadovoj liriki* [Traditional Formulas of Russian Folk Non-Ritual Lyrics]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. (In Russ.)
  23. Toporov, V.N. *O rituale: vvedenie v problematiku* [On Ritual: an Introduction to Problematics]. *Arhaicheskij ritual v folklornyh i ranneliteraturnyh pamyatnikah* [Archaic Ritual in Folklore and Early Literary Monuments]. Moscow, (B. I.), 1988. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 марта 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 апреля 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.

Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on March 23, 2022

Revised on April 15, 2022

Accepted on April 29, 2022

Date of publication: June 30, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020760-2

От Моравии до Пскова: текст и экстратексты Софийской триоди

© 2022 г. В. Б. Крысько

Доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
vbkrysko@yandex.ru

© 2022 г. И. М. Ладыженский

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
ladij@mail.ru

© 2022 г. Г. А. Мольков

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
georgiymolkov@gmail.com

Резюме. Статья посвящена анализу ранее не публиковавшейся подписи к рисунку в рукописи Софийского собрания Российской национальной библиотеки № 84 и исследованию палеографических, орфографических и лингвистических особенностей этого кодекса. На основании палеографических данных Триодь Соф. 84 должна датироваться второй половиной XIV века. Отождествление одного из почерков данного кодекса с почерком Службных миней из собрания Российского государственного архива древних актов Тип. 101, Тип. 106 и Тип. 111 позволяет поместить рукопись в круг псковских письменных памятников, включающий книги из известного скриптория Андрея Микулинского. Орфографический анализ представленных в Соф. 84 почерков подтверждает результаты палеографического исследования и показывает, что писцы большей части рукописи (до л. 199 и после л. 230) противопоставлены как консервативные для XIV в. писцам, переписывавшим л. 199–230. Возможно, переписчики “консервативной” части стремились точно передать орфографические особенности древнего антиграфа Триоди, восходящего, как полагают некоторые исследователи, к моравскому периоду развития славянской письменности; последний тезис подтверждается некоторыми западнославянскими языковыми чертами, сохраненными текстом Софийской триоди. Вместе с тем, у всех четырех книжников отмечены вкрапления фонетических диалектизмов: цоканье, *жг* на месте **zdi/*zg(i)* и единичный пример соканья в первом почерке — важнейший аргумент в пользу псковского происхождения рукописи.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-18-00035, <https://rscf.ru/project/22-18-00035/>. Авторы признательны анонимному рецензенту статьи за ценные замечания.

Ключевые слова: церковнославянская письменность, Триодь, древний новгородско-псковский диалект, текст, экстратексты, палеография, орфография, фонетика, грамматика.

Для цитирования: Крысько В.Б., Ладыженский И.М., Мольков Г.А. От Моравии до Пскова: текст и экстратексты Софийской триоди // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 74–92. DOI: 10.31857/S160578800020760-2

From Moravia to Pskov: Text and Extratexts of the St. Sophia Triodion

© 2022 Vadim B. Krysko

Doct. Sci. (Philol.), Professor,
Head Researcher at the Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
vbkrysko@yandex.ru

© 2022 Igor M. Ladyženskij

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
ladij@mail.ru

© 2022 Georgy A. Molkov

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
georgiymolkov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of a previously unpublished caption to the drawing in the Triodion manuscript Nr. 84 of the collection of the Cathedral of St. Sophia in the Russian National Library, St. Petersburg, and to the study of paleographic, orthographic and linguistic features of this codex. Based on paleographic data, the Sophia Triodion should date back to the second half of the 14th century. The identification of one of the handwritings of the manuscript with the main handwriting of the Service Menaia Nr. 101, 106, and 111 from the collection of the Synodal Typography in the Russian State Archives of Early Acts, Moscow, allows placing the codex Soph. 84 in the circle of manuscripts associated with the famous Pskov scriptorium of Andrei, priest of the St. Nicholas Church. The orthographic analysis of the handwritings presented in Soph. 84 shows that the scribes of most of the manuscript (before fol. 199 and after fol. 230) are opposed as rather conservative for the 14th century to the scribes who copied the ff. 199–230. Perhaps the scribes of this “conservative” part sought to accurately convey the orthographic features of the ancient antigraph of Triodion, which, as some researchers believe, dates back to the Moravian period of the development of Slavic writing; the latter thesis is confirmed by some Western Slavic linguistic features preserved by the text of the Soph. 84. At the same time, all four scribes have interspersed phonetic dialectisms: tsokanye (*ts–ch* merger), *zhg* < *zdj/**zg(i)* and a single example of the merger of whistling and hushing consonants – the most important argument in favor of the Pskov origin of the manuscript.

Acknowledgements. This study was funded by the RSF, project No. 22-18-00035, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00035/>. The authors are grateful to the anonymous reviewer of the article for valuable comments.

Key words: Church Slavonic writing, Triodion, Old Novgorod-Pskov dialect, text, extratexts, paleography, orthography, phonetics, grammar.

For citation: Krysko, V.B., Ladyženskij, I.M., Molkov, G.A. *Ot Moravii do Pskova: tekst i ekstrateksty Sofijskoj triodi* [From Moravia to Pskov: Text and Extratexts of the St. Sophia Triodion]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 74–92. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020760-2

Рукопись Российской национальной библиотеки Соф. 84, содержащую список Постной триоды, большинство исследователей датируют XIV веком [1, с. 110]; [2, с. 257, № 1262]¹. На внутренней стороне задней крышки переплета расположен экстратекст² бытового характера, представляющий собой подпись к рисунку. При описании рукописей Софийского собрания И.К. Куприянов упомянул об этом рисунке Соф. 84 и о “трудно разбираемой” приписке: “На задней доске переплета, с внутренней стороны, нарисована киноварью маленькая человеческая фигурка, с книгой в руке и в эпитрахили, очень плохой отделки; с боку рисунка киноварная приписка, трудно разбираемая: ратнова микулинские...” [1, с. 110–111]. В последующих каталогах и исследованиях древнерусских экстратекстов подпись не фигурирует.

В действительности весь текст, записанный в восемь строк справа от изображения человека, хорошо виден и читается целиком (см. илл. 1–2)³:

О ратнова | попе микулин|ньскын:: | об ъдномъ | черевъ а дру|гого изъста|ль въ кък[в]ѣ | ручьи:⁴

Илл. 1. Соф. 84, задняя крышка

¹ В издании [3, ч. 1, с. *335] – “Ende 13. Jh.”.

² Термин “экстратексты”, предложенный В.Б. Крысько [4, с. 194], обозначает тексты, которые, находясь “физически” в составе рукописных книг, автономны от самих текстов этих книг, – а именно: а) записи, содержащиеся на полях (маргиналии), первых и последних листах, чистых страницах и не занятых основным текстом частях страниц, на книжных переплетах, б) приписки (писцовые, редакторские и читательские комментарии к тексту) и в) подписи к рисункам.

³ Цифровая копия размещена на сайте РНБ <<http://nlr.ru/manuscripts/dep/img/manuscripts/IzoCatalogue/D9FDEE36-D35D-4358-BA4F-D79D46C0DCF4/244.jpg>>.

⁴ Нечетко читаемые буквы заключаются в квадратные скобки. Границы строк обозначаются знаком |, границы страниц – знаком ||.

Илл. 2. Соф. 84, задняя крышка. Текст записи

Для большей части записи (без первой строки) можно предложить следующий перевод: ‘...поп микулинский в одном башмаке, а другого лишился в къквѣ ручье’. При сравнении этого текста с рисунком становится ясно, что он описывает изображенного на крышке рукописи человека. Фигура представлена в священническом облачении и с церковной книгой в правой руке – т.е. это поп, а одна из его ног – босая (черный контур правой ноги не закрашен киноварью, в отличие от левой). Кроме этого основного изображения ниже на доске есть рисунок без киноварной закрашки меньшего размера, частично замазанный сверху чернилами. В нем просматривается человек с книгой в правой руке (без “нимба”), т.е. это, по-видимому, “эскиз” или повтор основного рисунка.

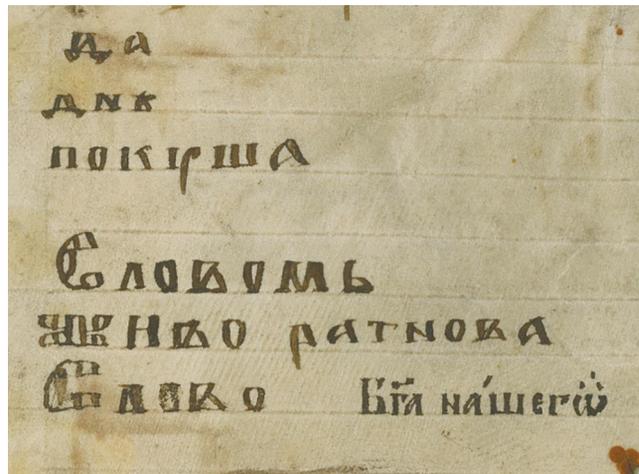
Подпись к рисунку представляет большой интерес как с точки зрения языкового материала, так и в качестве источника информации по истории книгописания XIV в.

В лингвистическом отношении этот небольшой фрагмент интересен, во-первых, отражением т.н. бытовой графической системы [5, с. 21] – написанием ъ на месте ѣ и е (черевъ = черевѣ, изъсталь = -ле), љ – на месте о (об ъдномъ, изъсталь), во-вторых, использованием древней новгородско-псковской флексии -е в именных формах им. п. ед. ч. муж. рода (попе, изъсталь), в-третьих, редким употреблением предлога об с мест. пад. “при указании на количественный признак” [6, вып. 12, с. 7], документируемым для древнерусского периода лишь единичными примерами

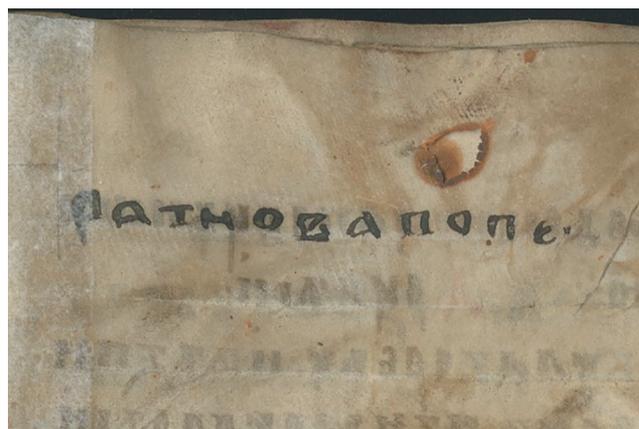
[7, т. V, с. 463, 465]⁵ (об ѣдномъ черевъ, ср. о двух головах), в-четвертых, ранними фиксациями редких слов и значений, весьма скудно либо вообще не отраженных в исторических словарях: глагол *изостати* в значении ‘лишиться’ до сих пор иллюстрировался только цитатой из Задонщины [6, вып. 6, с. 199], а существительное *черевъ* ‘башмак’ доселе вообще не регистрировалось⁶, хотя именно к образованию м. р. *červъ естественно возводить суффиксальное производное **červikъ*⁷ (ср. ставшие знаменитыми благодаря Гоголю *черевишки* и прозвище *Черевик* у него же).

Существенную сложность для интерпретации представляет первая строка записи – последовательность букв **Оратнова**. Компонент **-ова** совпадает с частотным глагольным суффиксом, что допускает интерпретацию этой последовательности как глагольной формы. Уточнить прочтение позволяет материал экстратекстов, расположенных на последнем листе списка Триоди (л. 240) и выполненных, очевидно, после создания рисунка и подписи на крышке кодекса. На лицевой стороне листа под основным текстом, занимающим пять верхних строк, помещены в несколько строк разрозненные пробы пера (см. илл. 3), которые отчасти воспроизводят начальные слова песнопений из завершающего рукопись Триоди канона на успение Лазаря (л. 236–240)⁸, выписанных на той же и противоположной странице (л. 239v–240):

да | дн[ь] (ср. Днѣ идетъ хъ) | покѣша⁹ | Словомъ (ср. Словомъ твоимъ слово бѣикъ) | Живо (ср. Животѣ гъ и смѣтьъ вѣвѣ, Животѣ вѣдѣхнѣ) ратнова | Слово.

Илл. 3. Соф. 84, л. 240

Илл. 4. Соф. 84, л. 240v

⁵ Заметим, что в [7, т. V, с. 463] это значение напрасно объединено со значением приблизительного количества.

⁶ Возможно, впрочем, что род. п. этого же существительного (в неполногласной огласовке) представлен в Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку: инии же изъ подышевь выстоупахоуть акы ис *чрева* [8, с. 76] (vs. собирательного *чрвѣа* в других списках), – вопреки устоявшейся трактовке данной формы как образования от *чрево* в значении ‘обувь’ [9, с. 127]; [10, т. III, стб. 1537]. Форма им. п. *чревъ*, приведенная А.Х. Востоковым с глухой отсылкой к Прологу XIV в. под 6 ноября [11, т. 2, с. 283], не находит подтверждения в базе данных по Прологу, разрабатываемой Л.В. Прокопенко: там фигурируют только написания с *-во* [12].

⁷ Ср. [13, с. 168]; [14, вып. 4, с. 81]. Подробнее о праслав. *červъ и его континуантах см. [15, с. 128–133].

⁸ Славянский текст канона (относящегося к среде 6-й недели Великого поста) известен также (в отчасти сокращенной версии) по новгородской рукописи рубежа XIII–XIV вв. РНБ, Погод. 41 (л. 138v–141v; далее П), однако его греческий оригинал до сих пор не обнаружен, см. соответствующие пометы в инципитарии Д. Штерна [16, т. II, с. 27, № 8924; т. I, с. 621, № 6715 и др.]. Издание Триоди по древнейшим рукописям [3], к сожалению, остановилось на 4-й неделе поста.

А на обороте последнего листа (л. 240v) сверху (как если бы начиналась обычная первая строка) написано: **ратнова попе** (илл. 4)¹⁰. Как в пробах пера, так и в этой записи последовательность **ратнова** представлена уже без начального **О**, что подтверждает предложенный выше словораздел: **О ратнова**. В данном контексте **О** очевидно выступает как восклицательное междометие, вводящее двусоставное предложение. Синтаксически сходные структуры отмечены в Новгородской первой летописи (под 1215 г.): **о горѣ тѣгда бражъ вѣше; о горѣ вѣше** [17, с. 168], – а в церковно-книжных

⁹ Начало формы *покушаю* или *покушати* – обычной пробы пера, см. [7, т. VII, с. 64].

¹⁰ В центре этой же страницы надпись на крышке еще раз повторена в большем объеме небрежным выцветшим полууставом: *О ратнова попе | микулинской*.

памятниках наблюдается использование **о** перед определенно-личными предложениями: **о како пострададъ къси; о какъ въи ловъ принесъ кътъ** [18, с. 168, 240]. Таким образом, **ратнова**, скорее всего, должно интерпретироваться как аористная форма 3 лица ед. ч. не зафиксированного словарями бесприставочного глагола **ратъновати**, образованного от прилагательного **ратънын**. Словообразовательный тип отадъективных глаголов с суффиксом **-н-** богато представлен в Словаре древнерусского языка (см. [19, с. 73]), ср.: **вѣдъновати** ‘бедствовать’, **вѣсьновати** ‘быть безумным’, **дълъжновати** ‘быть должным, обязанным’, **дѣиствъновати** ‘оказывать воздействие’, **миръновати** ‘жить в мире’, **неправдъновати** ‘совершать несправедливость’, **странъновати** ‘быть странником’ и др. В этом ряду и на фоне словообразовательных пар типа **вѣсьновати** – **вѣситиса**, **миръновати** – **миритиса** или **неправдъновати** – **неправдовати** глагол **ратъновати** естественно рассматривать как словообразовательную параллель к глаголам **ратитиса** ‘воевать, сражаться (сразиться), бороться’ (известен с XI в. [6, вып. 22, с. 114]; [7, т. X, с. 346]) и **ратовати** ‘воевать; сопротивляться’ / **ратоватиса** ‘воевать, сражаться, биться’ (известны начиная с Палеи исторической XII в. по списку XV в. [6, вып. 22, с. 117]).

Применительно к ситуации с утратой башмака глагол **ратъновати** – по-видимому, выразивший, как и однокоренные глаголы, значение ‘воевать; сразиться’ – мог быть употреблен с ироническим оттенком. Возможно, в экстратексте описаны результаты банальной драки: поп **ратнова** ‘сразился’ > ‘подрался’ на берегу ручья и в пылу сражения (или убегая) потерял там башмак. Выделению такой грамматической основы способствует и пунктуация записи: декоративное четырехточие, завершающее строку, поставлено после группы подлежащего **попе микѹлинскъын**.

На первый взгляд, резким может показаться грамматический контраст, возникающий при контактном расположении книжной формы аориста и диалектной формы номинатива на **-е** – **ратнова попе**. Однако в точности такое же сочетание – аорист 3 лица + форма **попе** – обнаруживается в писцовой записи из мартовского Пролога первой половины XIV в. (РГАДА, Тип. 174, л. 24): **понеде попе за рекоу** [20, с. 264; 21, с. 82]¹¹.

¹¹ В [22, с. 393, № 399] запись интерпретирована как “требование пойти за реку”, поскольку Л.В. Столярова, видимо, восприняла диалектную форму им. п. на **-е** как вокатив (в ее воспроизведении форма окружена запятыми) и соответственно осмыслила аорист **понеде** как императив **пониди**. Фотокопию киноварной записи см. на сайте <http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_174&name=Пролог, март – август>.

Также вполне допустимы переключения глагольных форм с аориста на перфект без связки (см. далее **изъсталь**) – такая ситуация наблюдается, в частности, в выходной записи Милятина евангелия середины XII в.: **написахъ еѹангїиє. и апѣлъ... и крилъ** 160б [23, с. 373].

Существенные затруднения вызывает идентификация ручья. Соблазнительно было бы отождествить **къкъвъ рѹчни** с одной из речек, протекающих в псковском ареале, – Киевцем (бассейн Шелони) [24, с. 293] или Киевкой (бассейн Великой¹²); впрочем, в настоящее время известен и Киѣв ручей, протекающий на другом краю древних новгородских земель – к северу от деревни Будово Торжокского района Тверской области¹³. При такой трактовке написание **къкъвъ** отражает замену **ы** > **ъ**, хорошо известную по берестяным грамотам [5, с. 34]¹⁴, и, как и форма **микѹлинскъын**, соответствует фонологической системе северо-западных говоров, в которых переход /кы/ > /ки/ начался не ранее XIV в. [5, с. 90–91]¹⁵. Вариативность **кы** / **къ** вполне корреспондирует с общей графической неупорядоченностью разбираемого экстратекста, где фонема /о/ даже в одном слове передается буквами **ъ** и **о** (**ъдномъ**). Однако именно последнее обстоятельство не позволяет исключить из рассмотрения альтернативную гипотезу – использование **ъ** в **къкъвъ** для обозначения /о/ и, тем самым, отражение в данном гидрониме корня **кој-** (ср. **покоить**, **покой**) – такого же, как в прозвище **Кой** (берестяная грамота № 263 второй половины XIV в. [5, с. 609]), в зафиксированных в XVI в. названиях деревни **Коегощ** и озера **Коегощъ** [24, с. 174], в современных названиях деревень **Коево** в Ивановской области и **Коевци** в Болгарии <<https://www.google.com/maps>>.

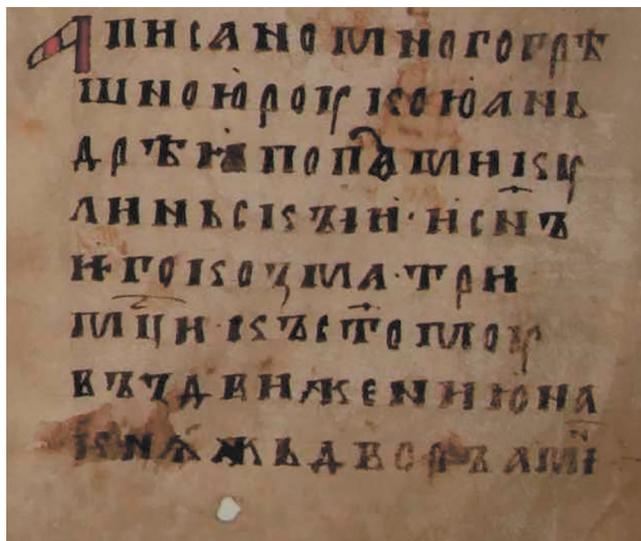
В итоге полный перевод подписи к рисунку предстает в следующем виде: ‘Ох, повоевал поп микѹлинский: <стоит> в одном башмаке, а другого лишился в Киеве / Коеве ручье’.

¹² Благодарим за информацию В.Л. Васильева (электронное письмо от 31.05.2021).

¹³ Причем вблизи ручья ранее стояла деревянная Никольская (!) церковь, построенная (или возобновленная?) в 1846 г. <<https://ru.wikipedia.org/wiki/Будово>>.

¹⁴ В частности, и на фоне смещения **ъ** / **о**, **ь** / **ѣ**, ср. в берестяной грамоте № 662/684 (2-я половина XII в.): **а ѡ дроуѹгъхо возатъ | а не заглажно** ‘а у других взято, но не заглажено (т.е. не вычеркнуто)’ [5, с. 384–385].

¹⁵ Заметим, что номинатив **микѹлинскъын** демонстрирует морфологическую инновацию – замену исконного псковско-новгородского адъективного окончания им. п. **-ѹи** (ср. именное **-е** в **попе**) аккузативной флексией ***-ъѹ** [5, с. 67].

Илл. 5. Пролог Тип. 177, л. 816

Упоминание “попа микулинского” встраивает кодекс Соф. 84 в линию исследований по истории книжной культуры на Руси в XIV в. Хотя “микулинским” мог именоваться любой священник церкви Свт. Николая Мирликийского (каковых, безусловно, было много на территории Древней Руси), тем не менее каждому исследователю восточнославянской книжности хорошо известна выходная запись мартовского Пролога первой трети XIV в. (РГАДА, Тип. 177, л. 816)¹⁶, в которой писец Андрей — очевидно, священник псковской церкви Николая Мирликийского — называет себя именно “попом микулинским”:
А писано многогрѣшною роукою андрѣя попа микѹлинъскыи. и снѣ юго козма (см. илл. 5; ср. [20, с. 256]). При участии Андрея, возглавлявшего псковский скрипторий в первой половине XIV в., было переписано по меньшей мере пять дошедших до наших дней псковских рукописей, над которыми вместе с ним трудились десять других современных ему книжников [25]; [26, с. 76–77]; [27, с. 71–72], в том числе сын Андрея Козьма Попович и Явило, упомянутый также вместе с Андреем в Псковских летописях под 1327 г. [28, с. 91]; [29, с. 84]; [25, с. 58].

Сопоставим палеографические и лингвистические особенности Софийской триоды и рукописей псковской книгописной мастерской.

Кодекс Соф. 84 написан четырьмя первичными (исходными) почерками, довольно близкими

¹⁶ См. <<http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=30&page=8>>.

¹⁷ **а** позднейшим почерком исправлено на **ъ**. Писец перешел от род. п., согласованного с **андрѣя**, к несогласованному приложению в номинативе.

и при этом надежно маркированными, позволяющими отделить их друг от друга. Первые два писца активно взаимодействовали до л. 198 (включительно) и вернулись к работе в конце книги. Третий писец трудился преимущественно самостоятельно, однако на коротких отрезках его сменял четвертый писец. Почерк четвертого писца, как кажется, демонстрирует некоторую зависимость от почерка третьего.

Работа писцов над рукописью выглядит следующим образом:

1-й писец: 1r–1v12, 6–14, 15v–31v, 32r19–37v, 45r12–24, 46r17 (**прѣстоли**)–49v16, 50v–108v, 115v9–137v, 141v–146r, 153v–166v, 183v11–184r, 185v–187r, 231r–232v11, 233r–239v;

2-й писец: 1v13–5v, 15r–15r, 32r1–18, 38r–45r11, 45v–46r17 (**гдѣства**), 49v17–50r, 109r–115v8, 138r–141r, 146v–153r, 167r–183v10, 184v–185r, 187v–198v, 232v12–23, 240r1–5;

3-й писец: 199r–213r18 (**гра**–), 213v–225r8, 225r9–13, 225r18 (**оутоли**)–226r3 (**всь**), 226r6–11, 226v–229v6 (**всѣмъ**), 229v7 (**-ас ради**)–229v10 (**рѣ**), 230r–230v;

4-й писец: 213r18 (**-доуце**)–213r23, 225r8, 225r14–18 (**марна**), 226r3 (**смоуцашеса**)–226r5, 226r12–23, 229v6 (**тавиши**)–229v7 (**сын [вм. сын] н-**), 229v10 (**лазорь**)–229v23.

Основные различия в начертании графем по четырем почеркам можно представить в виде таблицы (см. табл. 1 на с. 80).

Различия почерков просматриваются довольно отчетливо. Первый писец наиболее последовательно использует ступенчатый тип **в**, при этом его почерк характеризуется высокими мачтами **ѣ** и немного опущенными (по сравнению с другими писцами) перекладами **к** (консервативный тип). У второго писца представлены прогрессивный тип **з** с направленным вправо хвостом и ярко выраженное стремление к горизонтальному увеличению нижних петель (**в**, **в**, **ъ**, **ь**). Кроме того, только второй писец использует диакритику (две точки) над неприкрытыми гласными. У четвертого писца заслуживают внимания перекладыны йотированных букв, расположенные вдоль верхней линии строки, а также трапециевидные петли еров и **в** с острым правым верхним углом. При этом в начертании **ц** и **ци** он явно следовал образцам третьего писца (ср. с другими переписчиками). Не менее важной чертой для характеристики его писцовых навыков является тот факт, что только в переписанных им фрагментах (а он переписал менее одного листа) встречается широкое **е**.

Табл. 1. Исходные почерки Соф. 84

1-й почерк	2-й почерк	3-й почерк	4-й почерк
БББ	ББББ	БББББ	БББ
КККК	ККК	ККК	КККККК
ЮЮА	ЮЮА	ЮЮА	ЮЮА
ЖЖ	Ж	ЖЖ	ЖЖЖЖ
ЗЗ	ЗЗ	ЗЗ	ЗЗЗ
КМММ	КМММ	КМММ	КММ
У У У У	У У У	У У У	У У У
ЪЪЪ	ЪЪЪ	ЪЪ	ЪЪЪ
ѦѦА	ѦѦА	ѦѦА	ѦА

Запись на внутренней стороне переплета Соф. 84 не принадлежит ни одному из переписчиков рукописи. В то же время нельзя не отметить очевидную близость почерка экстратекста почерку второго писца. Автор записи использует тот же диакритический знак (две точки, расположенные горизонтально) над неприкрытыми гласными, такое же широкое *o* в начале графического слога, и даже характер начертания буквы **в** как будто соответствует специфическому **в** (Ѧ) второго писца, с широкой петлей, выступающей за козырек. При этом, безусловно, о тождестве почерков говорить нельзя, причем не только потому, что в целом манера письма экстратекста довольно небрежна и “непрофессиональна”, но и потому, что сам текст записи содержит явные элементы бытовой орфографии. Надо полагать, автор записи использовал каллиграфическую манеру второго писца в качестве образца.

Проведенное по палеографическим данным разделение текста на почерки подтверждается и различиями в орфографии указанных частей. Два первых писца противопоставлены третьему как заметно более консервативные по своим установкам (возможно, они последовательно сохраняют орфографию древнего антиграфа, см. ниже). Несмотря на закономерно большое количество

пропусков еров на письме, первый писец, тем не менее, в отдельных примерах выдерживает их написание в слабой позиции в тех корнях и основах, где они утрачивались на письме раньше остальных [30, с. 418–433]. Ср. у первого писца: **всн** | 8v, **цркъве** 9, **кѣнази** 12v, **зѣлын|мѣ** 26, **тълѣнна** 27, **всловесна** 27v, **тѣкъмо** 49, **нетѣлѣнныи** 50v, **зѣлынхъ** 51v, **кѣнждо** 56, **дѣвѣ** 56v и др.; у второго писца это характерно для ограниченного круга морфем: **рѣци** 38v (2×), 39, 167v, **въ|снѣвъша** 39 (суффикс **-въш-** чаще пишется в почерке в таком виде), **створьше** 41 и др. Третьему писцу подобные написания не свойственны, напротив, он активно употребляет написания, вошедшие в орфографию позднее XII в.: **в гровѣ** 203, **в ноци** 208, **сѣчѣвшѣ** 215, **взови** 219v, **сѣвкоупленнѣ** 222, **сворѣ** 222v, **вскрѣ|силѣ кси** 223–223v, **возпи** 223v, **над нимѣ** 224 и др.; в том числе в этом почерке суффикс **-въш-** пишется без ера. Еще нагляднее две части рукописи (первый и второй почерки / третий почерк) противопоставлены по оформлению адъективных флексий. Первый и второй писцы используют для большинства окончаний (за исключением **-аго/-аго**) древнюю нестяженную форму: из 171 формы, встретившейся на л. 1–110v, только в 8 примерах (4,6%) представлена стяженная запись. Показательно, что в формах дат. п.

ед. ч. муж. и сред. рода вариативность в написании флексии выглядит как $-(\text{о})\text{уоу}\text{м}(\text{о})\text{у} / -\text{ом}(\text{о})\text{у}$ – т.е. вариант $-(\text{о})\text{уоу}$ совсем отсутствует (формы на $-\text{юоу}$ встречаются в конце текста после л. 231). Такое соотношение в период активного использования варианта $-\text{оуоуоу}$ непредставимо. Третий писец нестяженные варианты флексий вообще не использует.

Архаичные особенности орфографии и грамматики первых двух почерков Соф. 84 коррелируют с высказывавшимися в научной литературе – впрочем, далеко не общепринятыми (см. [31, с. 173–176]; [3, Т. I, S. *113]) – предположениями о весьма древнем, возможно, моравском происхождении славянского перевода Постной триоди (см. [32, с. 99]; [33, s. 124]). В пользу этого тезиса свидетельствует суффикс им. п. ед. ч. действительного причастия наст. вр. $-а$ (vs. др.-болг. $-ы$), представленный в Софийской триоди, как и в ряде других списков, в формах **неврѣга** 154v (= Син. 319 [далее С], 225v, П, 96), **зова** 188 (= С, 265; в П, 121v инновационное **зова**), **зова** 235v (= Тип. 138, 3) и едва ли отражающий раннее восточнославянское влияние, но скорее сохраняющий исконный западнославянский облик. В канонах, посвященных воскресению Лазаря, в Соф. 84 регулярно используются формы сложного прилагательного **четвьрденевьнаго** 231, 233 (2×), 233v, 234, **-на** 234, 234v, 235v, **четвьрденевьно** 231v, **-на** 236, **четвьрденевьна** 239v – т.е. без соединительного гласного и с корнем на нулевой ступени (**četvyr-*); аналогичные образования отмечены Пражским словарем преимущественно в переводе Бесед Григория Великого, “*originis bohemicae*” [34, т. I, с. LXVII], по древнерусским спискам, а также в сербском списке Апостола [34, т. IV, с. 856–857] (см. также [35, с. 218]). Из других любопытных форм, отмеченных в рукописи Соф. 84, заслуживают упоминания – безотносительно к локализации перевода – императив от основы *вид-* по I классу **видѣмъ** 117 (vs. **видимъ** в С, 183v и П, 68; ср. [36, с. 222]) и редкостный пример “адъективации” существительного в соответствии с греческой артиклевой формой (см. [37, с. 27]): **Сдѣтелѣ породи. бл҃гочестыѣ сдѣтелѣжго** 138 – τὸν διημιουρῶν¹⁸. Обращает на себя внимание также употребление в Соф. 84 представленного в памятниках как западно-, так и

южнославянского происхождения германизма **гонести** ‘избавиться, спастись, скрыться, бежать’ [40, с. 212]; [14, вып. 7, с. 21] и производных в соответствии с другими глаголами в прочих списках (отражающих иную редакцию перевода): **всѣхъ горъ огоньзан** 159v vs. **в сигоръ прежевѣвѣгни** (П, 100v), **въ сигоры прѣжевѣвѣгни** (С, 230–230v) – εἰς Σηῶρ προανασώθητι [41, с. 141]; **въ сигоръ оугонѣзан** 161 vs. **вѣган** (П, 102), **оувѣган** (С, 232) – διασώθητι [41, с. 190]; **оугонезноу** 163v vs. **оувѣжа** (П, 104, 234v) – ἀλέδρα [41, с. 190]; **гонезъ** 235v – **дошьдъ** (Тип. 138, 3) – ἀποδράσας [41, с. 595].

Наряду с архаичными чертами Соф. 84 отражает и ряд диалектных особенностей, указывающих на ее происхождение из северо-западного скриптория. Наибольшим числом примеров представлено смешение на письме *ц* и *ч*:

1-й писец – прочвела 6, зърчала 11, концати 12, очѣтъ 16v, мѣнце 19, 20v, 21 (2×), 21v (3×), 22, 23 (2×), 24 (2×), 25 (2×), 26v, 27 (2×), 27v (2×), 29, 29v, **сконцаниа** 21, **члѣвцьстни** 22, **страстотерпыце** 22, 22v, **вѣньцаса** 23v, **мүченице** 25v–26, 28 (2×), **подъслнценю** 26, 29v, **вѣньцльносць** 26v, **страдальце** 26v, **вѣчлѣвцитиса** 27, **прѣрчи** 36v, 37v, **прѣже колнѣцинты** 48v, **свѣтлын овлаце** 48v, **гора тоуцьна** 48v, **цисти** 48v, **пѣлчи** 53, **ницеоуѣже** 55, **свѣтонаставнице** 60v, **оѣбтъ** 61, **дѣла члѣвцьска** 64v, **оцѣскты** 69, **всачѣмь** 75v, **циста** 77, **овьца погьвьшек** 82, **члѣвколюбьце** 82v, **оце** 85v, **слнцьно кдиньство** 94, **члѣвцьство** 99v, **свѣтү источнице животынти** 105v, **слнцьнага** 122, **въ отьци лонѣ** 127, **Тоцаца** 236v и др.;

2-й писец – **очта** 5, **првлечи** 197;

3-й писец – **члѣвколюбце** 205, 210, **сконцакши** и **иво** [П, 135 во] **са** 208, **цървленицею** 208v, **въ цървлѣнице** 210–210v, **прѣже конча** 214v, **кончѣмъ** 216, **гаремница сѣа** 218v, **члѣвколюбце** 224v, 227, **члѣвцьсколь** 225v, **Оча славимъ сѣа и дѣа** 225v, **живодавце** 226, 227, **въчловѣценик** 227v;

4-й писец – **мъртвьча** 226.

В передаче рефлексов **zd/*zg(i)* в Соф. 84 преобладает написание *жг*, отражающее диалектное произношение:

1-й писец – **пригвожгьса** 21v, 61, 97v, **пригвожгенъ** 28, 59v, **пригважгакма** 61v, 130, **пригвожгена** 73, **пригважгата** 82v, **пригважгакьтса** 115v, **пригважгакма** 121v, **-мъ** 121v, **пригвожгенаго** 122v, **пригвожгьшеса** 123v, **пригвожгенъихъ** 126v, **Одожгили** 151v, **Одъжги** 159, **одъжги** 159v (но **пригвожжены** 38v, **пригвожженаго** 101, **пригважгакма** 107v, **пригвождь** 113);

3-й писец – **дожгемь** 202v.

¹⁸ Так же в С, 134v, 205v и П, 82v – но с иным первым словом, **Садителѣ**, – более точным переводом греч. Φυτοουρῶν; греческий оригинал песнопения остался неизвестным Д. Штерну [16, т. III, с. 88, № 17541], однако стабильный переводческий эквивалент **садитель** – φυτοуρῶς [6, вып. 23, с. 13] позволяет легко найти искомое в инципитарии Э. Фоллиери [38, т. V, с. 25] и затем – в [39, с. 411].

У второго писца, напротив, этот рефлекс выступает только в виде жд: пригвождь| 15, -са 115, 149v, пригвожденаго 115, -ному 148, -на 177, -нъ 180v. В свете того обстоятельства, что и примеры цоканья в его тексте единичны, 2-й писец предстает как более внимательный и квалифицированный — ему в большей степени удавалось избежать проявления в орфографии диалектных фонетических особенностей.

Ряд фонетических диалектизмов представлен редкими вкраплениями. Надежным примером псковского соканья можно признать, пожалуй, только написание на крѣтъ възвѣсену 52v, которое на фоне греч. ἀναρτηθέντι [41, с. 267] ‘повешенному’ и при наличии параллели ἀναρτᾶν — овѣсити в Супрасльской рукописи [42, с. 335] однозначно интерпретируется как сокающая запись причастия възвѣшену¹⁹. С другой стороны, два примера формы разизата в первом почерке (18, 22v) могут отражать и ассимиляцию, известную также непсковским рукописям. Псковское неразличение согласных по звонкости-глухости в сильной позиции как будто представлено в слове ковникъ 80 (ср. копникъ в С, 145v) — однако ввиду нередкого смешения других букв (на пору възидѣмъ 144 vs. гору П, 86, дѣрвѣна 156v vs. пѣрвѣна С, 227v, смокольными 156v vs. смоктѣвными С, 227v, разнѣчною 157 vs. различною С, 227v, недѣжимъ 159v в м. -дѣ-) таким написаниям вряд ли стоит придавать фонетическое значение; ш в м. ж в форме кошаны 156v (vs. кожныа С, 227v) — вероятно, лишь результат повторения ш из предыдущей словоформы: съшиваше кошаны одежда. Возможно, диалектный переход [ʼa] > [e] между мягкими согласными был отражен в устраненном написании *осващекъ > о|сващакъ 72v. Несомненное сходство с нерегулярной новгородско-псковской рефлексацией *tort как trot [5, с. 50–51] обнаруживает написание исполнага 234. Необходимо отметить также формы с меной [tʼyʼ] > [tʼitʼ] — кѣрмици|и 12, агници словесни 220v (здесь мена буквы может иметь графическую природу), а также более надежные примеры: мѣртвица 129v, Ангиць (sic) 155 (вероятно, гиперкоррекция, связанная с данной фонетической особенностью, была допущена в формах агнеца 113 и агнице 185v в м. агница, агнице); этот фонетический переход отмечается в основном в новгородско-псковских рукописях [15, с. 16]. Написания побиди 61, радѣишиса 88v, очевидно, отражают не аканье

(в широком смысле) или тем более иканье, а обычное графическое предвосхищение. Написание тва|рьчу 154 (vs. тво|рьчу С, 224v, творчу П, 95v) также вряд ли продиктовано аканьем, но скорее ассоциацией с тварь в контексте, ставшем совершенно бессвязным в результате переписываний²⁰: ꙗко канновѣ [в м. *ꙗко каннѣ и вѣ] дшѣ стра(с)нага. всѣхъ тва|рьчу дѣла скверныага. и хульну жь|ртва. и неблго житие принесоховѣ | ова тѣмъ са осудиховѣ — Ως ὁ Κάϊν καὶ ἡμεῖς, ψυχὴ ἀθλία, τῷ πάντων Κτίστη πράξεις ῥυπαρὰς καὶ θυσίαν ψεκτὴν καὶ ἀχρηστον βίον προσηγάγομεν ὁμοῦ· διὸ καὶ κατεκρίθημεν [41, с. 463] “Как Каин, так и мы, несчастная душа, принесли Создателю всего жертву порочную — дела нечестивые и жизнь невоздержанную: поэтому мы и осуждены”²¹ (в П следы дв. числа вообще устранены: ... принесохъ вѣ. да обѣтѣмса о судѣ). Антиципация слова тварь бесспорно имела место в написании твага к|смъ тварь 159. Ввиду обычной для древних рукописей вариативности в передаче заимствований малоинформативно написание парфиру 163v.

Привлекают внимание два примера с метатезой с и в в первом почерке: овсащяюса бв, всѣтила 10v. Г.К. Голоскевич указал на подобные формы в галицко-волынском Евсевиевом евангелии (сви 13, 77, све тѣло 33, въ свѣмъ мирѣ 89v, по свѣи винѣ 114 и др.) — около 30 случаев [43, с. 20–21]. В.В. Колесов считал их проявлением фонетической метатезы “согласно принципу возрастающей звучности” слога и подчеркивал необходимость дальнейшего исследования территориальной распространности подобных рефлексов [44, с. 35]; материал СДРЯ [7, т. XI, с. 714] свидетельствует о наличии написаний типа *свегда, сва, свему, свакъ* в памятниках различной диалектной отнесенности²².

Несколько раз на небольшом отрезке текста, переписанного 1-м писцом, регистрируется изменение мене > мне, зафиксированное А.И. Соболевским в новгородской и галицко-волынской письменности [45, с. 84–85]: съ мне 155, 155v (4×) в соответствии с отъ мене в С и П; омъи мене 157 vs. ма С, 228; избави осуженаго мене 159 vs. мене П, 100; не призри мене 159v vs. мене П, 100v.

²⁰ Ср. замену формы (нива) недѣлана (так в С, 261v) на недѣлана 185v вследствие возникшей при переписывании ассоциации с существительным недѣла.

²¹ <https://azbyka.ru/molitvoslov/velikij-kanon-andreya-kritskogo-na-cerkovnoslavjanskom-yazyke.html>

²² На месте вси. вла|стели (С, 227), вси властели (П, 97v) в Соф. 84, 156v читается сти властел|и.

В целом совокупность диалектизмов в тексте Триоди Соф. 84, начиная с соканья, позволяет рассматривать Псков как регион написания рукописи. Хорошо известно, что не все связанные с Псковом писцы были носителями псковских говоров с маркированными древнепсковскими чертами. По крайней мере, сохранилось достаточное число псковских по происхождению книжных памятников, не содержащих типичных псковизмов, но отражающих общие для северо-западного диалектного региона черты [46, с. 140–149]. Принципиально различаются в плане отражения псковских региональных особенностей и орфографические системы двух писцов Пролога 1383 г. (Тип. 172) [47, с. 247, 260]. Да и кодексы псковского скриптория Андрея Микулинского содержат незначительное число псковизмов (представленных лишь у части переписчиков) [48, с. 138].

В то же время палеографических данных, напрямую ассоциирующих Соф. 84 с псковским скрипторием, не обнаружено. Ни один из почерков Соф. 84 не совпадает с почерками “круга Андрея Микулинского”. Напрашивающееся благодаря прозвищу *микулинскыи* предположение о том, что рисунок на нижней крышке переплета является карикатурным изображением самого псковского книжника, сталкивается с хронологическими проблемами, так как практически каждый исходный почерк Триоди по совокупности палеографических маркеров не может быть датирован ранее середины XIV в. — тогда как рукописи “андреевского” скриптория в основном относятся к началу второго десятилетия XIV в. [25].

Наиболее важными для датировки кодекса Соф. 84 являются следующие прогрессивные элементы.

1. Высокие косые перекладки *к* первых трех почерков. Наиболее консервативный тип, близкий к *к* Козьмы Поповича (см. [27, табл. 6]), представлен в первом почерке Соф. 84. В четвертом, фрагментарном, почерке отмечен тип йотированных графем с прямой перекладной, расположенной вдоль верхней линии строки. Среди датированных псковских почерков имеется лишь один с таким положением перекладки йотированных букв — шестой почерк Шестоднева Тип. 77 (до 1389 г.)²³: *Ѧ, Ѧ, Ѧ*. В новгородских датированных памятниках самым ранним примером подобных начертаний является фрагментарный почерк

²³ Данная рукопись датируется на основании писцовой записи на верхнем поле л. 4, содержащей прижизненное упоминание великого князя Дмитрия (вероятно, Донского): *великому ти князю дмитрию на руси многа лѣ<та>* <http://rgada.info/kueh/1/381_1_77/0010.jpg>.

столбца 106 в Евангелии 1355 г. (ГИМ, Син. 70): *Ѧ, Ѧ, Ѧ*²⁴.

2. Характерным для второй половины XIV в. является начертание *з* с выброшенным вправо хвостом. Близкие первому и третьему почерку начертания *з* фиксируются и в некоторых более ранних рукописях, однако вариант второго почерка (*З*) в датированных северо-западных книжных памятниках первой половины XIV в. не встречается.

3. Первые два почерка характеризуются прогрессивным *ж* с редуцированным верхом. Подобный вариант *ж* во всех регионах активно стал употребляться довольно поздно, хотя наблюдается и в более ранних памятниках (см. ПНЧ 1296₃, ЕвПант 1317₂, Ирм 1344 [27, табл. 8]).

4. Первый и второй почерки характеризуются поздним начертанием *в* с разомкнутой петлей. Близкие варианты также известны в более ранних рукописях (см. ЕвЕвс 1282, ПНЧ 1296₃, Служок. 1317 [27, табл. 3]), однако именно во второй половине XIV в. такое начертание получает наибольшее распространение. В псковских рукописях, к примеру, из 14 датированных почерков второй половины XIV в. такой тип *в* представлен в десяти.

Тем не менее, опосредованная связь Софийской триоди с Андреем Микулинским все-таки обнаруживается — благодаря хранящемуся в РГАДА годовому комплекту служебных миней, поступивших на Московский печатный двор из псковской церкви Богоявления в Кстове [29, с. 40–43]. Комплект включает двенадцать пергаменных кодексов²⁵. Минея на сентябрь (Тип. 85) имеет широкую датировку XII–XIII вв. и не представляет для нас интереса, как и Минея на ноябрь и декабрь (соответственно Тип. 93 и Тип. 97), которые датируются (впрочем, не бесспорно) XIII веком. Однако остальные части комплекта требуют большего внимания.

Кодексы Тип. 112 и Тип. 116 (Минея на май и июнь) переписаны одной рукой. А.А. Покровский [29, с. 72] ошибочно считал, что писцом рукописей является дьяк Никита, оставивший записи

²⁴ В выходной записи Евангелия 1355 г. <<https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/177532?page=2&album=622494765&index=54>> упомянуты два писца — Леонид и Григорий, однако столбец 106 переписан Иваном (*Івъць*) Демидовым, сделавшим приписку на л. 71 в Стихираре конца XII в. Син. 279 [49, с. 146] <<https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/178283?album=622494765&index=18>>.

²⁵ 10 из 12 кодексов (за исключением Минея на январь и февраль — Тип. 101 и Тип. 105) оцифрованы и доступны в интернете: <<http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=30&B1=%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8>>.

в обоих кодексах. Ошибка Покровского в настоящее время продолжает повторяться Л.В. Столяровой [22, с. 415]; [50, с. 239], несмотря на то что составители Каталога ЦГАДА решительно возражали против этой атрибуции [20, с. 189, 192]. И все же одна запись в Тип. 116 (л. 132) принадлежит писцу [20, с. 192] и даже немного проливает свет на его социальный статус: *гн помилуи игумена напоилъ браю медомъ на сн днь*.²⁶ В Каталоге ЦГАДА оба кодекса датируются первой половиной XIV в. (что, на наш взгляд, соответствует действительности), однако Л.В. Столярова полагает, что палеографические особенности указывают на вторую половину столетия²⁷. Переписчик миней Тип. 112 и Тип. 116 изготовил также Служебник РНБ О.п.1.4²⁸, отдельные листы которого хранятся сейчас в Балтиморе (Walter Art Museum, W. 548) (подробнее о Служебнике см. [51]). Рукопись датируется до 1342 г. по записи на л. 1, причем сама запись также, весьма вероятно, принадлежит писцу [22, с. 260]²⁹.

Другой почерк объединяет Миней на октябрь, февраль, июль и август³⁰ (Тип. 90, Тип. 105, Тип. 123 и Тип. 127). Рукописи датированы в Каталоге ЦГАДА серединой, началом, первой половиной и серединой XIV в. соответственно. Исходный текст всех рукописей (за исключением Тип. 105, в которой имеется также один фрагментарный почерк на л. 12) написан одной рукой³¹. Из маргиналий данному писцу принадлежат: проба пера на л. 1 в кодексе Тип. 127, киноварная запись на л. 1 октябрьской Миней Тип. 90 [20, с. 182], а также, возможно, пробы пера на л. 105 той же рукописи. Этим же писцом переписан псковский Служебник 1317 г. – РНБ, Q.п.1.67 (запись о кончине княгини Марии Довмонтовой на л. 40, очевидно, тоже сделана самим писцом), однако нам представляется ценным другое обстоятельство: именно этот

писец, совместно с писцом Миней Тип. 112 и Тип. 116, работал над второй частью [25, с. 56–57] Пролога Тип. 177, созданного при участии Андрея Микулинского и Козьмы Поповича (которые переписали первую половину этой рукописной книги). В.В. Калугин осторожно допускает, что текст седьмого писца (который принадлежит писцу Миней Тип. 112 и Тип. 116 и Службника О.п.1.4) является вставкой середины XIV в. Однако столь тесное соседство двух писцов в рамках двух разных книгописных проектов (стоит учесть, что равные по размеру кодексы Тип. 112, Тип. 116, Тип. 123, Тип. 127 представляют собой к тому же служебные Миней на май–август, т.е. на следующие подряд месяцы) говорит скорее в пользу того, что они были современниками. В Каталоге ЦГАДА Пролог Тип. 177 датируется началом XIV в. [20, с. 255], Л.В. Столярова предлагает датировку ок. 1330 г. на основании упоминания Андрея Микулинского в составе псковского посольства в Москву [22, с. 235]. Причины, по которым исследовательница отдает предпочтение именно летописному упоминанию Андрея, а не факту его участия в работе над более ранними рукописями, не вполне ясны. Скрипторий Андрея Микулинского, вероятно, обслуживал нужды многих псковских церквей и монастырей. Пролог Тип. 177 изготавливался для церкви Воздвижения на Княжем дворе и там же, судя по всему, хранился до XVII в. [25, с. 57], когда рукопись поступила на Московский печатный двор. При этом время, когда связанные с Андреем Микулинским миней оказались в церкви Богоявления в Кстове, неизвестно. Запись на л. 4 Миней Тип. 116, сделанная поздним почерком, как кажется, близким почерку дьяка Никиты, которого А.А. Покровский принял за писца рукописи, содержит упоминание игумена Изосимы – т.е. еще в XV в. рукопись могла храниться в каком-то монастыре (возможно, Рождества Богородицы на Счетной горе [50, с. 239]).

В оставшихся трех минеях годового комплекта на январь, март и апрель (Тип. 101, Тип. 106 и Тип. 111 соответственно) также имеется общий почерк. В Каталоге ЦГАДА кодексы имеют разную датировку (середина XIV, XIII³² и вторая половина XIV в.), однако эта неточность исправлена А.А. Туриловым в Приложении к Сводному каталогу рукописей XIV в., где он отмечает “однотипность” почерков. При этом кодекс Тип. 106 (именно к этой рукописи даются уточнения в 1-м выпуске СК XIV) исследователь датирует второй половиной (концом?) XIV в., хотя и отмечает, что второй почерк (на л. 68–91v) “производит впечатление более позднего (перв. пол. XV? в.)”

³² Каталог ЦГАДА, впрочем, здесь лишь повторяет датировку Сводного каталога [49, с. 266].

²⁶ См. <http://rgada.info/k ueh/1/381_1_116/0138.jpg>.

²⁷ Обоснования этой позиции исследовательница не дает. Мы считаем, что почерк Тип. 112 и Тип. 116 представляет собой маргинальный тип, который крайне сложно датировать на основании собственно палеографических особенностей.

²⁸ См. <<http://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=AE1D95A9-E87B-4A77-9FFE-62A341A79191>>.

²⁹ Плохая сохранность записи не позволяет утверждать это с полной уверенностью, тем более что важная для атрибуции буква ж (см. ниже), специфическая у данного книжника, в тексте маргиналии отсутствует.

³⁰ На тот факт, что Тип. 123 и Тип. 127 должны были с самого начала составлять комплект, а также на близость почерков обратили внимание Л.В. Мошкова и А.А. Турилов при дигитализации кодексов в рамках проекта РФФИ № 17-29-09015.

³¹ По мнению составителей Каталога ЦГАДА, в Тип. 105, Тип. 123 и Тип. 127 представлен устав нескольких почерков [20, с. 185, 196, 199].

[52, с. 576]. В настоящее время Миней на апрель (Тип. 111) на сайте РГАДА датируется уже первой четвертью XV в., тогда как в описании мартовской Миней Тип. 106 все еще фигурирует дата XIII в.³³ Причины таких колебаний в датировке миней неясны; можем только предположить, что всему виной маргинальность³⁴ второго почерка Тип. 106 (л. 68–91v), затрудняющая датировку традиционными палеографическими методами³⁵. Хорошо известно, что в псковско-новгородском регионе второе южнославянское влияние и связанные с ним графико-орфографические инновации запаздывали, однако на какие “более поздние” образцы ориентируется А.А. Турилов при датировке второго почерка Тип. 106, нам непонятно. Между тем, известные псковские датированные почерки первой половины XV в.³⁶ характеризуются

³³ <http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=30&page=3>

³⁴ Маргинальным почерком мы считаем любой почерк с ярко выраженной индивидуальностью, делающей его легко узнаваемым. Таким почеркам присущи индивидуальные каллиграфические решения (дукты) в начертаниях отдельных букв (например, буква ж у писца миней Тип. 112 и Тип. 116 – **Ж**).

³⁵ В свое время злую шутку с исследователями сыграл Пролог Тип. 175, переписанный столь же маргинальным почерком. Пролог не был включен в каталог рукописей ЦГАДА XI–XIV вв. В [53, с. 142] кодекс датируется первой половиной XV в., а его почерк охарактеризован как полуустав. В Дополнении к [53] “полуустав” исправлен на “устав”, однако датировка осталась неизменной [54, с. 45]. И лишь в Каталоге РГАДА XV в. рукопись датируется первой половиной XIV в., а ее почерк отождествляется с почерком известного писца Явилы [55, с. 373–376].

³⁶ Нам известно пять точно датированных псковских кодексов первой половины XV в.: Евангелие 1409 г. (Син. 71), Стихирарь 1422 г. (Погод. 45), Миней служебная 1425 г. (Син. 173), Пролог 1425 г. (Син. 839) и Миней праздничная 1445 г. (Син. 872). При этом Стихирарь 1422 г. и Евангелие 1409 г. переписаны одним книжником – дьяконом Лукой [56, с. 40]. К этим рукописям следует добавить Евангелие 1463 г. (РНБ, Погод. 18), переписанное традиционным каллиграфическим уставом, с заметным числом (как, впрочем, и в Трефологии 1445 г.) прогрессивных элементов, связанных со вторым южнославянским влиянием [57, с. 408, 414]. Если добавить к этому списку датируемую 20-ми годами XV в. [58, с. F] рукопись Ипатьевской летописи, которую А.А. Шахматов считал псковской [59, с. 117–119], картина не меняется. Из семи почерков в кодексе только один – почерк нескольких киншарных заголовков – является уставным: он демонстрирует тот же поздний каллиграфический устав, что и в других датированных псковских рукописях первой половины XV в. Шесть других книжников писали старшим полууставом, и их графико-орфографические навыки в большинстве случаев заметно отличаются от того, что мы видим в рукописях XIV в. В частности, четверо из семи писцов употребляли графему **ы** (вм. **ѣ**), трое использовали диакритику над прикрытыми гласными и пятеро (все основные писцы) совсем не использовали графему **к** (только **є**). Буква **к** встречается единожды в киншарном заголовке и дважды в тексте шестого писца, который переписал чуть больше половины столбца 221а. Скорее всего, шестой переписчик был наименее квалифицированным книжником, последовательно воспроизводившим то, что видел в антиграфе.

заметным единообразием (в отличие от XIV в.) и представляют собой принципиально иной каллиграфический тип устава, охарактеризованный В.Н. Щепкиным как манерный: “Этот почерк <...> имеет некоторую сжатость букв, или что то же – большую их высоту” [60, с. 128]. Наши знания о псковских почерках первой четверти XV в. могут быть существенно расширены за счет Миней праздничной со вставками из Триоди постной РГАДА, Тип. 136³⁷, в которой на л. 214 представлен почерк дьякона Луки, переписавшего Евангелие 1409 г. и Стихирарь 1422 г.³⁸ Для узкой датировки кодекса Тип. 136 важное значение имеет тот факт, что Лука, возможно, также переписавший л. 189v–190, 214v–217v, и другие 10 (или 11) писцов совсем не используют графему **ы** (только **ѣ**). Такую картину мы наблюдаем в Евангелии 1409 г. [57, с. 393], в то время как в Стихираре 1422 г. **ы** заметно преобладает [57, с. 398]. Поскольку для конца XIV – первой половины XV в. эта черта является прогрессивной, данное обстоятельство позволяет датировать рукопись Тип. 136 периодом до 1422 г. Значительная часть почерков этого кодекса, разумеется, довольно традиционна для Пскова, и они вполне могли принадлежать писцам второй половины XIV в.³⁹ Тем не менее, “образцов”, близких второму почерку Миней Тип. 106, нет и здесь.

Псковские почерки XIV в. довольно многообразны, менее каллиграфичны, чем в XV в., и имеют немало уникальных примеров как в первой половине столетия (маргинальным почерком является почерк писца Явилы), так и во второй (шестой почерк Тип. 77 на л. 135v–136v, а также второй почерк, л. 34–73 [61, с. 27–28] Изборного октоиха 1374 г. Тип. 67, характеризующийся таким же, как во втором почерке Тип. 106, особым типом **ѣ**, ср. **ѣ** в Тип. 67 vs. **ѣ** в Тип. 106).

Расширение возможного места создания рассматриваемых миней за счет новгородского региона существенно ситуацию не меняет. Как показали исследования М.Г. Гальченко [57, с. 386–420], уже в 30-е годы XV в. в новгородских рукописях встречаются только почерки младшего полуустава

³⁷ Снимок листа см.: http://rgada.info/kueh/1/381_1_136/0222.jpg

³⁸ См. соответственно <<https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/177533?page=2&album=622494765&index=78>> и <<http://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=6D4F91B3-F9D0-4B33-899A-DCA56E5CEA33>>.

³⁹ См., к примеру, второй почерк, представленный на л. 64–117v, с дугообразным изгибом мачт, что делает его очень близким второму почерку Шестоднева Тип. 77 (начало на л. 2v), который датируется до 1389 г. (см. выше).

Табл. 2. Датировки кстовских миней

	январь	фев.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.
XII–XIII									T85		T93	T97
XIV ₁		T105			T112	T116	T123	T127		T90		
XIV ₂	T101		T106	T111								

либо почерки, совмещающие черты традиционного устава и младшего полуустава. При этом первая четверть XV в. представлена лишь двумя датированными образцами – Канонником 1411 г. (Соф. 399) и Стихирарем 1424 г. (Син. 897), почерки которых – соответственно поздний устав с элементами старшего полуустава и традиционный “манерный” устав – также весьма далеки от того, что мы видим на л. 68–91v Миней Тип. 106.

Ни один из первичных⁴⁰ и ни один из вторичных уставных почерков кстовских Миней на январь, март и апрель (к вторичным относятся: запись на л. 1 Тип. 111⁴¹ и пробы пера на л. 98v; приписки на л. 108v Тип. 106) не содержат особенностей (элементов письма), связанных со вторым южнославянским влиянием. Таким образом, наиболее вероятным временем создания этой группы рукописей следует считать вторую половину XIV в.

Датировки комплекта кстовских миней можно представить в виде таблицы²⁴².

Наш особый интерес к позднейшей группе кстовских миней обусловлен тем, что их основной почерк (т.е. первый и основной исходный почерк Тип. 111 [на л. 14v две нижние строки переписаны другим почерком], первый почерк Тип. 106 и второй почерк Тип. 101) совпадают со вторым почерком Триоди Соф. 84. Сопоставление начертаний графем второго почерка Соф. 84, основного почерка Тип. 111 и первого почерка Тип. 106 представлено в табл. 3 (см. также илл. 6–8)⁴³. Почерки совпадают во всех

Табл. 3. Почерк, общий для Соф. 84 и кстовских миней

Соф. 84	Тип. 111	Тип. 106

деталях – исключением является лишь архаичный тип *к*, sporadически встречающийся в Тип. 106.

К сожалению, тождество почерка второго писца Софийской триоди и одного из почерков кстовских миней все же не позволяет надежно прояснить историю рассматриваемой рукописи, поскольку псковское происхождение рукописей Тип. 101, Тип. 106 и Тип. 111 на данном этапе не установлено. Позволим себе лишь предположить, что Триодь Соф. 84 могла быть создана в том же скриптории при церкви Свт. Николая⁴⁴, который когда-то возглавлял Андрей Микулинский, – и, тем самым, упоминание некоего николевского попа в уникальном экстратексте на нижней крышке переплета не случайно.

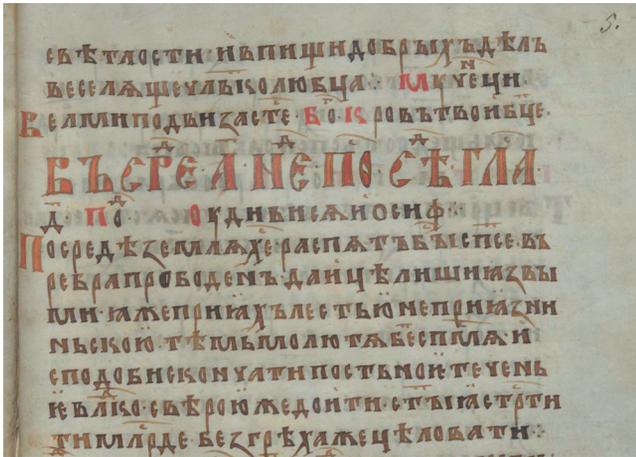
⁴⁴ Впрочем, и тезис о том, что скрипторий, в котором работали Андрей и Козьма Попович, находился при церкви Свт. Николая, – тоже не более чем предположение современных исследователей [25, с. 58].

⁴⁰ Помимо общего для трех последних Миней почерка это второй почерк Тип. 106 и первый почерк Тип. 101 (л. 1v–2v).

⁴¹ Эта запись, возможно, содержит псковизм – императив *помози*, однако надежным этот пример считать нельзя, так как народной формой на северо-западе была *помози* без рефлекса второй палатализации [5, с. 41–45] и писец мог образовать искусственную форму с чередованием исходя из наличествующего в его речи (*поможеть* и т.п.).

⁴² Интенсивностью заливки дополнительно отмечаются коды, содержащие общие почерки.

⁴³ Снимками Служебной миней на январь (Тип. 101) мы, к сожалению, не располагаем. Остальные снимки взяты с сайтов ОР РНБ <<http://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog>> и РГАДА <<http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=30&V1=%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8>>.

Илл. 6. Соф. 84, л. 5

Илл. 7. Тип. 106, л. 94

Илл. 8. Тип. 111, л. 16v

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Куприянов И.* Обзорение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857.
2. Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР / Сост.

- Н.Б. Шеламанова // Археографический ежегодник за 1965 год. М.: Наука, 1966. С. 177–272.
3. Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11–14. Jahrhunderts / Hrsg. v. M.A. Momina, N. Trunte. T. I: Vorfastenzeit. Paderborn etc.: Schöningh, 2004; T. II: 1. bis 4. Fastenwoche. Paderborn etc.: Schöningh, 2010.
4. *Крысько В.Б.* Экстратексты древнерусских рукописей: пролегомены к изданию // The oldest linguistic attestations and texts in the Slavic languages. Wien: Holzhausen, 2018. С. 191–211.
5. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–31. М.: Наука – Азбуковник – Нестор-История, 1975–2019–.
7. *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.).* Т. I–XII. М.: Русский язык; Азбуковник, 1988–2019–.
8. *Ипатьевская летопись.* М.: Изд-во вост. лит., 1962. (Полн. собр. рус. летописей; Т. 2.)
9. *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3–4. М.: Мысль, 1988.
10. *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. Т. 1. 1893. Т. 2. 1902. Т. 3. 1912.
11. *Востоков А.Х.* Словарь церковнославянского языка. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1861.
12. *Славяно-русский Пролог по древнейшим рукописям: Тексты, источники, комментарии.* URL: <http://prolog-manuscript.org/index.php>
13. *Słownik prasłowiański.* T. II. Wrocław etc.: Wyd-wo Polskiej AN, 1976.
14. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд.* Вып. 1–41. М.: Наука, 1974–2018–.
15. *Крысько В.Б.* Очерки по истории русского языка. М.: Гнозис, 2007.
16. *Stern D.* Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts. T. I–III. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2008. (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 118, 1–3; Patristica slavica. Bd. 16, 1–3.)
17. *Новгородская харатейная летопись.* М.: Наука, 1964.
18. *Ильина книга: Рукопись РГАДА, Тип. 131 / Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько.* М.: Индрик, 2005.
19. *Лопушанская С.П., Шентухина Е.М.* Обратный словарь. 3-е изд. М.; Волгоград, 2002. (Словник-индекс

- и обратный словник к Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 2.)
20. Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Части 1, 2. М.: ЦГАДА, 1988. 350 с.
  21. Крысько В.Б. Новые материалы к истории древненовгородского номинатива на -е // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 78–88.
  22. Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплётчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М.: Наука, 2000.
  23. Милятино евангелие. Рукопись РНБ, Ф.п.1.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование / Подгот. текста, ком. Г.А. Молькова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018.
  24. Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Языки славянской культуры, 2012.
  25. Калугин В.В. Андрей Микулинский и Козьма Попович – псковские писцы XIV в. // Книжные центры Древней Руси XI–XIV вв. СПб.: Наука, 1991. С. 41–61.
  26. Коробенко Л.А. Från Pskov till Uppsala – så här! // *Глаголъ блгопѣсниваѧ птица*: Hyllningsskrift till Lars Steensland. Stockholm: Stockholms universitet, 2006 (Acta Universitatis Stockholmiensis; Stockholm Slavic studies; 32). С. 72–87.
  27. Ладыженский И.М. О палеографических методах датирования. Краткий обзор датированных почерков второй половины XIII – первой половины XIV в. // Sub specie aeternitatis: Сб. науч. статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. М.: Издательский центр “Азбуковник”, 2021. С. 58–134.
  28. Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
  29. Покровский А.А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М.: Синодальная типография, 1916.
  30. Дурново Н.Н. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка [1924–1926] // Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 391–494.
  31. Попов Г. Триод // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. IV. София: Издательство на Българска академия на науките, 2003. С. 169–178.
  32. Славева Л. За старословенскиот триод // Slovo. 1972. No. 22. С. 93–116.
  33. Mošin V. Heretici trojezičnici u staroslavenskom prijevodu trioda // Slovo. 1972. No. 22. S. 117–125.
  34. Slovník jazyka staroslověnského. I–IV. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1958–1997.
  35. Крысько В.Б., Хок В. Мучение Ирины. Византийское житие в старославянском переводе: Издание. Исследование. Указатели. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.
  36. Крысько В.Б., Мольков Г.А. Восточнославянские рукописи XI–XIII вв.: Лингвистические очерки. М.: ИЦ “Азбуковник”, 2020.
  37. Ильина книга (XI в.): Исследования. Указатели / Подгот. В.Б. Крысько, И.М. Ладыженский, Т.И. Межиковская. М.: Азбуковник, 2015.
  38. Follieri H. Initia hymnorum Ecclesiae graecae. Vol. I–V. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1960–1966.
  39. Παρακλητικὴ ἦτοι Ὁκτώηχος ἡ μεγάλη. Ἐν Ῥώμῃ, 1885.
  40. Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Neue bericht. u. erw. Ausg. Berlin: Weidmann, 1913.
  41. Τριψῆδιον κατανοητικόν, περιέχον ἅλασαν τὴν ἀνήκουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης Θεσσαρακοστῆς. Ἐν Ῥώμῃ, 1879.
  42. Řecko-staroslověnský index. T. I, fasc. 1–8–. Praha: Euroslavica; Slovanský ústav Akademie věd České republiky, 2008–2014–.
  43. Голоскевич Г.К. Евсевиево евангелие 1283 года. Опыт историко-филологического исследования. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1914.
  44. Колесов В.В. ВЪСЬ, ВСЬ, ВЕСЬ, ВСЕ, ВХЕ, СВЕ — “omnis” // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Межвузовский сборник. Горький: Горьковский технический университет им. Н.И. Лобачевского, 1978. С. 28–36.
  45. Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М.: Языки славянских культур, 2006.
  46. Каринский Н.М. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1909.
  47. Кандаурова Т.Н. К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке псковского Пролога 1383 г.) // Труды Института языкознания. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 178–286.
  48. Горская Е.В. Из истории языка Северо-Западной Руси начала XIV в. (По рукописям псковского скриптория Андрея Микулинского и Козьмы Поповича): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
  49. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М.: Наука, 1984.
  50. Столярова Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010.
  51. Балтиморский служебник: Древнерусский служебник первой половины XIV в.: балтиморская и

- петербургская части. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018.
52. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. Вып. 1 (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская). М.: Индрик, 2002.
  53. Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР: (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М.: АН СССР; ИНИОН; Археографическая комиссия, 1986.
  54. Дополнения к “Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР” (М., 1986). М.: РАН, Институт славяноведения и балканистики, Археографическая комиссия, 1993.
  55. Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М.: Древлехранилище, 2000.
  56. Фрюхтель А.М. Оформление псковских рукописей конца XIV — первой четверти XV в., написанных дьяконом Лукой // Искусство рукописной книги: Византия. Древняя Русь: Тез. докл. междунар. конф. Москва, 17–19 ноября 1998 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 40–41.
  57. Гальченко М.Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М.; СПб.: Алетейя, 2001. (Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, I).
  58. Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1998 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. С. F–N.
  59. Шахматов А.А. Несколько заметок об языке Псковских памятников XIV–XV вв. (По поводу книги “Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке”. СПб., 1909 [...]) // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 7. С. 105–177.
  60. Щепкин В.Н. Русская палеография: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1999.
  61. Михеев С.М. Еще раз о записях попа Саввы и других писцов псковского Изборного октоиха 1374–1375 годов // Новгород и Новгородская земля. Письменность и книжность: Материалы науч. конф., Великий Новгород, 24–26 сентября 2019 г. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2021. С. 27–36.
  - Parchment Manuscripts of the Novgorod St. Sophia Library]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1857. (In Russ.)
  2. *Predvaritel'nyj spisok slavyano-russkikh rukopisej XI–XIV vv., khranyashchikhsya v SSSR. Sost. N.B. Shelamanova* [A Preliminary List of Slavonic Manuscripts of the 11th–14th Centuries Stored in the USSR]. *Arkheograficheskij ezhegodnik za 1965 god* [Archaeographic Yearbook for 1965]. Moscow, Nauka Publ., 1966. (In Russ.)
  3. *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11–14. Jahrhunderts. Hrsg. v. M.A. Momina, N. Trunte. T. I: Vorfastezeit. Paderborn etc., Schöningh, 2004; T. II: 1. bis 4. Fastenwoche. Paderborn etc., Schöningh, 2010.*
  4. Krysko, V.B. *Ekstrateksty drevnerusskikh rukopisej: prolegomeny k izdaniyu* [Extratexts of Old Russian Manuscripts: Prolegomena for Publication]. *The oldest linguistic attestations and texts in the Slavic languages*. Wien, Holzhausen, 2018, pp. 191–211. (In Russ.)
  5. Zaliznyak, A.A. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [The Old Novgorod Dialect]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. (In Russ.)
  6. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–31–* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Iss. 1–30–]. Moscow, Nauka, Azbukovnik, Nestor-Istoriya Publ., 1975–2019–. (In Russ.)
  7. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). T. I–XII–* [Dictionary of Old Russian Language (11th–14th Centuries). Vol. 1–12–]. Moscow, Russkij yazyk; Azbukovnik Publ., 1988–2019–. (In Russ.)
  8. *Ipat'yevskaya letopis'* [Hypatian Chronicle]. Moscow, Izd-vo vost. lit. Publ., 1962. (*Poln. sobr. rus. letopisej; T. 2* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2].) (In Russ.)
  9. Solovyev, S.M. *Sochineniya. V 18 kn. Kn. 2: Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Works. In 18 books. Book 2. The History of Russia since Ancient Times]. T. 3–4. Moscow, Mysl' Publ., 1988. (In Russ.)
  10. Sreznevsky, I.I. *Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language on Written Monuments]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk Publ., T. 1. 1893. T. 2. 1902. T. 3. 1912. (In Russ.)
  11. Vostokov, A.Kh. *Slovar' tserkovnoslavyanskogo yazyka. T. 2* [Dictionary of the Church Slavonic language. Vol 2]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1861. (In Russ.)
  12. *Slavyano-russkij Prolog po drevneyshim rukopisyam: Teksty, istochniki, kommentarii* [Slavonic-Russian Prologue on the Most Ancient Manuscripts: Texts, Sources, Comments]. URL: <http://prolog-manuscript.org/index.php> (In Russ.)
  13. *Słownik prastłowiański. T. II.* [Proto-Slavic Dictionary. Vol. 2]. Wrocław etc.: Wyd-wo Polskiej AN, 1976.

REFERENCES

1. Kupriyanov, I. *Obozreniye pergamennykh rukopisej Novgorodskoy Sofijskoy biblioteki* [A Review of

14. *Etimologičeskij slovar' slavyanskikh jazykov: Praslavyanskij leksičeskij fond. Vyp. 1–41*– [Etymological Dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic Lexical Fund. Iss. 1–41–]. Moscow, Nauka Publ., 1974–2018–. (In Russ.)
15. Krysko, V.B. *Očerki po istorii russkogo jazyka* [Essays on the History of Russian]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. (In Russ.)
16. Stern, D. *Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts. T. I–III*. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2008. (*Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 118, 1–3; Patristica slavica. Bd. 16, 1–3.*)
17. *Novgorodskaya kharateynaya letopis'* [Novgorod Parchment Chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1964. (In Russ.)
18. *Il'ina kniga: Rukopis' RGADA, Tip. 131. Lingvističeskoye izdaniye, podgotovka grečeskogo teksta, komentarii, slovoukazateli V.B. Krysko* [Ilya's Book. Manuscript of RGADA, Typ. 131: Linguistic Edition, Preparing of the Greek Text, Commentaries, Indices by V.B. Krysko]. Moscow, Indrik Publ., 2005. (In Russ.)
19. Lopushanskaya, S.P., Sheptukhina, E.M. *Obratnyj slovník. 3-e izd.* [Reverse dictionary. 3rd ed.]. Moscow; Volgograd, 2002. (*Slovník-indeks i obratnyj slovník k Slovarju drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)*. T. 2 [Dictionary-Index and Reverse Dictionary to the Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries). Vol. 2]). (In Russ.)
20. *Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig XI–XIV vv., khranyashchikhsya v TsGADA SSSR. Chasti 1, 2* [Catalog of Slavic-Russian Handwritten Books of the 11th–14th Centuries Stored in the TsGADA of the USSR. Parts 1, 2]. Moscow, TsGADA Publ., 1988. (In Russ.)
21. Krysko, V.B. *Novyye materialy k istorii drevne-novgorodskogo nominativa na -e* [New Materials for the History of the Old Novgorod Nominative on -e]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1993, No 6, pp. 78–88. (In Russ.)
22. Stolyarova, L.V. *Svod zapisej pistsov, khudozhnikov i perepletkichikov drevnerusskikh pergamennykh kodeksov XI–XIV vv.* [Collected Records of Scribes, Artists and Bookbinders of Old Russian Parchment Codices of the 11th–14th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2000. (In Russ.)
23. *Milyatino evangeliye. Rukopis' RNB, F.p.I.7. Lingvističeskoye izdaniye. Ukazateli. Issledovaniye. Podgot. teksta, komm. G.A. Mol'kova* [Milyata's Gospel. The Manuscript of the RNB, F.P.I.7. Linguistic Edition. Indexes. Study. Preparation of the Text, Comments by G.A. Mol'kov]. Moscow, St. Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2018. (In Russ.)
24. Vasilyev, V.L. *Slavyanskiye toponimicheskiye drevnosti Novgorodskoj zemli* [Slavic Toponymic Antiquities of the Novgorod Land]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2012. (In Russ.)
25. Kalugin, V.V. *Andrey Mikulinskij i Koz'ma Popovich – pskovskiye pistsy XIV v.* [Andrei Mikulinsky and Kozma Popovich – Pskov Scribes of the 14th Century]. *Knizhnyye tsentry Drevney Rusi XI–XIV vv.* [Book Centers of Ancient Russia. 11th–16th centuries: Different Aspects of the Study]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. S. 41–61. (In Russ.)
26. Korobenko, L.A. *Från Pskov till Uppsala – så här! Yako blagopesnivaya ptitsa: Hyllningskrift till Lars Steensland. Stockholm, Stockholms universitet, 2006* (Acta Universitatis Stockholmiensis; Stockholm Slavic studies; 32), pp. 72–87. (In Russ.)
27. Ladyženskij, I.M. *O paleograficheskikh metodakh datirovaniya. Kratkij obzor datirovannykh počerkov vtoroj poloviny XIII – pervoj poloviny XIV v.* [On Paleographic Dating Methods. A Brief Review of Dated Handwritings of the Second Half of the 13th – First Half of the 14th Century.]. *Sub specie aeternitatis: Sb. nauchn. statej k 60-letiyu Vadima Borisovicha Krysko* [Sub specie aeternitatis: Collection of Scholarly Articles for the 60th Anniversary of Vadim Borisovich Krysko]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021, pp. 58–134. (In Russ.)
28. *Pskovskiye letopisi. Vyp. 2. Pod red. A.N. Nasonova* [Pskov Chronicles. Iss. 2. Ed. by A.N. Nasonov]. Moscow, AN SSSR Publ., 1955. (In Russ.)
29. Pokrovsky, A.A. *Drevneye pskovsko-novgorodskoye pis'mennoye naslediyе* [Ancient Pskov-Novgorod Written Heritage]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya Publ., 1916. (In Russ.)
30. Durnovo, N.N. *Russkiye rukopisi XI i XII vv. kak pamyatniki staroslavjanskogo jazyka [1924–1926]* [Russian Manuscripts of the 11th and 12th Centuries as Monuments of the Old Church Slavonic]. Durnovo, N.N. *Izbrannyye raboty po istorii russkogo jazyka* [Selected Works on the History of the Russian Language]. Moscow, Yazyki russkoj kultury Publ., 2000, pp. 391–494. (In Russ.)
31. Popov, G. *Triod* [Triodion]. *Kirilo-Metodiyevska entsiklopediya*. T. IV [Cyrillo-Methodian Encyclopedia]. Sofiya, Balgarska akademiya na naukite, 2003, pp. 169–178. (In Bulg.)
32. Slaveva, L. *Za staroslovenskiot triod* [On the Old Church Slavonic Triodion]. *Slovo*. 1972, No. 22, pp. 93–116. (In Maced.)
33. Mošin, V. *Heretici trojezičnici u staroslavenskom prijevodu trioda* [Heretics-trilingualists in Old Church Slavonic Translation of Triodion]. *Slovo*. 1972, No. 22, pp. 117–125.
34. *Slovník jazyka staroslověnského* [The Dictionary of Old Church Slavonic]. I–IV. Praha, Nakl. Československé akademie věd, 1958–1997.

35. Krysko, V.B., Hock, W. *Muchenije Iriny. Vizantiyskoye zhitiye v staroslavlyanskom perevode: Izdaniye. Issledovaniye. Ukazateli* [The Martyrdom of Irene. A Byzantine Life in the Old Church Slavonic translation: Edition. Study. Indices]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. (In Russ.)
36. Krysko, V.B., Molkov, G.A. *Vostochnoslavlyanskiye rukopisi XI–XIII vv.: Lingvisticheskiye ocherki* [East Slavic Manuscripts of the 11th–13th Centuries: Linguistic Essays]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2020. (In Russ.)
37. *Il'ina kniga (XI v.): Issledovaniya. Ukazateli. Podgot. V.B. Krysko, I.M. Ladyženskij, T. I. Mezhikovskaya* [Ilya's Book (11th Century): Studies. Indices. Prepared V.B. Krysko, I.M. Ladyženskij, T. I. Mezhikovskaya]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015. (In Russ.)
38. Follieri, H. *Initia hymnorum Ecclesiae graecae. Vol. I–V*. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1960–1966.
39. Παρακλητικὴ ἥτοι Ὁκτώηχος ἡ μεγάλη. Ἐν Ῥώμῃ, 1885.
40. Jagić, V. *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Neue bericht. u. erw. Ausg.* Berlin, Weidmann, 1913.
41. Τριώδιον κατασκευτικόν, περιέχον ἅπασαν τὴν ἀνήκουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης Τεσσαρακοστῆς. Ἐν Ῥώμῃ, 1879.
42. *Řecko-staroslověnský index* [Greek – Old Church Slavonic Dictionary]. T. I, fasc. 1–8–. Praha, Euroslavica; Slovanský ústav Akademie věd České republiky, 2008–2014–.
43. Goloskevich, G.K. *Evseviyevo evangeliye 1283 goda. Opyt istoriko-filologicheskogo issledovaniya* [The Eusebius' Gospel of 1283. An Essay of Historical and Philological Research]. St. Petersburg, Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1914. (In Russ.)
44. Kolesov, V.V. *VbSb, VSb, VESb, VSE, VKhE, SVE — “omnis”. Evolyutsiya i predystoriya russkogo yazykovogo stroya. Mezhvuzovskij sbornik* [Evolution and Prehistory of the Russian Language System. An Interuniversity Collection]. Gorkiy, Gorkovskiy tekhnicheskii universitet im. N.I. Lobachevskogo, 1978, pp. 28–36. (In Russ.)
45. Sobolevskij, A.I. *Trudy po istorii russkogo yazyka. T. 2: Stat'i i retsenzii* [Works on the History of Russian. Vol. 2: Articles and Reviews]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2006. (In Russ.)
46. Karinsky, N.M. *Yazyk Pskova i ego oblasti v XV veke* [The Language of Pskov and its Region in the 15th Century]. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1909. (In Russ.)
47. Kandaurova, T.N. *K istorii drevnepskovskogo dialekta XIV v. (O yazyke pskovskogo Prologa 1383 g.)* [On the History of the Ancient Pskov Dialect of the XIV Century (On the Language of the Pskov Prologue of 1383)]. *Trudy Instituta yazykoznanija. T. VIII*. [Works of the Institute of Linguistics. Vol. 8]. Moscow, AN SSSR Publ., 1957, pp. 178–286. (In Russ.)
48. Gorskaya, E.V. *Iz istorii yazyka Severo-Zapadnoy Rusi nachala XIV v. (Po rukopisyam pskovskogo skriptoriya Andrey a Mikulinskogo i Koz'my Popovicha): Dis. ... kand. filol. nauk* [On the History of the Language of Northwestern Russia at the Beginning of the XIV Century. (Based on the Manuscripts of the Pskov Scriptorium by Andrei Mikulinsky and Kozma Popovich): Dissertation ... Candidate of Philology]. Moscow, 2002. (In Russ.)
49. *Svodnyj katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v SSSR: XI–XIII vv.* [Composite Catalogue of Slavic-Russian Manuscripts Stored in the USSR: 11th–13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1984. (In Russ.)
50. Stolyarova, L.V., Kashtanov, S.M. *Kniga v Drevney Rusi (XI–XVI vv.)* [A book in Ancient Russia (11th–16th centuries)]. Moscow, Universitet Dmitriya Pzarskogo Publ., 2010. (In Russ.)
51. *Baltimorskij sluzhebnyk: Drevnerusskij sluzhebnyk pervoj poloviny XIV v.: baltimorskaya i peterburgskaya chasti* [Baltimore Service Book: Old Russian Service Book of the First Half of the 14th Century: Baltimore and St. Petersburg Parts]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2018. (In Russ.)
52. *Svodnyj katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV v. Vyp. 1 (Apokalipsis – Letopis' Lavrent'evskaya)* [Composite Catalogue of Slavic-Russian Manuscripts Stored in Russia, CIS and Baltic Countries: 14th Century. Iss. 1 (Apocalypse – Laurentian Chronicle)]. Moscow, Indrik Publ., 2002. (In Russ.)
53. *Predvaritel'nyj spisok slavyano-russkikh rukopisnykh knig XV v., khranyashchikhsya v SSSR: (Dlya Svodnogo kataloga rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v SSSR)* [A Preliminary List of Slavonic Manuscripts of the 15th Century Stored in the USSR (for a Composite Catalogue of Manuscripts Stored in the USSR)]. Moscow, AN SSSR; INION; Arkheograficheskaya komissiya Publ., 1986. (In Russ.)
54. *Dopolneniya k “Predvaritel'nomu spisku slavyano-russkikh rukopisnykh knig XV v., khranyashchikhsya v SSSR” (M., 1986)* [Additions to the Preliminary List of Slavonic Manuscripts of the 15th Century stored in the USSR (Moscow, 1986)]. Moscow, RAN, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki, Arkheograficheskaya komissiya Publ., 1993. (In Russ.)
55. *Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig XV veka, khranyashchikhsya v Rossiyskom gosudarstvennom arkhive drevnikh aktov* [Catalogue of Slavic-Russian Manuscripts of the 15th Century Stored in the Russian State Archive of Ancient Acts]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2000. (In Russ.)

56. Fryukhtel, A.M. *Oformleniye pskovskikh rukopisej kontsa XIV – pervoj chetverti XV v., napisannykh d'yakonom Lukoj* [The Design of Pskov Manuscripts of the Late 14th – First Quarter of the 15th century written by Deacon Luke]. *Iskusstvo rukopisnoy knigi: Vizantiya. Drevnyaya Rus': Tez. dokl. mezhdunar. konf. Moskva, 17–19 noyabrya 1998 g.* [The Art of Handwritten Books: Byzantium. Ancient Rus: Abstracts of Reports of an International Conference. Moscow, November 17–19, 1998]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1998, pp. 40–41. (In Russ.)
57. Galchenko, M.G. *Knizhnaya kul'tura. Knigopisaniye. Nadpisi na ikonakh Drevnej Rusi. Izbrannyye raboty* [Book Culture. The Writing of Books. Inscriptions on the Icons of Ancient Rus. Selected Works]. Moscow, St. Petersburg, Aleteya Publ., 2001. (*Trudy Tsentral'nogo muzeya drevnerusskoy kul'tury i iskusstva im. Andrey Rubleva, I* [Works of the Andrey Rublev Central Museum of Ancient Russian Culture and Art, 1].) (In Russ.)
58. Kloss, B.M. *Predisloviye k izdaniyu 1998 g.* [Preface to the 1998 edition]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisej. T. 2: Ipat'yevskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2: Hypatian Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1998, pp. F–N. (In Russ.)
59. Shakhmatov, A.A. *Neskol'ko zametok ob yazyke Pskovskikh pamyatnikov XIV–XV v. (Po povodu knigi "Nikolay Karinskiy. Yazyk Pskova i ego oblasti v XV veke". SPb., 1909 [...])* [A Few Notes about the Language of Pskov Monuments of the 14th–15th Centuries (About the Book “Nikolai Karinsky. The Language of Pskov and its Region in the 15th Century”). St. Petersburg, 1909]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. 1909, No. 7, pp. 105–177. (In Russ.)
60. Shchepkin, V.N. *Russkaya paleografiya: Uchebnik dlya studentov vuzov* [Russian Paleography: Textbook for University Students]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. (In Russ.)
61. Mikheyev, S.M. *Eshche raz o zapisyakh popa Savvy i drugikh pistorov pskovskogo Izbornogo oktoikha 1374–1375 godov* [Once Again about the Records of the Priest Savva and Other Scribes of the Pskov Selected Octoechos of 1374–1375]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Pis'mennost' i knizhnost': Materialy nauchn. konf., Velikij Novgorod, 24–26 sentyabrya 2019 g.* [Novgorod and Novgorod Land. Writing and Bookishness: Materials of a Scholarly Conference, Veliky Novgorod, September 24–26, 2019]. Velikij Novgorod: Novgorodskij muzey-zapovednik Publ., 2021, pp. 27–36. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 13 мая 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 мая 2022 г.
Статья принята к публикации: 25 мая 2022 г.
Дата публикации: 30 июня 2022 г.*

*Received by Editor on May 13, 2022
Revised on May 20, 2022
Accepted on May 25, 2022
Date of publication: June 30, 2022*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020761-3

Субъективная и объективная ориентация в пространстве средствами местоименного дейксиса в датском языке

© 2022 г. Д. Б. Никуличева

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер, д. 1, стр. 1,
профессор Московского государственного лингвистического университета,
Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
nikoulitcheva@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию того, как трехчленная модель коммуникативной ситуации проявляется в перестройке системы дейктических местоимений датского языка. Устанавливается, что помимо бинарных оппозиций, противопоставляющих ближайшее и удаленное расположение объекта в физическом пространстве (*denne* vs. *den*; *dette* vs. *det*; *disse* vs. *de*), в современном датском языке развивается трехчленная оппозиция аналитических указательных местоимений, отражающая взаимодействие между тремя участниками коммуникативного акта: говорящим, слушающим и объектами внешнего мира. На материале употребления местоименных биномов в Корпусе современного датского языка доказывается, что дейктические биномы, совмещающие показатели ближнего дейксиса (*denne her*, *dette her*, *disse her*), являются субъективными маркерами 1 лица, сигнализирующими о проникновении объекта дейксиса в личное пространство говорящего. Дейктические биномы, совмещающие показатели ближнего и дальнего дейксиса (*den her*, *det her*, *de her*), являются когортативами – субъективными маркерами 2 лица, сигнализирующими о совместности восприятия объекта дейксиса адресантом и адресатом. Дейктические биномы, совмещающие показатели дальнего дейксиса (*den der*, *det der*, *de der*), служат указаниями на субъективно отстраняемый либо на отчуждаемый объект. Устанавливается парадигма дейктических биномов датского языка, отражающая представление о трех “пространственных поясах” – личном пространстве говорящего (1 л.), совместном пространстве коммуникации, разделяемом с адресатом (2 л.) и внешнем, “чужом” пространстве, в которое говорящий ментально отдаляет порицаемые или отчуждаемые объекты дейксиса (3 л.).

Ключевые слова: датский язык, коммуникативная ситуация, дейктические местоименные биномы, ближний дейксис, дальний дейксис, личное пространство говорящего, пространство коммуникации, пространство антипатического дистанцирования.

Для цитирования: Никуличева Д.Б. Субъективная и объективная ориентация в пространстве средствами местоименного дейксиса в датском языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 93–103. DOI: 10.31857/S160578800020761-3

Subjective and Objective Orientation in Space by Means of Pronominal Deixis in Danish

© 2022 Dina B. Nikoulitcheva

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia,
Professor at the Moscow State Linguistic University,

38 Bld. 1 Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia
nikoulitcheva@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the three-term model of a communicative situation and its role in the restructuring of the system of deictic pronouns in the Danish language. It is argued that in addition to binary oppositions that indicate close vs. remote location of an object in physical space (*denne* vs. *den*; *dette* vs. *det*; *disse* vs. *de*) modern Danish develops a three-term opposition of analytical demonstrative pronouns (complex demonstratives), reflecting the interaction between the three participants in a communicative act: the speaker, the listener and the external world. The study of analytical demonstrative pronouns in the Corpus of Modern Danish (Korpus DK) shows that complex demonstratives that combine two indicators of proximal deixis (*denne her*, *dette her*, *disse her*) are used as subjective markers of the 1st person, signaling that the deictic object intrudes into the speaker's personal space. Complex demonstratives that combine indicators of proximal and distal deixis (*den her*, *det her*, *de her*) are used as cohortatives, signaling the compatibility of perception of the deictic object by the addresser and the addressee. Complex demonstratives that combine indicators of the distal deixis (*den der*, *det der*, *de der*) serve as signals of a subjectively withdrawn or alienated object. Thus, the paradigm of complex demonstratives in the Danish language based on the idea of three “spatial belts” is established: the personal space of the speaker (1st person), the common space of communication shared with the addressee (2nd person) and the external space into which the speaker mentally remotes reprovved or alienated deictic objects (3rd person).

Key words: Danish, communicative situation, complex demonstratives, proximal deixis, distal deixis, the speaker's personal space, the space of communication, the external space of alienated objects.

For citation: Nikoulitcheva, D.B. *Subjektivnaya i objektivnaya orientaciya v prostranstve sredstvami mestoimennogo dejksisa v datskom yazyke* [Subjective and Objective Orientation in Space by Means of Pronominal Deixis in Danish]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 93–103. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020761-3

1. Задачи и теоретические основы исследования

Предлагаемая статья выполнена в продолжение проекта “Антропоцентрическая грамматика датского языка”, поддержанного грантом РФФИ 2019–2021 гг. Основным результатом проекта стало наблюдение о системном анализе датской лингвопрагматики. Под лингвопрагматикой понимается функционирование языка в процессах человеческой коммуникации, предполагающее активное взаимодействие между всеми участниками коммуникативной ситуации. К таковым относится говорящий (автор речи), адресат речи (слушатель, собеседник) и то, о чем идет речь (действительность) [1, с. 34]. Трехчастность модели коммуникативной ситуации определяется основными целями языка: указывать на факты действительности, выражать состояние говорящего, изменять состояние слушающего [2, с. 227].

Среди прочих языков скандинавской подгруппы германских языков датский язык оказывается наиболее продвинутым по пути аналитизма за счет утраты старых флективных показателей и развития аналитических способов выражения грамматических смыслов. Опубликованные в ходе работы над проектом “Антропоцентрическая грамматика датского языка” исследования разных участков его грамматической системы продемонстрировали, что за счет использования

растущего инвентаря служебных слов и аналитических конструкций датское высказывание оказывается по множеству параметров ориентированным в пространстве и во времени относительно говорящего и других участников коммуникации (см., например, [3]; [4]; [5]).

Аутореферентность как одно из фундаментальных свойств, определяющих принципы семантического устройства языковых систем и механизмы их актуализации в речи, исследовалась в главе “О субъективности в языке” “Общей лингвистики” Э. Бенвениста [6]. На скандинавском материале такой важный параметр, как “установка говорящего”, был введен в описание семантической структуры шведского языка в четырехтомной академической грамматике Svenska Akademiens grammatik [7]. Анализ семантического варьирования форм шведского глагола, а также варьирования именных категорий, (в частности, использование шведских указательных местоимений с артиклевой / безартиклевой формой существительного), представленный в работах Е.М. Чекалиной, убедительно показал, что “языковые факты, а иногда и, казалось бы, незначительные нюансы употребления предстают в новом свете, свидетельствуя о том, что выбор между семантически близкими, но не тождественными единицами языка позволяет говорящему менять угол зрения, в зависимости от субъективного или объективного взгляда на вещи и события” [8, с. 268

и далее]; см. также [9]. Применительно к датскому языку схожие наблюдения были высказаны в статье П. Дурст-Андерсена о “субъективном и объективном голосе” датского языка [10].

Задача предлагаемой статьи состоит в том, чтобы проследить, каким образом в датском языке происходит грамматическое нюансирование смыслов, связанных с представлением пространства говорящего, на примере указательных местоимений. Будет показано, что указательные местоимения современного датского языка образуют целостную парадигматическую систему, в рамках которой противопоставляются категории объективного и субъективного дистанцирования (отдаления и приближения) относительно фигуры говорящего с учетом фактора адресата.

В этом плане теоретической основой послужила мысль, высказанная Ю.Д. Апресяном о том, что в дейксисе важно не только присутствие говорящего, но и его представление о положении и размерах “присваиваемого” им пространства — “пространства говорящего” [11, с. 637]. О ближайшем и удаленном “пространственных поясах”, не описывающих действительность, но моделирующих её, применительно к русскому языку писала Е.С. Яковлева [12, с. 14]. Важным является также идея Н.Н. Болдырева о противопоставлении эндоцентрических (ориентированных на говорящего) и экзоцентрических пространств [13].

2. Двучленные vs. трехчленные дейктические оппозиции

Типичной функцией местоименного дейксиса в языках мира является противопоставление расположения объекта в пространстве коммуникативной ситуации: в ближайшем по отношению к говорящему (рус. *этот*) или же в более отдаленном (рус. *тот*). Достаточно часто встречаются языки, где представлена трехчленная градация, например, испанский, где противопоставлены указательные прилагательные *este* (этот — рядом с говорящим), *ese* (этот — рядом со слушающим), *aquel* (тот — вдали от всех) [14, с. 42], или турецкий, где противопоставлены местоимения *bu* (расположение объекта в “пространстве говорящего” и в поле его зрения), *şu* (расположение объекта вне “пространства говорящего” на относительной близости объекта к говорящему) и *o* (расположение объекта вне “пространства говорящего” на относительной удаленности объекта от говорящего или его расположение в “пространстве собеседника”) [15, с. 14].

В современном датском языке, на первый взгляд, представлены лишь двучленные оппозиции,

противопоставляющие указательные местоимения ближнего и дальнего дейксиса, например, однословные *denne* vs. *den*. Объект, расположенный в пространстве коммуникативной ситуации в пределах досягаемости руки говорящего, обозначается местоимением ближнего дейксиса *denne* (*vil du låne mig denne bog* ‘одолжи мне эту книгу’), а находящийся в поле зрения, но вне досягаемости — местоимением дальнего дейксиса *den* (*vil du låne mig den bog* ‘одолжи мне эту книгу’). В этом плане показателен пример: *vil du række mig den bog*, при невозможности контрастного примера **vil du række mig denne bog* ‘протяни (передай) мне ту/эту книгу’. Если русский язык допускает чередование указательных местоимений, то, согласно датской академической грамматике [16, с. 562], предложение **vil du række mig denne bog* недопустимо. Объяснение состоит в том, что датское местоимение *denne* предполагает досягаемость, а глагол *række* — недосыгаемость объекта говорящим, что создает эффект когнитивного диссонанса.

Авторы датской академической грамматики 2011 г. также отмечают, что в разговорной речи местоимения *den* и *denne* имеют “синонимы”: “I talesproget har *den* synonymerne *dender* og *denneder*, og *denne* synonymerne *denher* og *denneher*” [16, с. 564]. В данной статье мы предлагаем рассматривать двухкомпонентные дейктические местоимения не как синонимы соответствующих однословных указательных местоимений ближнего и дальнего дейксиса, а как отдельные элементы парадигматического ряда. В дальнейшем будет показано, что каждое из таких двухкомпонентных сочетаний отличается от прочих по своей прагматической семантике, то есть по дополнительной информации для адресата о том или ином отношении говорящего к указываемому объекту.

3. Алгоритм формального утяжеления дейктического показателя

В структурном плане обращает на себя внимание тот факт, что подобно глагольной парадигме, построенной по принципу последовательного усложнения форм, отражающего усложнение категориальных смыслов, например, *gør* (Præs.) — *gjorde* (Præet.) — *har gjort* (Perf.) — *vil have gjort* (Fut.Perf.), датские указательные местоимения образуют ряд противопоставлений, нюансирующих пространственный дейксис за счет последовательного усиления пространственной ориентации относительно фигуры говорящего посредством формального утяжеления дейктического показателя:

безударное односложное местоимение в артиклевой функции (*den*)

↓

ударное односложное местоимение в функции дальнего дейксиса (*'den*)

↓

ударное двусложное местоимение в функции ближнего дейксиса (*'denne*)

↓

аналитический бином — местоименно-наречное сочетание, выражающее, по предварительной гипотезе, радиус отчуждаемого говорящим (*'den her / 'den der*) или присваиваемого им (*'denne her / 'denne der*) пространства.

4. Антипатическое дистанцирование средствами местоименного дейксиса

О том, что для датской лингвопрагматики характерно *дейктическое отдаление* говорящим объектов, вызывающих у него *негативные эмоции*, можно судить по примерам эмотивных высказываний, приводимым в Датской академической грамматике [16, с. 562]:

lad være med at sidde og vippe på den stol ‘прекрати качаться на (том) стуле’;

hvornår reparerer du det fjernsyn? ‘Когда же ты починишь (тот) телевизор?’;

tag de hænder op af lommen! ‘вынь (те) руки из карманов’;

jeg kan ikke tage, at du sidder med de fødder oppe på bordet ‘не выношу, когда ты сидишь, положив (те) ноги на стол’.

Указание на негативно оцениваемые объекты осуществляется за счет аналитического сочетания с местоимением дальнего дейксиса (*den, det, de*), тогда как замена аналитического маркера на синтетический суффиксированный артикль (*-en, -et, -ne*) снижает эмоциональность высказывания, превращая его в оценочно-нейтральное:

lad være med at sidde og vippe på stolen ‘прекрати качаться на стуле’;

hvornår reparerer du fjernsynet? ‘Когда ты починишь телевизор?’;

tag hænderne op af lommen! ‘вынь руки из карманов’;

han sidder med fødderne oppe på bordet ‘он сидит, положив ноги на стол’.

Именно стремлением говорящего ментально отстраниться от негативно оцениваемого им действия адресата, по нашему мнению, можно объяснить все эти случаи эмотивных высказываний,

не получивших должного объяснения у датских авторов. Такой тип субъективного отдаления мы предлагаем назвать “пространственной антипатией”.

Для сравнения отметим, что в русском языке также возможно использование указательного местоимения в эмоциональной ситуации, например: *когда ж ты, наконец, починишь этот <чертов> телевизор?!* — но использование русского местоимения *этот*, не отдаляет, а, наоборот, приближает раздражающий объект к говорящему, который фокусируется на раздражителе и тем самым как бы его укрупняет.

Приводимый в том же ряду датскими авторами пример: *vi skal snart spise, og jeg glæder mig til den spegesild* ‘скоро будем обедать, и я заранее предвкушаю (ту) копченую селедку’, казалось бы, противоречит сказанному, поскольку выражает позитивную эмоцию. Но здесь речь идет об ином типе дистанцирования, а именно о *дистанцировании в темпоральном*. Объект, о котором идет речь (*spegesild*), не присутствует в момент речи, и это маркируется использованием дистанцирующего пространственного местоимения *den*.

Такое объяснение соответствует особенностям темпорального использования датских указательных местоимений: “В функции временного дейксиса *denne* обозначает момент, который совпадает с моментом речи, включает момент речи или близок к моменту речи, в то время как *den* обозначает момент или промежуток времени, который расположен *до* или *после* момента речи: *i dette øjeblik kan jeg ikke komme på det* ‘в настоящий (в этот) момент я не могу это обсуждать’; *i løbet af dette år skal vi være færdige med projektet* ‘в течение этого года мы должны завершить проект’; ср. *I det øjeblik lod der et brag* ‘в тот момент раздался грохот’; *vi må desværre sige nej tak til jeres invitation, for i den uge skal vi til Mallorca* ‘к сожалению, мы вынуждены отказаться от вашего предложения, потому что в ту неделю мы будем на Майорке’ ” [16, с. 563].

Дальнейшее усиление субъективного дистанцирования возникает в прямой речи в случае аналитического сочетания простых местоимений дальнего и ближнего дейксиса (*den, denne*) с пространственными наречиями дальнего (*der*) и ближнего (*her*) дейксиса, что усиливает эффект субъективного отдаления или приближения говорящим предмета речи: *dender telefon er defekt; dennes telefon er defekt* ‘этот телефон не исправен’; *du behøver ikke spise dether; du behøver ikke spise detteher* ‘тебе не стоит есть это’.

5. Раздельное или слитное написание дейктических биномов?

Любопытно отметить, что, приводя эти примеры, Э. Хансен и Л. Хельтофт нарушают нормативную датскую орфографию, предлагая слитное написание нормативно раздельных сочетаний *den her*, *denne her* и т.п. Они пишут: “*Denher, dennneher* osv. er her (mod Retskrivningsordbogen) skrevet sammen for at vise at der er tale om eet ord og ikke et pronomen + et adverbium” “*Denher, dennneher* и т.п. написаны здесь слитно (вопреки требованиям датского орфографического словаря), чтобы показать, что это одно слово, а не местоимение + наречие” [16, с. 564].

Подобная орфографическая инновация представляется не вполне оправданной в силу того, что авторы тем самым нарушают целносистемную тенденцию датского языка к грамматикализации субъективно окрашенных смыслов именно за счет использования потенциала аналитических сочетаний.

Статистика употреблений слитных и раздельных написаний дейктических биномов по Корпусу современного датского языка 2007 (KorpusDK) подтверждает нашу точку зрения, убеждая, что слитное их написание — большая редкость. Так, например, относительно раздельного / слитного написания бинома *den her* / *denher* находим следующие цифры: общий род: *den her* — 1806 словоупотребления, *denher* — 5 словоупотреблений; средний род: *det her* — 7004 словоупотребления, *dether* — 19 словоупотреблений; множественное число: *de her* — 1510 словоупотреблений, *deher* — 0 словоупотреблений. То есть именно аналитические дейктические биномы следует считать нормативными членами исследуемого нами парадигматического ряда.

Вместе с тем, обращение к другим сферам датской лингвопрагматики, например, к исследованию коммуникативных функций датских модальных частиц, показывает, что грамматикализация прагматических смыслов, передаваемых сочетаниями частиц, может приводить к аналогичному процессу слияния частей аналитического бинома.

Так, нормативными являются аналитические сочетания частиц проблематичной модальности *vist nok*, *vel nok*, *godt nok*, *rigtig nok* и др. Пример различия функциональной семантики модальных сочетаний находим у датского лингвиста Пера Дурст-Андерсена, представляющего их как аналитическую парадигму:

Han er vel nok dejlig! (1. person)

Han er godt nok dejlig! (2. person)

Han er rigtig nok dejlig! (3. person)

Использованием *vel nok* говорящий выражает свое мнение (в данном примере — о милотности ребенка), без учета мнения других людей; используя *godt nok*, говорящий сигнализирует слушающему, например, матери ребенка, что он присоединяется к ее мнению; используя сочетание *rigtig nok*, говорящий сигнализирует слушающему, что присоединяется ко мнению о милотности ребенка как к объективному [10, с. 177].

При всей нормативности аналитических сочетаний исследователи отмечают, что два из них “образовали сложные частицы *velnok* и *vistnok*, которые уже зафиксированы в датских словарях и электронных корпусах текстов” [3, с. 340].

По-видимому, авторы датской академической грамматики предвзвывают аналогичное развитие системы указательных местоимений, когда слитное написание постепенно закрепит лексикализацию дейктических биномов.

6. Контекстуальный анализ использования дейктических биномов в Национальном корпусе датского языка

Для уточнения семантической специфики каждой из форм был проведен контекстуальный анализ употребления всех типов указательных местоимений в Корпусе современного датского языка 2007 (KorpusDK).

В данной статье речь пойдет о субъективном фокусе говорящего на одном определенном объекте или предмете речи, а не об объективном сопоставлении разноудаленных объектов в физическом пространстве, типа *den her kjole* ‘это платье’ (объективно ближе, например, у меня в руках) при сопоставлении с *den der kjole* ‘то платье’ (удаленное, например, на витрине): *Jeg tager den her (kjole), men ikke den der* ‘Я возьму это платье, а не то’.

7. Сочетание лексем дальнего дейксиса *det der/ den der/ de der*

Сочетание двух лексем дальнего дейксиса служит средством субъективного отдаления негативно оцениваемого объекта.

Из-за сложностей с неснятой в корпусе омонимией (*det / den / de der* как указательное местоимение и *det / den / de* (,) *der* как фрагмент придаточного определительного ‘*том, который*’) ограничимся рассмотрением наиболее показательных примеров:

...ren var hun ikke[...]. Har du ikke andet tøj end det der, spurgte han da hun var færdig med at spise og pegede på hende. (Niels Jensen. Danske heltesagn, 1990) ‘...чистой ее назвать было нельзя. [...] “У тебя нет другой одежды,

кроме этой (*det der*)?” – спросил он, когда она закончила есть, указывая на нее’.

Мужчина смотрит на женщину в грязной одежде (*“ren var hun ikke”*) и спрашивает, нет ли у нее другой одежды, чтобы переодеться. Используя двойной отдаляющий дейксис *det der*, говорящий не только указывает на относительно удаленный от него объект, но и отстраняется от него эмоционально.

В следующем примере указательное местоимение *deder* использовано не в прямой речи, а в нарративе. Здесь возникает иная разновидность отстранения, а именно субъективное отдаление отвергаемого объекта:

Der i nabobyen vil ingen gifte sig med en jomfru. Så de gør sådan med deres kvindfolk: Når først campisterne slår telt op, kommer madammerne med deres piger, tyve og tredve i en lang flok, de tigger turisterne om at ta’ dem, og ligge med dem. De gør deres udvalg, dem der ser bedst ud til det, resten de går hjem, og der er ikke noget eller nogen, der kan få trøstet déder arme piger. (Sonne. Have, 1992) ‘В том городке никто не женится на девственницах. Вот что они делают со своими женщинами: как только отдыхающие разбивают палатки, мамы приводят девушек группами по двадцать – тридцать человек и умоляют туристов переспать с ними. Отдыхающие делают свой выбор, отбирая тех, кто выглядит лучше других, остальные идут домой, и нет ничего и никого, кто мог бы утешить *méx* бедных девушек’.

Местоименный бином *déder* как показатель дистанцирования использован в этом примере для противопоставления отчуждаемого объекта присваиваемому: *ничто не может утешить (déder = отвергнутых) девушек*.

Обычно субъективное дистанцирование связано с ситуацией, негативно оцениваемой говорящим. Именно поэтому в датской академической грамматике [16, с. 564] приводятся примеры со сломанным телефоном: *Dender telefon er defekt; Dender telefon her, skulle vi se of få lavet den? Этом (dender = негативная характеристика) телефон, не пора нам его, наконец, починить?* Последний пример интересен тем, что показывает, что субъективное дистанцирование посредством местоимения дальнего дейксиса *dender* возможно и при указании на объективную близость объекта дейксиса (*her* ‘здесь’) к участникам коммуникации.

8. Сочетание лексем дальнего и ближнего дейксиса *det her/ den her/ de her*

Этот тип местоименных дейктических биномов является семантически наиболее многозначным в силу сочетания в нем противоположных пространственных смыслов. Ниже будут проиллюстрированы основные функциональные типы

его использования в прямой речи и в нарративе. Будет показано, что, несмотря на их кажущуюся неоднородность, можно вывести общий прагма-семантический инвариант их значения, который заключается в совместности фокусирования на объекте дейксиса, объединяющей говорящего и других участников коммуникации.

Når der kommer flere børn og ældre, så skal pengene følge med. Og det gør de nu. Det gør de under den her regering. (Statsministerens nytårstale 2022) ‘Когда появляется больше детей и стариков, должно выделяться больше денег. Так и происходит. Так и происходит при этом (*den her*) правительстве’.

Это цитата из новогодней речи премьер-министра Метте Фредериксен, возглавляющей нынешнее социал-демократическое правительство Дании. Вместо возможных вариантов передачи смысла: *den socialdemokratiske regering* ‘социал-демократическое правительство’, *vores regering* ‘наше правительство’, *den nuværende regering*, ‘нынешнее правительство’ – премьер-министр выбирает дейктическое местоимение *den her*.

С одной стороны, такой сложный местоименный дейксис представляет объект отстраненно (*den*), что создает эффект непредвзятости (в отличие от определений *vores* или *den socialdemokratiske regering*), а с другой стороны, приближает объект речи к аудитории (*her*), что создает когортативный эффект совместности восприятия ситуации оратором и его аудиторией.

Коммуникативный эффект совместности рассмотрения объекта говорящим и слушающим можно отметить и в продолжении примера, приведенного нами в разделе 7:

Har du ikke andet tøj end det der, spurgte han da hun var færdig med at spise og pegede på hende. Hun så nedad sig selv. Dether er mit tøj, svarede hun. Jamen har du ikke andet? Til at skifte med? Hun fik det her anstrengte udtryk når der var noget hun ikke forstod. (Niels Jensen. Danske heltesagn, 90) ‘“У тебя нет другой одежды, кроме этой?” – спросил он, когда она закончила есть, указывая на нее. Она посмотрела на себя. “Это (*dether*) – моя одежда”, – ответила она. “Ну, а другой у тебя нет? Чтобы переодеться?” У нее появилось то особое (*det her*) напряженное выражение лица, будто она чего-то не поняла’.

Используя двойной отдаляющий дейксис *det der*, говорящий, как было показано выше, отстраняется от указываемого объекта эмоционально. Его собеседница непонимающе смотрит на свое платье и отвечает: *Dether er mit tøj*. (Слитное написание, по-видимому, используется здесь как речевая характеристика персонажа.) Помимо эффекта противопоставления разной удаленности одного и того же объекта относительно участников

коммуникации, создается эффект отстраненного созерцания ближайшего объекта. Женщина смотрит на свое платье как бы со стороны, глядя на себя глазами своего собеседника.

В противоположность прямой речи, использование аналитического бинома *det her* в авторском нарративе из того же примера, имеет несколько отличную коммуникативную функцию. Оно служит средством визуального приближения к адресату описываемой прошлой ситуации. Адресатом в нарративе является читатель. В роли говорящего выступает автор произведения. Использование *det her* в отношении темпорально отдаленной ситуации (*det*) приближает ее к читателю, позволяет ему “крупным планом” (*her*) представить себе это напряженное выражение непонимания (*det her anstrengte udtryk*) на лице женщины.

При всей специфике использования *det her* применительно к прошлым ситуациям здесь, как и во всех приведенных ранее примерах, сохраняется общий инвариантный смысл — подчеркивание совместности рассмотрения / восприятия / представления объекта (или ситуации) говорящим и адресатом его высказывания. Использование *det her*, *dether* в нарративе о прошлых событиях служит сигналом того, что адресат должен живо представить себе описываемую ситуацию, опираясь на совместные с адресантом знания:

Som sædvanlig greb den roligt fremadskridende rytme ham og lagde sit mønster hen over hans tanker. Sådan skulle man kunne skrive. Begyndelsen måtte være enkel nok. Anrøbelen først, oh, gudinde. Og spørgsmålet om årsagen. Hvorfor forlade det skønne Attika og de fagre piger, samtalen i søjlegangen omkring Agora, druerne og filosoferne? Nåh, jo, der var dether med arveretten til kongedømmet og onkels luskede lokkemad med det gyldne skind. (Per Thygesen Poulsen, *Begyndelsen*, 2000) ‘Как обычно, нарастающий ритм захватил его и наложил на мысли свой узор. Вот так надо писать. Начало должно быть достаточно простым. Сначала возглас: О, богиня! И вопрос о причине: Зачем было оставлять прекрасную Аттику и красивых девушек, разговоры в колоннаде вокруг Агоры, виноград и философов? Ну, конечно, это все из-за наследственного права на трон и дядюшкиной подлой приманки с золотым руном’.

Показательно использование в этом высказывании модальной частицы *jo*, которая, согласно исследованию Э.Б. Крыловой, является “эпистемическим аффирмативом 2 лица”, используемым, “когда говорящий пытается подтвердить достоверность своего высказывания наличием общего для обоих коммуникантов знания” [3, с. 376].

Совместность знания коммуникантов, на которую указывает использование дейктических

биномов типа *det her*, особенно наглядно проявляется в речах политиков, где этот тип указательных местоимений встречается в Корпусе чаще всего. Политики говорят о *den her regering* ‘этом правительстве’, *den her situation* ‘этой ситуации’, *det her land* ‘этой стране’, *det her samfund* ‘этом обществе’, *det her hændelsesforløb* ‘этом развитии событий’, *de her penge* ‘этих деньгах’, *de her ting* ‘этих вещах’, *de her dage* ‘этих дней’ и т.п. И если коммуникативный эффект когортативности знания создается за счет семантики ближнего дейксиса (*her*), то семантика дальнего дейксиса (*den*) либо служит целям объективации позиции говорящего, как в приведенном в начале раздела 8 примере с *den her regering* из речи премьер-министра, либо вносит семантический компонент антипатического отстранения от совместно порицаемого объекта:

“Jeg sidder vel i en halv snes bestyrelser. Desuden tager jeg rundt i fagforeninger og aftenskoler og causerer om min tid som borgmester”. “Der var jo én ting, jeg havde glemt, da jeg sagde ja til alle de her ting. Som overborgmester havde jeg folk til at ordne alt papirarbejdet. Nu må jeg selv agere telefonist, sekretær og arkivar. Det tager vel et par timer af min tid hver eneste dag”, siger Egon Weidekamp. (ВТ 91) ‘Я сижу в дюжине советов. Кроме того, я хожу по профсоюзам и вечерним школам и рассказываю о работе мэра. Была одна вещь, которую я забыл, когда соглашался на все эту (de her) вещи. Как у мэра, у меня были те, кто занимались бумажной работой. Теперь я должен сам быть телефонистом, секретарем и архивариусом. Это занимает пару часов моего времени каждый божий день’, — говорит Эгон Вайдекамп’.

Использование в приведенном высказывании эпистемических частиц *vel* и *jo*, апеллирующих ко 2 лицу, подтверждает, что говорящий призывает адресата разделить с ним порицание “всех этих” отвлекающих типов деятельности (*alle de her ting*).

Как видим, инвариантным значением контекстуальных вариантов употребления дейктических биномов типа *den her* оказывается указание на когортативность — совпадение собственных представлений говорящего об объекте дейксиса, с представлениями его адресата или его аудитории. Таким образом, субъективное приближение объекта дейксиса осуществляется не к фигуре говорящего, а ко всей коммуникативной ситуации, объединяющей автора высказывания и его адресата.

9. Сочетание лексем ближнего дейксиса *dette her/ denne her/ disse her*

Местоимения ближнего дейксиса *dette her*, *denne her*, *disse her* также высоко частотны в речах политиков, привлекающих внимание целевой аудитории к злободневным проблемам и ситуациям:

“*Som ansvarlig politiker kan jeg ikke sidde dette her overhørig. Jeg vil tage kontakt til industriministeren og stille ministeren en række spørgsmål for at finde ud af, hvad vi kan gøre ved det her*”, siger den konservative Flemming Hansen til B.T. Flemming Hansen finder det uacceptabelt, at der stadig hersker usikkerhed omkring Dankortets sikkerhedssystemer, efter at politiet nu har opgivet efterforskningen af 20 uforklarlige Dankort-sager. (BT91) ‘Как ответственный политик, я не могу игнорировать это (**dette her**). Я хочу связаться с министром промышленности и задать министру ряд вопросов, чтобы узнать, что мы можем с этим (**det her**) поделать’, — говорит консерватор Флемминг Хансен в интервью ВТ. Флемминг Хансен считает неприемлемым, что все еще существует неопределенность в отношении систем безопасности карт Данкорт и что полиция прекратила расследование 20 нераскрытых дел злоупотреблений с картами Данкорт’.

Приведенный пример позволяет сравнить употребление *dette her* и *det her* в рамках одного высказывания. Указание на злободневную ситуацию посредством приближающего дейксиса *dette her* предполагает не только ее совместное рассмотрение с адресатом “крупным планом”, но и ее эмоциональную оценку со стороны говорящего, его эмоциональное погружение в ситуацию. Отсюда экспрессивная лексика: *sidde dette her overhørig, uacceptabelt, hersker usikkerhed, uforklarlige sager*. Тогда как практический вопрос *hvad vi kan gøre ved det her* задает более отстраненный, менее предвзятый взгляд, объективирующий ситуацию.

Использование экспрессивно-оценочной лексики является типичным контекстуальным признаком функционирования дейктических биномов ближнего дейксиса, например, *horrible synspunkter* ‘отвратительные взгляды’, *rystende* ‘шокирующий’, *alvorlig afvisning* ‘серьезные опровержения’, *for galt* ‘уж слишком’, *frækhed* ‘нахальство’, *flabet svar* ‘наглый ответ’ из двух следующих примеров:

Vi hørte her en klar støtte til Le Pen, en klar støtte til de højrekræfter, der er, en støtte til, at det, der fremover skal styre, hvis han får noget at skulle have sagt, hvis Dansk Folkeparti, som vi må gå ud fra står bag disse her horrible synspunkter, får noget at skulle have sagt, skal være race og religion. Det skal afgøre, om man kan få dansk statsborgerskab. Det, som er rystende, er, at vi ikke får en alvorlig afvisning fra regeringen af den slags synspunkter (www.folketinget.dk 2002). ‘Мы услышали здесь явную поддержку Ле Пена, явную поддержку правых сил, поддержку того, что отныне религия и раса — если только послушать его, если послушать Датскую народную партию, которая, признаем это, стоит за всеми этими отвратительными взглядами, — должны определять, получит ли человек датское гражданство. Шокирует то, что мы не получаем серьезного опровержения таких взглядов со стороны правительства’.

Анализ употреблений по Корпусу показывает, что именно для биномов ближнего дейксиса более

частотны слитные написания, чем для других типов дейктических биномов. Это может свидетельствовать об их тенденции к лексикализации в качестве своеобразных оценочных прилагательных:

Det er dog for galt. Har man nogensinde kendt mage til frækhed. Her arbejder jeg i 20 år morgen, middag og aften på denneher computer og fodrer den med input og så kommer den med detteher. Detteher flabede svar. (Peter Haugen 1988) ‘Нет, это уж слишком! Вы когда-нибудь видели подобное нахальство! Вот я 20 лет с утра до вечера работаю на этом (*denneher*) <=чертовом> компьютере, кормлю его данными, а потом получаю вот этот (*detteher*) наглый ответ’.

Показательно использование аффирмативной частицы *dog* в последнем примере. Согласно исследованиям Э.Б. Крыловой, эта частица является аффирмативом 1 лица, поскольку с ее помощью “говорящий представляет как достоверную ситуацию, в той или иной степени не соответствующую представленной ранее или предполагаемой им самим” [3, с. 376].

Сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что местоименные биномы ближнего дейксиса в наибольшей степени ориентированы на 1 лицо, обозначая, что указываемый ими объект затрагивает субъективную сферу говорящего, эмоционально вторгаясь в его личное пространство.

10. Сочетание лексем ближнего и дальнего дейксиса *denne der, dette der, disse der*

Сочетание лексем ближнего и дальнего дейксиса *denne der, dette der, disse der* потенциально представляют собой четвертую комбинаторную возможность. Теоретически можно предположить, что такие биномы могут указывать на субъективное приближение объективно удаленного объекта. В Академической грамматике датского языка 2011 вскользь приводятся всего два никак не комментируемых примера [16, с. 564]:

Denneder telefon er defekt ‘этот телефон неисправен’;

Detteder skal du bare lade ligge til senere ‘просто отложи это на потом’.

Однако поиск примеров использования таких дейктических биномов по Корпусу современного датского языка дал неожиданные результаты. В CorpusDK не было зарегистрировано ни единого случая употребления их слитного написания. На запросы результат поиска был одинаков: 0 *forekomster* — ‘0 словоупотреблений’. Что касается отдельного написания, то, на первый взгляд, такие случаи имеются: “*dette der*” — 106 *forekomster*, “*denne der*” — 30 *forekomster*, “*disse der*” — 44 *forekomster*. Однако при сплошной проверке контекстов выяснилось, что везде речь идет

о неснятой омонимии, где *der* является союзом, вводящим придаточное предложение, перед которым может ставиться, а может и не ставиться запятая:

Det er dette, der optager mange af kritikerne. (Mads Jyde 2001) ‘Это то, что беспокоит многих критиков’.

Det er noget andet end dette der får teksten til at leve. (Thomas Bredsdorff, *De sorte huller* 1991) ‘Это нечто иное, не то, что делает текст живым’.

Det var en stil som denne der blev kaldt “hårdkogt” fordi den var rensset for følelsesudtryk fra fortællerens side. (Thomas Bredsdorff, *De sorte huller* 1991). ‘Это был стиль, подобный тому, который называли “крутым”, потому что он был лишен эмоционального выражения со стороны рассказчика’.

Lad vælgerne se, hvor mange indvandrere og flygtninge, der reelt er kommet til landet de sidste 20 år, og hvor mange af disse der fortsat befinder sig i landet. (BT 1990) ‘Пусть избиратели увидят, сколько иммигрантов и беженцев на самом деле приехало в страну за последние 20 лет и сколько из них, кто все еще находится в стране’.

Во всем Корпусе датского языка нами был обнаружен единственный случай, где *denne der* использовался как дейктический бином:

Sig mig engang, piger, betjenten lænede sig ind over det tunge gammeldags skrivebord, da Mulle havde talt færdig, — hvordan fik I penge til at købe mad på denne der Burger-restaurant. Og I har lige fortalt, at I brugte jeres sidste penge på pladsbilletter til Esbjerg? (Hanne Holst, 1986) ‘Скажите-ка мне, девушки, — офицер склонился над массивным старомодным письменным столом, когда Мулле закончила говорить, — откуда у вас были деньги на еду в этом/том Бургер-ресторане? И вы только что сказали мне, что потратили последние деньги на билеты в Эсбьерг?’

Этот единственный на весь Корпус пример не отменяет уверенного вывода об абсолютной непродуктивности этого — четвертого — типа дейктических биномов в современном датском языке, что позволяет нам перейти к общим выводам.

Выводы

Современный датский язык проявляет тенденцию к развитию целостной грамматической системы аналитических показателей, обслуживающих задачи взаимодействия между участниками коммуникации — говорящим (автором речи), адресатом сообщения (слушателем, собеседником) и тем, о чем идет речь (действительностью). Трехчленность модели коммуникативной ситуации проявляется, в частности, в перестройке системы дейктических местоимений датского языка.

Помимо бинарных оппозиций, выражающих объективное (ближайшее vs. удаленное) расположение в физическом пространстве

указываемых предметов относительно говорящего (*denne* vs. *den*; *den her* vs. *den der*), в современном датском языке развивается трехчленная оппозиция, нюансирующая субъективное взаимодействие между тремя участниками коммуникативного акта: говорящим (1 лицо), слушающим (2 лицо) и объектами и ситуациями внешнего мира (3 лицо).

Дейктические биномы, совмещающие аналитические показатели ближнего дейксиса (*denne her*, *dette her*, *disse her*), употребляются в эмоционально окрашенных ситуациях и используются в высказываниях, избылиующих оценочной лексикой и модальными частицами, указывающими на эпистемическую ответственность первого лица. Все это позволяет считать их субъективными маркерами 1 лица, сигнализирующими о проникновении объекта дейксиса в личное пространство говорящего.

Дейктические биномы, совмещающие аналитические показатели дальнего и ближнего дейксиса (*den her*, *det her*, *de her*), употребляются в контекстах, апеллирующих к адресату. Часто это выступления политиков, обращенные к аудитории. В подобных высказываниях употребляются аффирмативные модальные частицы, отсылающие к общим знаниям и представлениям, разделяемым адресатом и адресантом. Все это позволяет считать эти дейктические биномы когортативными — субъективными маркерами 2 лица, сигнализирующими о совместности восприятия объекта дейксиса, общности представлений о нем, совпадении его оценки говорящим и его адресатом.

Дейктические биномы, совмещающие аналитические показатели дальнего дейксиса (*den der*, *det der*, *de der*), употребляются в контекстах, указывающих либо на негативно оцениваемый и субъективно отстраняемый объект, либо на отчуждаемый объект. Тем самым объект дейксиса выводится за рамки личного пространства говорящего и пространства коммуникации, что соответствует коммуникативной функции 3 лица.

Поскольку поиск по Корпусу сочетаний морфем ближнего и дальнего дейксиса *dette der/ denne der/ disse der/ detteder/ danneder/ disseder* дал нулевой результат, мы делаем вывод о том, что парадигма выражения субъективного отношения говорящего к объекту дейксиса в современном датском языке представлена тремя рядами:

Таким образом, парадигма дейктических биномов датского языка категоризирует три “пространственных пояса” — личное пространство

	Субъективное приближение объекта	Когортативное фокусирование на объекте	Субъективное отдаление объекта
Общий род	<i>denne her</i>	<i>den her</i>	<i>den der</i>
Средний род	<i>dette her</i>	<i>det her</i>	<i>det der</i>
Мн. число	<i>disse her</i>	<i>de her</i>	<i>de der</i>

говорящего (1 л.), совместное пространство коммуникации, разделяемое с адресатом (2 л.), внешнее “чужое” пространство, в которое говорящий субъективно отстраняет порицаемые или отчуждаемые объекты дейксиса (3 л.).

Субъективная оценочность, присутствующая в дейктических биномах, способствует их лексикализации, что отражается в пока еще не частой возможности их слитных написаний (*denneher*, *denher*, *dender* и т.п.). В перспективе это может сблизить их с оценочными прилагательными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1993.
2. Рассел Б. Исследования значения и истины / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
3. Крылова Э.Б. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. М.: МАКС Пресс, 2021.
4. Никуличева Д.Б. Грамматические средства перспективизации события в датском языке // Вестник МГЛУ. 2020. Вып. 5 (834). С. 183–198.
5. Никуличева Д.Б. Антропоцентрированная организация пространства средствами датских пространственных наречий в зеркале перевода // Гуманитарный полилог, сборник статей к юбилею проф. Е.М. Чекалиной. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 180–191.
6. Бенвенист Э. О субъективности в языке // Общая лингвистика. Глава XXIII / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1974.
7. *Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik. Band 2. Ord. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999.
8. Чекалина Е.М. Субъективный и объективный взгляд на вещи в зеркале шведского языка // Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности. М.: РГГУ, 2008. С. 268–293.
9. Чекалина Е.М. Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ. М.: МАКС Пресс, 2017.

10. *Durst-Andersen P.* De danske sprogs mange stemmer // *Sproglig polyfoni. Tekster om Bachtin og ScaPoLine.* Rita Therkelsen et al. (red.). Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 2007. S. 163–180.
11. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Избранные труды: В 2 т. Т. II.* М.: Языки русской культуры, 1995. С. 629–650.
12. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.
13. *Болдырев Н.Н.* Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания // *Когнитивные исследования языка. Вып. XXXII.* 2018. С. 26–35.
14. *Матвеев С.А.* Вся испанская грамматика за 4 недели. М.: Астрель, 2011.
15. *Напольнова Е.М.* Пространственные и временные отношения в лексической семантике современного турецкого языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы. М., 2022.
16. *Hansen E., Heltoft L.* Grammatik over det danske sprog. Bd. 1–3. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. Odense: Syddansk Universitetsforlag, 2011.
17. KorpusDK – ordnet.dk

REFERENCES

1. Bühler, K. *Teoriya yazyka. Rerezentativnaya funkciya yazyka* [Theory of Language. The Representative Function of the Language. Translated from German]. Moscow, Progress Publ., 1993. (In Russ.)
2. Russell, B. *Issledovaniya znacheniya i istiny* [Studies of Meaning and Truth. Translated from English]. Moscow, Idea-Press, Intellectual Book House Publ., 1999. (In Russ.)
3. Krylova, E.B. *Kommunikativnye funkcii modalnyh chastic v datskom yazyke* [Communicative Functions of Modal Particles in the Danish Language]. Moscow, MAX Press Publ., 2021. (In Russ.)
4. Nikoulitcheva, D.B. *Grammaticheskie sredstva perspektivizatsii sobytiya v datskom yazyke* [Grammatical Means of Perspectivization of Events in the Danish Language]. *Vestnik MGLU* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University]. 2020, Vol. 5, pp. 183–198. (In Russ.)

5. Nikoulitcheva, D.B. *Antropocentrirovannaya organizatsiya prostranstva sredstvami datskih prostranstvennyh narechij v zerkale perevoda* [Anthropocentric Organization of Space by Means of Danish Spatial Adverbs in the Mirror of Translation]. *Gumanitarnyj polilog, sbornik statej k yubileyu prof. E.M. Chekalinoj* [Humanitarian Polylogue, Collection of Articles for the Anniversary of Prof. E.M. Chekalina]. Moscow, MAX Press Publ., pp. 180–191. (In Russ.)
6. Benveniste, E. *O subjektivnosti v yazyke* [On Subjectivity in Language]. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics. Chapter XXIII. Transl. fr. French]. Moscow, Progress Publ., 1974. (In Russ.)
7. *Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik. Band 2. Ord. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999. (In Swedish)
8. Chekalina, E.M. *Subjektivnyj i objektivnyj vzglyad na veshchi v zerkale shvedskogo yazyka* [Subjective and Objective View of Things in the Mirror of the Swedish Language]. *Shvedy. Sushchnost i metamorfozy identichnosti* [The Swedes. The Essence and Metamorphoses of Identity]. Moscow, RSUH Publ., 2008, pp. 268–293. (In Russ.)
9. Chekalina, E.M. *Semanticheskie aspekty shvedskoj grammatiki: sistemno-funkcionalnyj i sopostavitelno-tipologicheskij analiz* [Semantic Aspects of Swedish Grammar: System-Functional and Comparative-Typological Analysis]. Moscow, MAX Press Publ., 2017. (In Russ.)
10. *Durst-Andersen P.* De danske sprogs mange stemmer. Sproglig polyfoni. Tekster om Bachtin og ScaPoLine. Rita Therkelsen et al. (red.). Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 2007. S. 163–180. (In Danish)
11. Apresyan, Yu.D. *Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira* [Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world]. *Izbrannye trudy: V 2 t. T. II* [Selected Works: In 2 Vols. Vol. II]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1995, pp. 629–650. (In Russ.)
12. Yakovleva, E.S. *Fragmenty russkoj yazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian Language Picture of the World (Models of Space, Time and Perception)]. Moscow, Gnosis Publ., 1994. (In Russ.)
13. Boldyrev, N.N. *Antropocentrizm prostranstva i vremeni kak form yazykovogo soznaniya* [Anthropocentrism of Space and Time as Forms of Linguistic Consciousness]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXII* [Cognitive Studies of Language. Issue XXXII]. 2018, pp. 26–35. (In Russ.)
14. Matveev, S.A. *Vsya ispanskaya grammatika za 4 nedeli* [The Whole Spanish Grammar in 4 Weeks]. Moscow, Astrel Publ., 2011. (In Russ.)
15. Napolnova, E.M. *Prostranstvennyye i vremennyye ot-nosheniya v leksicheskoy semantike sovremennogo tureckogo zyka* [Spatial and Temporal Relations in the Lexical Semantics of the Modern Turkish Language. Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Philology in the Specialty 10.02.22 Languages of the Peoples of Foreign Countries of Europe]. Moscow, 2022. (In Russ.)
16. *Hansen E., Heltoft L.* Grammatik over det danske sprog. Bd. 1–3. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. Odense: Syddansk Universitetsforlag; 2011. (In Danish)
17. KorpusDK – ordnet.dk

Дата поступления материала в редакцию: 14 апреля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 апреля 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.

Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on April 14, 2022

Revised on April 25, 2022

Accepted on April 29, 2022

Date of publication: June 30, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020762-4

“Радуюсь за ваши успехи вокруг Фонтана...”: Три письма из архивов Г.О. Винокура и Б.В. Томашевского

© 2022 г. А. В. Маньковский

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Отдела литературоведения
Института научной информации по общественным наукам РАН,
Россия, 117418, Москва, Нахимовский просп., д. 51/21
arkadymankovsky@yandex.ru

© 2022 г. Е. А. Амитина

Филолог,
выпускница МГУ им. М.В. Ломоносова,
независимый исследователь,
Россия, 127422, Москва, Тимирязевская ул., д. 10/12, кв. 70
sat-owk@yandex.ru

Резюме. Впервые публикуемые два письма Г.О. Винокура и письмо Б.В. Томашевского за февраль 1936 г. представляют собой цельный эпизод из переписки ученых (1927–1947): в нем нет лакун, которых множество в остальных частях переписки. Указанное обстоятельство позволяет восстановить фрагмент эпистолярного диалога между ними в полном объеме. Одна из главных тем, обсуждаемых в письмах, – работа по подготовке произведений Пушкина для четвертого тома академического Полного собрания его сочинений (1937–1959): Винокура – по комментированию “Бахчисарайского фонтана”, Томашевского – “Гавриилиады”. Тексты обоих комментариев, так же как и комментарий Винокура к “Цыганам” для того же тома, остались неопубликованными из-за неблагоприятных внешних обстоятельств, однако если Томашевский успел высказать свои идеи в других работах (он прожил дольше Винокура), то многие открытия Винокура остались достоянием домашнего архива, пушкинистам нового поколения пришлось делать их заново. Долгое время считалось, что комментарии ученого к названным поэмам Пушкина утрачены, однако они сохранились; авторы привлекают фрагменты комментария Винокура к “Бахчисарайскому фонтану” для комментирования самих писем ученых, а также сложившейся в науке ситуации. В письмах обсуждаются работы и для других томов академического собрания сочинений, а также для “Временника Пушкинской комиссии”, других изданий; новости науки и культуры – всё это складывается в широкую картину жизни ученых в критическое для страны и гуманитарной науки время.

Ключевые слова: Г.О. Винокур, Б.В. Томашевский, Пушкин, “Бахчисарайский фонтан”, юбилейное академическое издание Пушкина (1937–1959), 1936 год, эпистолярное наследие.

Для цитирования: “Радуюсь за ваши успехи вокруг Фонтана...”: Три письма из архивов Г.О. Винокура и Б.В. Томашевского / Предисл., публ., подгот. текстов и примеч. А.В. Маньковского и Е.А. Амитиной // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 104–124. DOI: 10.31857/S160578800020762-4

“I’m Happy for Your Progress in Connection with the *Fountain*...”
(Three Letters from the Archives of G.O. Vinokur and B.V. Tomashevsky)

© 2022 Arkady V. Mankovsky

Cand. Sci. (Philol.),
 Senior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences
 of the Russian Academy of Sciences,
 51/21 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russia
 arkadymankovsky@yandex.ru

© 2022 Elena A. Amitina

Philologist,
 A graduate of M.V. Lomonosov Moscow State University,
 Independent Researcher,
 10/12 Timiryazevskaya Str., apart. 70, Moscow, 127422, Russia
 sat-owk@yandex.ru

Abstract. The two letters of G.O. Vinokur and the letter of B.V. Tomashevsky of February 1936 offered here for their first publication represent an integral episode from the correspondence of these scholars (1927–1947): there are no gaps in it, which are numerous in other parts of the correspondence. One of the main topics discussed in the letters is the commentary for the fourth volume of the Academic Complete Collection of Pushkin’s Works (1937–1959): Vinokur commented on *the Fountain of Bakhchisarai*, Tomashevsky – on *Gavriliada*. The texts of both commentaries, as well as Vinokur’s commentary on *Gypsies* for the same volume, remained unpublished due to unfavorable external circumstances; however, if Tomashevsky managed to express his ideas in other works (he lived longer than Vinokur), then many of Vinokur’s discoveries remained the property of the home archive, the Pushkinists of the new generation had to make them anew. For a long time, it was believed that the scholar’s commentaries on these poems by Pushkin were lost, but they were preserved; the authors draw on fragments of Vinokur’s commentary on *the Fountain of Bakhchisarai* to comment on the letters of the scholars themselves, as well as the situation that has developed in scholarship. The letters also discuss works for other volumes of the academic edition, as well as for the *Annals of the Pushkin Commission* and other publications; news of science and culture — all this adds up to a broad picture of the life of scholars in a difficult time for the country and the humanities.

Key words: G.O. Vinokur, B.V. Tomashevsky, Pushkin, *The Fountain of Bakhchisarai*, Pushkin’s Academic Jubilee Edition (1937–1959), 1936, epistolary heritage.

For citation: “*Raduyus’ za vashi uspekhi vokrug Fontana...*”: *Tri pis'ma iz arkhivov G.O. Vinokura i B.V. Tomashevskogo* [“I’m Happy for your Progress in Connection with the *Fountain*...”. (Three Letters from the Archives of G.O. Vinokur and B.V. Tomashevsky)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriiâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 104–124. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020762-4

Нельзя сказать, что хранящаяся в НИОР РГБ и РГАЛИ переписка Г.О. Винокура (1896–1947) и Б.В. Томашевского (1890–1957) совсем не известна исследователям. Так, М.И. Шапир в примечании к работе [1] публикует фрагмент письма Винокура Томашевскому от 4 декабря 1945 г. из Москвы в Ленинград, где Винокур упоминает о своем выступлении на вечере памяти Хлебникова (29 ноября 1945 г., в Музее Маяковского), которым, как он говорит, “умилил <...> Реформатского и Шкловского — последнее было для меня вовсе¹

неожиданно”². О.В. Никитин в предисловии к своей недавней публикации писем из архива Б.В. Томашевского приводит отрывки и из нескольких писем Г.О. Винокура к нему (от 13 октября 1933 (?) г.³, от 17 ноября и от 15 декабря 1946 г.), а также

² НИОР РГБ. Ф. 645 (Б.В. Томашевский). Карт. 35. Ед. хр. 77. Л. 12. См.: [1, с. 795 (примеч. 31)]. Дата юбилейного заседания (“вечера”) в музее В.В. Маяковского приведена там же [1, с. 197].

³ У О.В. Никитина датировка приблизительна: “...предположительно в 1935–1936 годах” [2, с. 62]. Обширный фрагмент из этого письма приводится и в более ранней работе, на которую О.В. Никитин здесь же дает ссылку: [3, с. 7]. В ней опубликован также фрагмент из письма Винокура от 19 марта 1937 г., см.: [3, с. 8].

¹ У М.И. Шапира: в двое.

из письма Винокура к И.Н. Медведевой-Томашевской (“предположительно конца 1930–1940-х гг.”) [2, с. 63]⁴.

О.А. Проскурин опубликовал отрывки из двух писем рассматриваемой переписки: одно — Винокура от 30 декабря (без года; по мнению исследователя, 1940 г.; речь, как представляется, может идти и о 1939 г.)⁵, другое — Томашевского, недатированное и неотправленное⁶. Опубликованные О.А. Проскуриным фрагменты писем относятся к одному и тому же “сюжету” переписки⁷, связанному с работой по установлению текста и комментированию “Бахчисарайского фонтана” Пушкина, которой в 1930-е годы был занят Винокур, а в 1950-е — Томашевский; этот “сюжет” имеет непосредственное отношение и к данной публикации, поэтому остановимся на нем подробнее.

В первом из писем, откликаясь на несохранившееся письмо Томашевского, в котором тот, очевидно, указывает “на связь Б.Ф. с Аб<идосской> невестой”⁸ Байрона, Винокур цитирует “по рукописи” свой комментарий к “Бахчисарайскому фонтану”, который к тому времени уже “несколько лет”⁹ пролежал в его архиве. Вот этот фрагмент, дважды (в разных публикациях) приведенный О.А. Проскуриным: «К апрелю 1821 г. относится черновик стихотворения “Кто видел край...”. По сопоставлению с началом “Аб<идосской> н<евесты>” Байрона, к-рым навеяны эти стихи (см. об этом ниже)¹⁰, можно высказать предположение, что они были задуманы Пушкиным как лирическое вступление к этой новой поэме. Впоследствии тема этого стихотворения повторена в заключительных стихах Б.Ф.»¹¹. Далее в пись-

ме, которое цитирует (а в другом месте — почти полностью публикует) Проскурин, Винокур высказывает предположение, что «этот замысел сменился замыслом иного лирического вступления, тоже 5<->стопным ямбом, т.е. “Там некогда, мечтаньем упоенный”, к-рый я датируемаем — июнем 1821 г.»¹².

О.А. Проскурин утверждает, что «в настоящее время он (комментарий Г.О. Винокура к “Бахчисарайскому фонтану”. — А.М., Е.А.), по-видимому, утрачен: в РГАЛИ (Ф. 2164) сохранились лишь разрозненные его фрагменты, а также цикл из трех заметок “Из комментария <так!> к Пушкину”, две из которых связаны с БФ (1945; предназначались для сборника в честь А.И. Белецкого, не вышедшего в свет)» [4, с. 254].

В следующей по времени работе — [5]¹³ — О.А. Проскурин приводит сохранившееся в фонде Винокура оглавление его монографии “Очерки текстологии и языка Пушкина”, защищенной в 1942 г. “в качестве докторской диссертации”, куда отдельными пунктами, как известно, вошли главы о “Бахчисарайском фонтане” и “Цыганах”; при этом исследователь отмечает: «...почти все разделы диссертации были напечатаны при жизни Винокура в виде статей и комментариев. <...> На этом фоне бросается в глаза одна заметная лакуна: разделы, посвященные тексту и истории создания “Бахчисарайского фонтана” и “Цыганов”, до нас не дошли» [5, с. 37]. Перечисляя далее вехи основных пушкинских работ Винокура («Винокур принял самое активное участие в подготовке собраний сочинений Пушкина — сначала для издательства “Academia”, а потом для академического Полного собрания сочинений. Для последнего Винокур подготовил текст “Бориса Годунова” и двух южных поэм» [там же]), исследователь подытоживает: «Вполне завершённые комментарии Винокура к подготовленным им поэмам остались неопубликованными. <...> Где сейчас эти комментарии — неизвестно. В архиве Винокура в РГАЛИ сохранились только транскрипции черновиков обеих поэм, подготовительные выписки из разных источников (например, из поэм Боброва), разрозненные фрагменты текстологической части комментария к “Бахчисарайскому фонтану” (причем, судя по ряду признаков, относящиеся к разным стадиям работы) и буквально клочки комментария к “Цыганам”».

⁴ Строчкой из письма Винокура от 17 ноября 1946 г. названа и вся публикация 2021 г., см.: [2, с. 57, 63].

⁵ См.: [4, с. 255] (приведен фрагмент); [5, с. 38–39] (приведено письмо без четырех заключительных предложений, подписи-автографа и приписки в шесть предложений).

⁶ Хранится в архивном фонде отправителя: НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 39. Ед. хр. 45. Л. 1–1 об. Фрагмент опубликован: [4, с. 308]. См. о нем далее.

⁷ Нами был сделан доклад «“Сюжеты” переписки Г.О. Винокура и Б.В. Томашевского (1927–1947)» на конференции Центра теории текста и лингвистического обеспечения коммуникации, РГГУ (Москва, 18–19 нояб. 2021 г.). Статья по докладу будет опубликована: [6].

⁸ НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 35. Ед. хр. 77. Л. 6.

⁹ Там же.

¹⁰ Далее в письме следует пояснение: «“Ниже”, т.е. в отделе лит. параллелей, я привожу байроновские тексты и т.д.» (НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 35. Ед. хр. 77. Л. 6; опубликован: [5, с. 39]).

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 35. Ед. хр. 77. Л. 6. См. также: [4, с. 255] (приведено с небольшой купюрой); [5, с. 38].

¹² НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 35. Ед. хр. 77. Л. 6. См.: [4, с. 255]; [5, с. 38].

¹³ Здесь О.А. Проскурин, в частности, публикует названный им в предыдущей работе цикл из трех заметок Винокура “Из комментариев <так!> к Пушкину” [5, с. 47–54].

На одной из сохранившихся машинописных страниц с фрагментом историко-литературного комментария к "Бахчисарайскому фонтану" представлен порядковый номер 97; это дает некоторое представление об объеме утраченного труда» [5, с. 37–38].

Эти подробные, основательные рассуждения исследователя, много сделавшего для восстановления справедливости в отношении памяти Г.О. Винокура как пушкиниста, установления его приоритета в ряде открытий, наблюдений, прочно вошедших в золотой фонд пушкинистики, — эти рассуждения тем не менее озадачивают. Дело в том, что комментарий Винокура к "Бахчисарайскому фонтану", так же как и его комментарий к "Цыганам", сохранился, причем не в набросках и фрагментах, а в своем полном, можно сказать, окончательном виде (машинопись с многочисленными исправлениями, вставками). И находится он в том самом фонде Винокура в РГАЛИ, на который О.А. Проскурин неоднократно ссылается. В комментарии к поэме действительно, по-видимому, около пяти авторских листов, даже больше¹⁴ (104 с. машинописи, через один интервал, — по авторской нумерации, без учета рукописных вставок, и 182 л. — по архивной нумерации, с их учетом).

Так, "автоцитата из неопубликованного комментария к БФ в письме Г.О. Винокура Б.В. Томашевскому от 30 декабря [1940]" [4, с. 255], которая приведена выше, легко идентифицируется как место из раздела 4 комментария Винокура к поэме, озаглавленного "История создания" (приведем несколько более обширный фрагмент по рукописи РГАЛИ): «История замысла Б.Ф. на основании предыдущего¹⁵ представляется в следующем виде. Пребывание в Каменке пробудило в Пушкине крымские впечатления и, возможно, напомнило ему самую тему, связанную с "Фонтаном слез". В письмах, писанных в конце марта 1821 г., находим свидетельства того, что Пушкин думает о новой поэме, "переваривая

воспоминания"¹⁶. К апрелю 1821 г. относится черновик стихотворения "Кто видел край, где роскошью природы" (*ЛБ* 65¹⁷, л. 25). По сопоставлению с началом "Абидосской невесты" Байрона, которым навеяны эти стихи (см. об этом ниже)¹⁸, можно высказать предположение, что они были задуманы Пушкиным как лирическое вступление к этой новой поэме. Впоследствии тема этого стихотворения повторена в заключительных стихах Б.Ф. Далее у Пушкина возникает другой замысел лирического вступления — набросок на л. 39 об. тетради *ЛБ* 65, сделанный по-видимому в мае или июне 1821 г.: "Там некогда, мечтаньем упоенный"¹⁹. Вероятно к августу того же года относятся наброски начала Б.Ф., находящиеся на лл. 48 об., 49 об. и 50²⁰. Этими набросками на первых порах дело по-видимому и ограничилось, так как продолжение черновиков Б.Ф., находящееся на лл. 20–29 тетради *ЛБ* 66²¹, несомненно относится к более позднему времени"²².

Надо заметить, что весь фрагмент комментария, приводимый Винокуром в письме к Томашевскому ("К апрелю 1821 г. <...> повторена в заключительных стихах Б.Ф.", а также слова "Далее у Пушкина возникает другой замысел лирического вступления —"), представляет собой рукописную вставку²³ на полях ("подклейку") в машинописный текст, однако эта вставка ничем не отличается (ни по характеру почерка,

¹⁶ В кавычки взята измененная цитата из письма Пушкина к Дельвигу от 23 марта 1821 г.: "<...> я перевариваю воспоминания; и надеюсь набрать вскоре новые <...>" (цит. по: Винокур Г.О. "Бахчисарайский Фонтан": [комментарий]. Л. 100).

¹⁷ "Автографы в тетради № 2365 Всесоюзной Публичной Библиотеки им. В.И. Ленина в Москве" (Винокур Г.О. "Бахчисарайский Фонтан": [комментарий]. Л. 56. Раздел "Источники текста" (подраздел: "Рукописные")). Ныне: ПД № 831.

¹⁸ Отсылка к с. 101–102 параграфа III ("Восточные поэмы Байрона") раздела 7 ("Материалы") комментария, см.: Винокур Г.О. "Бахчисарайский Фонтан": [комментарий]. Л. 178–179.

¹⁹ Полу жирным шрифтом выделено место, процитированное и частично пересказанное в письме к Томашевскому (см. выше).

²⁰ Курьезно, что Анненков, впервые опубликовавший несколько строк из отрывка, находящегося на л. 50: "Один в своих чертогах он", не узнал в этих строках начала Б.Ф. и отнес их к наброскам "адской поэмы" — "В Геенне праздник". См. П. Анненков, А.С. Пушкин в Александровскую эпоху, СПб., 1874, стр. 176. — Примеч. Г.О. Винокура.

²¹ "Автографы в тетради № 2366 Всесоюзной Публичной Библиотеки им. В.И. Ленина в Москве" (Винокур Г.О. "Бахчисарайский Фонтан": [комментарий]. Л. 56). Ныне: ПД № 832.

²² Винокур Г.О. "Бахчисарайский Фонтан": [комментарий]. Л. 102–103.

²³ 9,5 строк.

¹⁴ О.А. Проскурин в работе 2016 г. приводит слова Р.М. Цейтлин, которая в ст. "Г.О. Винокур — пушкинист" [7, с. 240] упоминает "шесть авторских листов комментария к 'Бахчисарайскому фонтану' и три листа комментария к 'Цыганам'" [5, с. 37]. См. об этом также в публикуемых ниже письмах.

¹⁵ До этого Винокур приводит "эпистолярные и мемуарные данные о работе Пушкина над Б.Ф." (Винокур Г.О. "Бахчисарайский Фонтан": [комментарий] // РГАЛИ. Ф. 2164 (Г.О. Винокур). Оп. 2. Д. 2. Л. 96–102).

ни по виду чернил) от других подобных вставок, которых множество, так что в ее аутентичности сомневаться не приходится.

Еще один фрагмент комментария Винокура — об отсутствующих в черновиках Пушкина 79 стихах, между стихами 87 и 166 окончательного текста поэмы («Такой отрывок несколько длинен <...> были заняты черновым текстом, соответствующим ст. ст. 88–165 окончательного текста, исключая “Татарскую песню”»), цитируемый Проскуриным с купюрами, по сохранившимся отрывочным записям²⁴, полностью, хоть и с незначительными отличиями, вошел в окончательный текст²⁵. Соответствует, с небольшими отличиями, окончательному варианту и приводимое по “разрозненным фрагментам” рассуждение Винокура об остающемся в черновиках Пушкина “очень большом пробеле, приблизительно в 250 стихов, заключающем в себе всю центральную часть поэмы и ее сюжетное ядро”²⁶. При этом фраза, оставшаяся незаконченной в набросках Винокура и домысленная О.А. Проскуриным: «“Чем были заняты эти выданные листы и где Пушкин писал центральную часть Б.Ф. — остается пока <неясно?>” (РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 26; лист с окончанием фразы утрачен)» [4, с. 258], получает завершение в окончательном тексте комментария: “Чем были заняты эти выданные листы и где Пушкин писал центральную часть Б.Ф. — остается неизвестным”²⁷.

В тексте Винокура, не обнаруженном О. Проскуриным, легко находятся и другие обязательные для комментария к “Бахчисарайскому фонтану” рубрики — такие как “автобиографические стихи” Пушкина (так называемый “любовный бред”), не печатавшиеся в прижизненных изданиях²⁸, или эпиграф из Саади, выпавший из последнего прижизненного издания 1835 г.²⁹ С последним “микросюжетом” связано еще одно письмо, точнее — черновик неотправленного письма Томашевского Винокуру, отрывок из которого также приводит О. Проскурин, относя его,

предположительно, к 1946 г.³⁰: это письмо, по словам самого Томашевского, содержит “разрешение вопроса” об эпиграфе; та же тема, менее детально, на взгляд О. Проскурина, развита потом в работе Томашевского, вышедшей уже после смерти Винокура³¹.

Как могло случиться, что известный исследователь, работая в архиве, не заметил текста комментариев Винокура к обоим южным поэмам Пушкина? Ссылки на архивные материалы, судя по шифрам, даются по описи 1 фонда Винокура в РГАЛИ, в то время как полные тексты комментариев к южным поэмам отражены в описи 2, которая была заведена несколько позднее³², поскольку архив, как часто бывает, передавался наследниками на государственное хранение по частям. Предполагаем (впрочем, без достаточных оснований), что исследователь работал с архивом еще до того, как материалы, отраженные во второй описи, были туда переданы, или до того, как они прошли стадию научного описания и были предоставлены в общее пользование. Позднее, когда О.А. Проскурин готовил публикацию (2016 г.), он понадеялся на свои старые записи, которые его подвели³³.

То же самое касается и комментария к “Цыганам” — он также сохранился³⁴.

Особый вопрос для исследования представляет собой возможность отыскать в архивах след диссертации Винокура, куда в качестве составных частей вошли его комментарии к обоим южным поэмам Пушкина, так как книга “Очерки текстологии и языка Пушкина” издана не была. В этом плане можно утверждать: предположение О.А. Проскурина о том, что «Томашевскому, по-видимому, так и не довелось прочесть винокуровский комментарий к “Бахчисарайскому фонтану” целиком» [5, с. 39], — ошибочно. Опубликованный в том же 2016 г. отзыв

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 25. См.: [4, с. 257–258].

²⁵ См.: Винокур Г.О. “Бахчисарайский Фонтан”: [комментарий]. Л. 60. Начало и конец фрагмента процитированы выше по этому источнику.

²⁶ Там же. Л. 61.

²⁷ Винокур Г.О. “Бахчисарайский Фонтан”: [комментарий]. Л. 61–62.

²⁸ Ср.: [4, с. 260–262 и сл.]; Винокур Г.О. “Бахчисарайский Фонтан”: [комментарий]. Л. 77–79, 81.

²⁹ Ср.: [4, с. 306–308]; Винокур Г.О. “Бахчисарайский Фонтан”: [комментарий]. Л. 82–83, 85.

³⁰ См.: [4, с. 308].

³¹ См.: [8, кн. 1, с. 505–506]; [4, с. 308].

³² “В данную опись вошли материалы, поступившие в РГАЛИ в 2000 г. от С.В. Киселева (зятя Г.О. Винокура)”, как значится в описи 2 (РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 2. С. 2). Эта опись составлена 10 апреля 2009 г., утверждена 10 июня 2009 г.

³³ Следует прибавить, что своей осведомленностью относительно нахождения комментария Винокура в его архиве публикаторы обязаны любезности проф. С.И. Гиндина, предоставившего им в свое время ксерокопию этого комментария.

³⁴ См.: Винокур Г.О. “Цыганы”: [комментарий] // РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 2. Д. 2. Л. 12–54.

Томашевского о диссертации Винокура [9]³⁵ доказывает противоположное.

Начальные страницы "Отзыва" Томашевского (см.: [9, с. 110–113]) посвящены разбору первой главы диссертации — исследованию о тексте и происхождении "Бахчисарайского фонтана" [9, с. 110]. В нескольких местах этой части отзыва Томашевский, в соответствии с требованиями жанра, дает ссылки непосредственно на текст разбираемой диссертации.

Так, в частности, рецензент делает замечание, что «нельзя было только вскользь упомянуть "вопрос о присутствии в 'Бахчисарайском фонтане' реального исторического фона" (стр. 93)» [9, с. 112]. На с. 93 текста комментария Винокура к "Бахчисарайскому фонтану" (л. 169 по архивной нумерации) находим слова, заключенные Томашевским в кавычки, в следующем контексте: «Упомянутой выше работой Н. Свирина³⁶ поставлен вопрос о присутствии в Б.Ф. реального исторического фона. Но повидимому изображение Гирея и татар в виде мрачных хищников, отвечавшее господствовавшей идеологии пушкинского времени³⁷, в Б.Ф. является в большей степени данью поэтике "байронической поэмы", чем результатом желанья сообщить реальный исторический фон "гаремной трагедии"³⁸. В другой отсылке Томашевского к тексту диссертации речь заходит об уже упоминавшемся выше стихотворении Пушкина "Кто видел край...": «Очень остроумна догадка о том, что стихотворение "Кто видел край..." предназначено было служить введением к поэме (стр. 101–102)» [9, с. 113]. В соответствующем месте комментария Винокура читаем: «Это соображение³⁹ следует дополнить указанием

³⁵ Черновой вариант отзыва (с большими пропусками) хранится в: НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 19. Ед. хр. 16. Машинопись. 16 л.

³⁶ Пушкин и Восток, Знамя 1935, № 4, стр. 213. — *Примеч. Г.О. Винокура*.

³⁷ Критик "Новостей литературы" (1824, № XII, 179), выписав стихи 18–25 поэмы, замечал: "Прочитав сии стихи, мы имеем уже достаточное понятие о нравах хищных татар, о политических отношениях Крыма к соседственным государствам... Вся история татарских набегов заключена в сем отрывке". — *Примеч. Г.О. Винокура*.

³⁸ Винокур Г.О. "Бахчисарайский Фонтан": [комментарий]. Л. 169–171.

³⁹ О том, что «заключительная пейзажная часть Б.Ф. представляет собой такой же "описательный каталог", как начало "Гяура" или вступительная глава "Абидосской невесты"» (*Винокур Г.О. "Бахчисарайский Фонтан": [комментарий]. Л. 178*). В тексте Винокура, в свою очередь, даны отсылки к книгам В.М. Жирмунского "Байрон и Пушкин" (Л.: Academia, 1924) и А.И. Незеленова "Александр Сергеевич Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности (1799–1826)" (СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1882).

на то, что заключительный пейзаж Б.Ф. вырос из стихотворения 1821 г. "Кто видел край, где роскошью природы", которое очень близко напоминает вступление к "Абидосской невесте", как по своему жанру, так и в особенности по начальным словам <...>⁴⁰,⁴¹.

Очевидно, что замечание О.А. Проскурина о том, что "сведения, сообщенные ему (Томашевскому. — А.М., Е.А.) в письме Винокура, он не только принял во внимание, но даже обнаружил" [5, с. 39], нуждается в уточнении; "выводы Г.О. Винокура, с которыми тот эпистолярно познакомил Томашевского" [там же], последний мог почерпнуть непосредственно из их первоисточника — комментария Винокура к "Бахчисарайскому фонтану", с которым Томашевский был хорошо знаком, как показывает его цитированный выше "Отзыв о диссертации Г.О. Винокура".

Отметим как важное: из этих ссылок Томашевского на текст диссертации Винокура можно, как минимум, заключить, что текст комментария к "Бахчисарайскому фонтану" вошел в состав диссертации практически в том виде, в каком он сохранился в архивном фонде Винокура в РГАЛИ⁴².

Нет сомнения, что текст комментария Винокура к обеим южным поэмам заслуживает полной публикации, хотя, конечно, практически все наблюдения, открытия, по крайней мере в том, что касается комментирования "Бахчисарайского фонтана" (и О.А. Проскурина убедительно это показывает), были "повторены" пушкинистикой с тех пор; такая публикация, возможно, будет иметь лишь историческое, хотя и очень важное значение.

К рассмотренному "сюжету", как сказано, прямое отношение имеют и публикуемые ниже письма, первое из которых написано Винокуром, по-видимому, вскоре после окончания работы над комментарием к "Бахчисарайскому фонтану" для четвертого тома юбилейного Полного

⁴⁰ Далее приводятся шесть стихов из "Абидосской невесты" Байрона ("Know ye the land where the cypress and myrtle..." и т.д.) и перевод этого места И.И. Козловым.

⁴¹ Винокур Г.О. "Бахчисарайский Фонтан": [комментарий]. Л. 178–179.

⁴² Отметим также, что текст докторской диссертации Винокура, первые главы которой составили комментарии к обеим поэмам, сохранился и в собрании С.М. Бонди, см.: Винокур Г.О. Очерки истории текста и языка Пушкина. Исследование. Часть I. Глава 1. Текст и литературная история "Бахчисарайского фонтана" // РГАЛИ. Ф. 3281 (С.М. Бонди). Оп. 1. Ед. хр. 446. Л. 1–114; Глава 2. Текст и история создания "Цыганов", "Монолог Алеко" // Там же. Ед. хр. 447. Л. 1–47.

собрания сочинений Пушкина (Издательство АН СССР, 1937–1959), о чем Винокур и сообщает своему корреспонденту (см. письмо от 17 февраля 1936 г.). О нем, а также о комментарии Томашевского к “Гавриилиаде” для того же издания, над которым последний работает в это же время, идет речь и в следующих письмах: ответном письме Томашевского — от 21 февраля 1936 г. и новом письме Винокура — от 22 февраля 1936 г. Таким образом, здесь мы видим зачин того “сюжета” переписки, связанного с подготовкой произведений Пушкина (в частности, его южных поэм) для юбилейного издания его сочинений, о завершающих стадиях которого (по крайней мере, в той части, которая касается “Бахчисарайского фонтана”) говорилось выше.

Речь в публикуемых письмах, разумеется, идет не только об этом — это только одна из тем, хоть и очень важная; есть и другие, связанные с языковедческими, биографическими и прочими “сюжетами”. Письма, кроме того, представляют собой цельный (с оговорками) эпизод переписки и в хронологическом отношении, так как между ними нет лакун, которых немало в остальной части переписки⁴³. Первое из писем Винокура написано на обороте почтовой карточки; представленные почтовыми отделениями в Москве и

⁴³ Несохранившиеся письма упоминаются в 17 из 45 сохранившихся.

Три письма из архивов Г.О. Винокура и Б.В. Томашевского

*Публикация, подготовка текстов и примечания
А.В. Маньковского и Е.А. Амитиной*

Three Letters from the Archives of G.O. Vinokur and B.V. Tomashevsky

*Publication, prepared texts and notes by
Arkady V. Mankovsky and Elena A. Amitina*

1. Г.О. Винокур — Б.В. Томашевскому¹

№ 1*

<Москва, 17 февр. 1936 г.>**

Дорогой Борис Викторович, как Ваши успехи? Вышел ли однотомник², что слышно с Гавриилиадой³, с Онегиным⁴, с французами⁵, с биографией⁶? Я почему то доволен своей работой о Фонтане⁷, хотя объективно в ней вероятно

* “№ 1” — рукой архивиста (?).

** Датируется по почтовому штемпелю.

в Ленинграде штемпели дают возможность установить дату и время его отправки (“1723616 час”) и доставки (“1<8>23614”; “182361<6>”), косвенно подтверждая дату написания (оно отправлено в тот же день, когда было написано). Конверт от ответного письма Томашевского не сохранился, поэтому мы не можем судить, когда оно было отправлено и когда пришло в Москву. Дата второго письма Винокура, написанного, в свою очередь, в ответ на письмо Томашевского и, очевидно, не отправленного (хранится в фонде Винокура в РГАЛИ), озадачивает: если представить, что ни один из корреспондентов не ошибся в простановке даты написания своего письма, то Винокур отвечал на письмо Томашевского уже на следующий день после его написания Томашевским. Вероятнее предположить, что кто-то из них ошибся или, для какой-то цели, неверно указал дату написания письма (возможно, это был Винокур).

Письма Г.О. Винокура публикуются по автографу и авторизованной машинописи с рукописными вставками, хранящимся соответственно в: НИОР РГБ. Ф. 645 (Б.В. Томашевский). Карт. 35. Ед. хр. 77 и РГАЛИ. Ф. 2164 (Г.О. Винокур). Оп. 1. Ед. хр. 249; письмо Б.В. Томашевского — по авторизованной машинописи, хранящейся в: РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 333. Письма приводятся с сохранением орфографии и пунктуации подлинника. Все редакторские конъектуры даются в угловых скобках; явные опечатки исправляются без оговорок.

не мало дрянного. Получилось целых 5 листов — опять Вы будете ругаться, что слишком длинно⁸. Вероятно кое что можно будет выбросить, но я старался писать очень сухо, без всякой эмоциональности, все цитаты, да цитаты, так что ужас. Вы вероятно знаете, что 19/III я должен читать у Вас лекцию⁹, соблазнившую меня реальной возможностью посетить Ленинград, п<отому> ч<то> иначе я не выбрался бы — вряд ли раньше съумеем поговорить о делах. Список, догадкой мной “обнаруженный” в ИРЛИ¹⁰, очень важен принципиально, хотя материал, им сообщаемый невелик, и не все до конца в нем ясно. © Ирина Николаевна!¹² я авансом уже пишу статью о Вашем Баратынском для библиограф<ического> журнальчика “Книжные новости”¹³ — вероятно в конце месяца появится. Я вообще пишу столько, сколько никогда в жизни никто не писал¹⁴ — скоро увидите.

Горячо обоих Вас и детей приветствую.

Ваш Г. Винокур

⊗ Я хотел бы прочесть доклад о Б.Ф. в Пушкинском комитете, когда приеду¹¹.

2. Б.В. Томашевский – Г.О. Винокуру¹⁵

Ленинград 21. II. 1936*

Дорогой Григорий Осипович,

Однотомник мой еще не вышел, успехов не делаю, комментарий к Гавриилиаде написал и его завтра вышлют Бонди¹⁶; только не хватает текстологии, потому что я жду копии Соболевского¹⁷, которую Бельчиков¹⁸ обещал, но не выслал. Пусть Бонди на него нажмет. Кстати Центр-архив отказал в высылке Онегина¹⁹ под тем предлогом, что над ним работает Мейлах²⁰, а сей Мейлах великолепно гуляет по Ленинграду. Над Онегиным сию ежедневно (черновики), к французам не прикасаюсь; биографию²¹ бросил и повидимому писать не буду: от Тихонова²² ответа на мое письмо не последовало (я отказался от тех изменений, которые он мне предложил).

Радуюсь за ваши успехи вокруг Фонтана²³, но искренно убежден, что пять листов комментария слишком много. Впрочем моя Гавриилиада²⁴ без текстологии заняла полтора листа, а с ней вместе будет листа два.

По поводу Вашего приезда на лекцию сообщите следующее: 1) сколько Вы думаете пробыть в Ленинграде и какие числа, 2) собираетесь ли читать доклад о Фонтане и когда (только не в выходной день)²⁵ и 3), не интересуется ли Вас что-либо в Ленинградских театрах, на что бы следовало заранее достать билет.

Ирина Николовна сейчас кончает Баратынского: это стало ее перманентным занятием за последние годы. Только что пришли корректуры вступительных статей к первому тому. Вы увидите, как хорошо соседствуют статьи Мирского и редакторов²⁶. Надеюсь, что Мирский отречется от своей статьи на следующий день после ее выхода в свет.

Меня в значительной степени парализует корректура описания автографов Пушкина над которой я сию вместе с Модзалевским²⁷ ежедневно с трех до восьми вечера, после чего возвращаюсь домой одурелый.

Отнимают некоторое время всякие киношники и проч. Заставляли смотреть "Дубровского"²⁸, которого по словам Ивановского вы в

Москве захвалили. А я так не очень. Два вечера отнял просмотр и браковка постановки в Большом (б. малом) театре пушкинских драм Скупого и Каменного²⁹. Видел там такое, какого не всегда удостоишься увидеть (напр. вставной номер Лауры³⁰ – "Пред испанкой благородной" исполняемое почти на мотив "По напрасну Ванька ходишь"³¹ – муз. Дешевова – с пританцовываньем чечотки).

Не могу добиться, чтобы Вам послали мою рецензию на Онегина³², которая уже в гранках.

Каково Ваше мнение о "Рукою Пушкина"³³? Здесь есть охотники эту книгу выбрать и их поползновения поощряются. Не отрицая того, что там есть, что выбрать и даже высмеять, я считаю, что брань по этой книге ударит по всему пушкинизму, так как на то много охотников, а кроме того в книге много объективно полезного и во всяком случае в нее вложено столько бескорыстного труда, что слишком резко о ней отзываться публично пожалуй и имморально было бы.

Убедите Цявловского сдвинуть с места корректуры первого тома³⁴. Его поведение становится преступным, и я при всей своей готовности к его защите принужден признать, что в редакторы он не годится.

Привет всему семейству³⁵

Б. Томашевский*

3. Г.О. Винокур – Б.В. Томашевскому³⁶

Москва > 22 / II** <1936>

Дорогой Борис Викторович, сейчас получил Ваше письмо, а вчера текст Вашей рецензии на Онегина³⁷. Рецензия дельная и интересная. Не знаю, нужно ли мне выступать по поводу нее с какой-нибудь статьей, орфографические же вопросы³⁸ я намерен трактовать подробно в книжке, на которую у меня договор с ACADEMIA³⁹, только когда я ее напишу! В ваших замечаниях для меня нет ничего неприемлемого. Отдельные мои ошибки проистекают от того, что я не имел возможности выверить текст целиком по белой ленинградской рукописи, где меня тревожили преимущественно пропущенные строфы и пр. Я надеюсь это сделать в теперешний мой приезд, и моя громадная просьба выяснить накануне моего приезда, нельзя ли убедить Бычкова⁴⁰ выдать

* Последняя фраза письма ("Привет" и т.д.) и подпись – автограф чернилами.

** Дата чернилами.

* Место и дата – чернилами.

мне рукопись в тот же день, что я появлюсь, чтобы не терять дня. Об этом я еще напишу. Некоторые мелочи не поддаются конечно регламентации и неизбежно остаются уделом личного вкуса и такта, ну да об этом спорить нечего. Сейчас заканчиваю инструкцию орфографическую. Она у меня давным давно готова, но все не выходила объяснительная записка⁴¹, не умею я таких вещей писать. Очень важно знать Ваше мнение об инструкции. Оксман⁴² вероятно бесится, что я до сих пор не присылаю ее, но что ж делать. Я думаю, что у нас, хотя и чернорабочих науки, то же есть известное право на неудачи. Предвижу с неудовольствием необходимость полемизировать с Обнорским⁴³, потому что по словам Гессена⁴⁴, инструкция будет опять дана на отзыв ИЯМу⁴⁵. Нельзя ли убедить Оксмана, что ИЯМ смыслит в таких делах как свинья в апельсине и что это в сущности вопросы, совершенно ему не подведомственные?

В пространности комментария к Фонтану⁴⁶ вероятно повинна моя привычка медленно развивать тему. С удовольствием сокращу, если будут конкретные указания. Но нужно сказать, что по сравнению с Гавриилиадой я не так длинен — прибавьте поллиста на обзор рецензий⁴⁷, около полулиста на Разговор Вяземского⁴⁸, который Бонди признал нужным поместить целиком (и по моему справедливо, поскольку где же современный читатель его еще прочтет) — вот Вам уже лист целый. Не говоря уж о том, что Фонтан гораздо больше оброс всякого рода литературой⁴⁹, чем Гавриилиада.

В Ленинграде надеюсь пробыть четыре-пять дней. С удовольствием прочту доклад о Фонтане⁵⁰, его хватило бы и на два вечера. Читать могу в любой день, кроме 19-го и кроме того вечера, когда я пойду на Пиковую даму⁵¹, если она будет идти в эти дни. В Москве обратно мне нужно быть 23-го, но при очень большом соблазне я пожалуй способен пропустить лекцию⁵², и остаться еще на один-два дня.

Дубровского мы не захваливали. После того как Ливанов⁵³ прочел нам строгую нотацию за то, что мы не сказали ни одного ласкового слова, поневоле пришлось выдать из себя ряд обязательных комплиментов. Но фильм в общем не плох, послезавтра пойду на него с Татьяной. Киношники* и пр. не только отнимают время, но просто жить не дают, масса времени уходит чорт знает на что, а ведь у Вас еще нет телефона!**

* Часть букв — чернилами.

** Чернилами: а ведь <...> телефона!

Безусловно разделяю Ваш взгляд на Рукою Пушкина⁵⁴. Ее стиль смешен и наивен, есть не мало частных недосмотров и ошибок, (впрочем, я ее только слегка посмотрел), но это труд полезный и очень почтенный. Я собираюсь написать хвалебных несколько строк о ней здесь в Москве⁵⁵. Было бы очень хорошо, если б рецензия академического типа (напр. для Временника)⁵⁶ была возложена на Вас^x. А эти смешки по задворкам Ирли, я им цену знаю, это мелкая мерзость.

Сердечно желаю Ирине Николаевне начать кончать что-нибудь другое. Скоро пришлю ей свою статью о ее еще неконченном издании⁵⁸ <.>

Ваш ГВинокур**

Что у Вас говорят о втором текстовом издании?⁵⁹ Деборин уже требует рукописей⁶⁰***

^x Хорошо во всех смыслах, и деловом и личном. Я передал Ваши слова об имморальности нападок на “Р<ую> П<ушкина>”⁵⁷ Цявловскому — на него это произвело большое впечатление (именно Ваше мнение об этом)*.

Примечания к письмам

¹ НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 35. Ед. хр. 77. Л. 1. Чернилами на обороте почтовой карточки (текст кое-где смазан — чернила “потекли”). Адресная сторона. Куда: Ленинград, Л. 1. Канал Грибоедова д. 9, кв. 130. Кому: Борису Викторовичу Томашевскому. 1 шт.: Москва Фрунзенск<ий> узел <...> 1723616 час. 2 шт.: Ленинград Смольнинск<ий> узел <...> 1<8>23614. 3 шт.: Ленинград <...> 182361<6>.

² Вышел ли однотомник... — Речь идет об изд. [10]; вышло в 1936 г. (вероятно, в марте), хотя дата на тит. л. — 1935 г. См. рец. на него в: [11]. Другие рец. на однотомник указаны в том же изд. в: [12, с. 484].

³ ...что слышно с Гавриилиадой... — Имеется в виду работа по подготовке текста и комментированию поэмы, предназначенной для юбилейного академического собр. соч. Пушкина (том IV). Принципы работы Томашевского над текстом изложены в статье общего редактора тома — С.М. Бонди, см.: [13, с. 459]. См. также в письме № 2 (ответ Томашевского) далее.

* Знак сноски “x)” и примечание внизу страницы — чернилами.

** Подпись — автограф чернилами.

*** Приписка чернилами на полях, напротив текста “В Ленинграде <...> неконченном издании” (т.е. до конца).

⁴ ...с *Онегиным*... — См.: [14, т. 6]. Ср. у В. Набокова: «Отвергнутые строфы и рукописные варианты, относящиеся к *ЕО*, исследовались мной, в основном, по *единственному* удовлетворительному современному изданию 1937 г. под редакцией Б. Томашевского, на которое я ссылаюсь как на «Акад. 1937»» [15, с. 81].

⁵ ...с *французами*... — Речь, вероятно, о работах [16]; [17]. Возможно также [18].

⁶ ...с *биографией*... — Возможно, имеется в виду биография Пушкина, которую предполагалось опубликовать в Гос. журнально-газетном объединении (Жургаз) в серии «Жизнь замечательных людей». См.: [19, с. 136–137]. См. об этом также в письме № 2 (ответ Томашевского). Замысел этот осуществился гораздо позднее, см.: [8].

⁷ ...доволен своей работой о *Фонтане*... — Речь идет о комментарии к «Бахчисарайскому фонтану» А.С. Пушкина. См. предисл. к данной публикации. См. также единовременные публикации в периодике и популярных сборниках: [20]; [21]; [22].

⁸ ...слишком длинно... — См. письмо № 2 (ответ Томашевского) далее.

⁹ ...19/III я должен читать у Вас лекцию... — «10 февраля в Центральном лектории массового отдела Ленсовета открылся цикл лекций — «Жизнь и творчество А.С. Пушкина». Циклу предшествовало вступительное слово Д.П. Якубовича. Л.П. Гроссман прочел доклад «Жизненный путь Пушкина». В течение февраля в лектории состоятся доклады: Н.Г. Свирина — «Романтические поэмы Пушкина», В.В. Гиппиуса — «Лирика Пушкина» и Л.В. Пумпянского — «Евгений Онегин», 6 лекций о Пушкине намечено на март. Лекции сопровождают выступления артистов» [23]. Темы ближайших лекций указывались в местной прессе: «Лекторий. 13 марта — Г.О. Винокур (Москва). Язык и стиль Пушкина» [24].

¹⁰ ...список, догадкой мной «обнаруженный» в *ИРЛИ*... — В перечне рукописных источников текста в неопубликованном комментарии Винокура к «Бахчисарайскому фонтану» этот список представлен следующим образом: «Копия полного текста поэмы, сделанная неизвестной рукой, из архива Н.П. Вульфа. Институт Русской Литературы Академии Наук СССР (Пушкинский дом), Ф. 244, <о>п. 5, № 12» (*Винокур Г.О.* «Бахчисарайский Фонтан»: [комментарий]. Л. 58). О значении этого списка Винокур говорит в статье [20, с. 236–238]. Ср. у Б.В. Томашевского: «Критерием тщательности работы Винокура является обнаружение списка поэмы, отражающего особенности

первого белого автографа, ныне утраченного. По одному письму Дашкова Винокур установил наличие варианта к стиху «Гарема стражами немymi», в котором имеется слово «кизляры». Т.к. письмо Дашкова основывалось на тексте, которым располагал Вяземский, Винокур заключил, что были списки с данным вариантом. По указанию Винокура были произведены поиски в архиве Пушкинского дома, и один из таких списков обнаружен (к сожалению не очень исправный). В этом списке соответствующий стих читается:

Давно кизлярами немymi.

Этот стих был исправлен Пушкиным по указанию Дашкова и ни в одном автографе не сохранился» [9, с. 111]. См. также следующее примеч.

¹¹ ...Я хотел бы прочесть доклад о *Б.Ф.* в *Пушк<инской> ком<иссии>*, когда приеду. — Доклад о работе над комментариями к «Бахчисарайскому фонтану» был прочитан на заседании Пушкинской комиссии 14 марта 1936 г. Сохранился план доклада; О.А. Проскурин упоминает о нем [5, с. 38] и приводит его шифр хранения: РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 21.

Ср.: «14 (25?) марта 1936 г. 36-е научное заседание ПК. Доклад Г.О. Винокура «О 'Бахчисарайском фонтане' (из комментариев к академическому изданию)».

<...>

Присутствовали: Д.П. Якубович (председатель), Н.В. Измайлов, Н.К. Козмин, А.Л. Слонимский, Б.В. Томашевский и др.

Источник: стенограмма — <СПбФ АРАН, ф. 150>, оп. 1 (1936), ед. хр. 33» [25, с. 178].

¹² *Ирина Николаевна!*. — И.Н. Медведева-Томашевская (1903–1973) — литературовед, автор книг: Е.А. Баратынский: К 100-летию со дня смерти. М.: Гослитмузей, 1944; Русская Таврида: Очерки. Кн. 1. Симферополь: Крымиздат, 1946; Таврида. Л.: Лениздат, 1956; Екатерина Семенова. Жизнь и творчество трагической актрисы. М.: Искусство, 1964; Стремя «Тихого Дона»: (Загадки романа). Paris: YMCA-press, 1974 (под псевдонимом D*); редактор и комментатор изд. произведений В.А. Озерова, К.Н. Батюшкова, Н.И. Гнедича, Е.А. Баратынского (см. [26]; см. также след. примеч.).

Жена Б.В. Томашевского, который воспитывал ее детей от первого брака: Зою и Колю (упоминаются в переписке с Винокуром). В фонде Томашевского в НИОР РГБ хранится переписка Винокура с И.Н. Томашевской, «сюжеты» которой, связанные в основном с Баратынским, частично

пересекаются с “сюжетами” переписки Винокура с Б.В. Томашевским, см.: *Винокур Г.О.* Письма к Е.Н. Купреяновой и И.Н. Медведевой-Томашевской. 1936, [1930-е годы] // НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 35. Ед. хр. 75. Л. 1–3; *Винокур Г.О.* Письма к И.Н. Медведевой-Томашевской. 1936, 1939, 1940, [1946?] // Там же. Ед. хр. 76. Л. 1–8.

¹³ ...о Вашем Баратынском... для... журнальчика “Книжные новости”... – Речь идет о статье [27]. Статья содержала критику предшествующих изданий Баратынского, прежде всего двухтомника под ред. и с примеч. М.Л. Гофмана (СПб.: Разряд изящ. словесности Императ. Акад. наук, 1915); в заключение сообщалось о готовящихся изд.: полном собрании стихотворений и поэм Баратынского под ред. Е.Н. Купреяновой и И.Н. Медведевой (см. [26]) и трехтомном собрании сочинений под ред. Ю.Н. Верховского (не состоялось).

¹⁴ ...пишу столько, сколько никогда в жизни никто не писал... – В 1936 г. Винокуром было подготовлено 12, а в 1937 г. – 10 публикаций, в том числе языковедческих, литературоведческих и библиографических статей, рецензий, томов разноплановых собр. соч. Пушкина. См.: [28, с. 409–410].

¹⁵ *РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 13. Машинопись (шрифт мельче стандартного), без интервалов. Дата и подпись – автограф чернилами.*

¹⁶ ...комментарий к Гавриилиаде... вышлют Бонди... – Комментарий к “Гавриилиаде” сохранился в архиве Томашевского (НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 1–99).

Сергей Михайлович Бонди (1891–1983) был общим редактором тома IV Полн. собр. соч. А.С. Пушкина, в котором печатались “Гавриилиада”, “Бахчисарайский фонтан” и “Цыганы”. См. примеч. 3 (к письму № 1) выше. Как замечает Бонди, Томашевский был “автором специального текстологического и историко-литературного исследования об этой поэме” [13, с. 459]. См.: [29].

¹⁷ ...копии Соболевского... – Имеется в виду собственноручный список “Гавриилиады”, сделанный Сергеем Александровичем Соболевским (1803–1870). Включен в альбом “*Avant les voyages*”, ныне – РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. Ед. хр. 136 (см. описание альбома в: [30, с. 388–389]). Список обнаружен и описан А.К. Виноградовым: «...двенадцать листков голубой бумаги большого почтового коммерческого формата “*Marion*» [31, с. 175]. Список помечен 1827 г. [там же].

Томашевский, однако, в своем неопубликованном комментарии датирует список иначе. Ср.: «С – Список архива С.А. Соболевского, хранящийся в Центрархиве РСФСР. Это – вшитая в толстую

книгу тетрадка из шести листов (24 страницы). Список поздний, вероятно 50–60-х годов. Текст переписан рукою С.А. Соболевского внимательно, хотя и имеются индивидуальные описки и ошибки. Повидимому и этот список – сводный, т.е. в основу его положен уже кем-то проредактированный, “исправленный” и очищенный от грубых искажений текст, вероятно по нескольким спискам. К одному стиху (251) на полях приписан вариант. Показания этого списка иногда существенны» (Томашевский Б.В. “Гавриилиада”: [комментарий] // НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 14). Далее следует список индивидуальных отличий, которые лишь частично совпадают с указанными, напр., в: [32, с. 282]. Удивительно и то, что Томашевский не приводит названия “толстой книги”.

¹⁸ ...Бельчиков... – Николай Федорович Бельчиков (1890–1979) – ученый секретарь Моск. отд-ния Пушк. комиссии (с 1933 г.). См.: [33, с. 362]. Археолог; авт. кн. “Теория археологии” (1929). В 1920-е и, по-видимому, в 1930-е годы сотрудник Центрархива. В 1946–1948 гг. – ученый секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, в 1949–1955 гг. – директор ИРЛИ. М.К. Азадовский в письме Ю.Г. Оксману (27 марта 1954 г.) называет Бельчикова одним из «главных организаторов ленинградского “путча” 49 г.» [34, с. 353].

¹⁹ ...Центр-архив отказал в высылке Онегина... – Среди рукописных источников текста “Евгения Онегина” в томе VI Полн. собр. соч. Пушкина, подгот. Б.В. Томашевским (1937), указаны и “Рукописи Центрархива в Москве: Вторая глава. Листок из архива Соболевского” [14, т. 6, с. 660]. В разделе “Другие редакции и варианты” по автографу из архива Соболевского (“*Avant les voyages*, № 22/3366, в Центрархиве”) приведены варианты пропущенной строфы IV из главы четвертой [14, т. 6, с. 338].

Центрархив был учрежден декретом ВЦИК от 30 янв. 1922 г.; упразднен 28 янв. 1929 г. в связи с созданием ЦАУ РСФСР.

²⁰ ...Мейлах... – Борис Соломонович Мейлах (1909–1987) – пушкинист, член Пушк. комиссии. Автор книги “Пушкин и русский романтизм” (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937). См. о нем: [35].

²¹ ...биографию... – См. примеч. 6 (к письму № 1) выше.

²² ...от Тихонова... – Александр Николаевич Тихонов (Серебров; 1880–1956) – гл. редактор изд-ва “*Academia*” (1930–1936); редактор Гос. журнально-газетного объединения (Жургаз) в 1930-е годы.

²³ ...вокруг Фонтана... — См. письмо № 1 и примеч. 7 выше.

²⁴ ...моя Гавриилиада... — См. письмо № 1 и примеч. 3 выше, а также примеч. 16 (к данному письму).

²⁵ ...доклад о Фонтане... — См. примеч. 11 (к письму № 1) выше.

²⁶ ...статьи Мирского и редакторов. — Дмитрий Петрович Святополк-Мирский, князь (*D.S. Mirsky*; 1890–1939) — литературовед; литературный критик. С 1920 г. в эмиграции; с 1932 г. в СССР; в 1937 г. арестован; умер в лагере.

Речь идет о вступ. ст. Д.П. Мирского к первому тому полн. собр. стихотворений Е.А. Баратынского [26, т. 1, с. V–XXXIV] и о биограф. статьях к этому изд. И.Н. Медведевой-Томашевской [26, т. 1, с. XXXV–LXXVIII] и Елизаветы Николаевны Курпреяновой (1906–1988) [26, т. 1, с. LXXVIII–CXVI]. См. также примеч. 13 (к письму № 1) выше.

²⁷ ...вместе с Модзалевским... — См.: [36]. Лев Борисович Модзалевский (1902–1948) — пушкинист; сын Б.Л. Модзалевского (1874–1928).

²⁸ Заставляли смотреть “Дубровского”... — “Дубровский” (“Ленфильм”, 1936) — художественный фильм, снятый по пушкинской повести режиссером А.В. Ивановским (1881–1968). В заглавной роли — Б.Н. Ливанов (см. примеч. 53 (к письму № 3) ниже). В финале картины Ивановского Троекуров, вопреки замыслу Пушкина, становится жертвой крестьянской расправы.

Ср.: «21 апреля 1935 г. Заседание ПК ИРЛИ АН на кино-фабрике “Ленфильм”. Обсуждение сценария кинофильма “Дубровский”.

Дополнительно: Бейлин А. Пушкинисты о киносценарии “Дубровский” // Литературный Ленинград. 1935. № 19 (26 апреля). Премьерный показ фильма (сценарист и режиссер А.В. Ивановский) состоялся 16 февраля 1936 г.

Присутствовали: А.С. Орлов (председатель), А.А. Бескина, Г.А. Гуковский, К.Н. Державин, А.В. Ивановский (режиссер), И.Г. Кацнельсон (директор “Ленфильма”), Р.Д. Мессер (представитель художественного отдела кинофабрики), Ю.Г. Оксман, Н.Г. Свирилин, Б.В. Томашевский, И. Троицкий, Б.М. Эйхенбаум, Д.П. Якубович и др.

Источники: стенограмма — <СПбФ АРАН, ф. 150>, оп. 1 (1935), ед. хр. 20; сценарий — <там же>, оп. 1 (1935), ед. хр. 21> [25, с. 174–175].

²⁹ ...просмотр и браковка... пушкинских драм Скупого и Каменного. — “Пушкинский спектакль” Большого драматического (бывш. Суворинского,

или Малого) театра: А. Пушкин “Скупой рыцарь”, “Каменный гость”. Постановщик В.В. Люце (ученик В.Э. Мейерхольда). Художник Н.Ф. Лапшин. Композитор В.М. Дешевов. Художественный руководитель постановки В.Ф. Федоров. Премьера — 10 февраля 1936 г. См.: [37].

Спектакль получил отрицательные отзывы в прессе. Ср.: «“Скупой рыцарь” в исполнении артиста Софронова мог еще прозвучать со сцены. “Каменный гость” жестоко пострадал от неуместной “мюзик-холлизации”. <...> Лаура предстала перед зрителем в костюме из театра “обозрений”. В момент максимального проявления чувственной жизнерадостности с нее спадала стилизованная юбка, и актриса продолжала вести роль в трико. <...> После первого же представления руководство театром поспешило снять спектакль с афиши» [38, с. 164].

³⁰ ...вставной номер Лауры... — в сцене 2 “Каменного гостя”, как известно, нет текста песни Лауры, есть лишь ремарка: поет. В спектакле вставным номером — песней Лауры служит положенное на музыку стих. Пушкина “Пред испанкой благородной...” (1830).

³¹ ...“По напрасну Ванька ходишь”... — “Понапрасну, Ваня, ходишь, понапрасну ножки бьешь...” (др. варианты названия: “На последнюю пятерку...”, “Кого-то нет, чего-то жаль...” — цыганский романс. Песня была очень популярна и в сов. России, и в рус. зарубежье (ср. в исп. М.П. Комаровой: [39]). Известна восточносибирская партизанская переделка времен Гражданской войны “Понапрасно, Колчак, ходишь...” (см.: [40]).

³² ...рецензию на Онегина... — Речь о пятом томе “миниатюрного” собр. соч. Пушкина. См.: [41].

³³ Каково Ваше мнение о “Рукою Пушкина”? — См.: [42]. См. также [43] и в письме № 3 далее.

³⁴ Убедите Цявловского... корректуры первого тома. — Мстислав Александрович Цявловский (1883–1947) — один из последних пушкинистов дореволюционной формации. Член РСДРП(б) с 1905 г. Москвич, как и С.М. Бонди, Г.О. Винокур и Н.Ф. Бельчиков. Ср.: «21 марта 1934 г. Рабочее совещание ПК. “По предложению Оксмана постановили предложить московским членам Комиссии оформить свою работу как филиалу Комиссии, образовав организационное бюро в составе: М.А. Цявловский, Г.О. Винокур, Н.Ф. Бельчиков; предоставить в ПК план своих работ» [25, с. 166]. Редактор изданий “Голос минувшего” (с 1923), “Московский пушкинист” (1927). Как редактор и комментатор участвовал во всех значительных пушкинских изданиях 1930–1940-х годов. Один из организаторов

юбилейной Пушкинской выставки 1937 г., в конце 1930-х годов заведовал рукописным отделом музея Пушкина в Москве (при ИМЛИ). Создатель “Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина” (Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1951). Ряд работ написан в соавторстве с женой Татьяной Григорьевной *Цявловской* (*Зенгер*; 1897–1978). См. о нем, в частности: [44].

Речь в письме, вероятно, идет о первом томе (1937) юбилейного академического издания [14, т. 1], в котором были опубликованы лицейские стихотворения Пушкина.

³⁵ *Привет всему семейству* – Эмма Максимовна *Винокур* (*Мерейно*; 1896–1970) – жена Г.О. Винокура; двоюродная сестра Р.О. Якобсона (см.: [45, с. 42]). Дочери: Татьяна Григорьевна *Винокур* (1924–1992) и Надежда Григорьевна *Винокур* (р. 1935).

³⁶ РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 1. *Машинопись с чернильными поправками и подписью-автографом. Напеч. на одной стороне листа; письмо, очевидно, не было отправлено.*

³⁷ ...*текст Вашей рецензии на Онегина.* – См. письмо № 2 и примеч. 32 выше.

³⁸ ...*орфографические... вопросы...* – В своей рецензии Томашевский критически оценивает некоторые редакторские решения Винокура, в частности попытку сохранить формы «*раждать*», «*сгарать*» (через *a*, а не через *o*), следуя за первоизданиями; сохранение формы «*песень*» вместо «*пѣсень*» («в данном случае издание Г.О. Винокура отразило орфографию Плетнева и корректоров, а не Пушкина»), «начертания «*Олинька*»» (разнобой с употреблением начертания «*маменьки*» в том же изд.) и т.д., заключая: «Замечания эти отнюдь не являются упреками по адресу редактора. Но именно его издание вызывает необходимость тщательно пересмотреть и точнее формулировать принципы орфографической передачи текстов классиков, издаваемых по новой орфографии» [41, с. 321–322].

³⁹ ...*в книжке, на которую у меня договор с ACADEMIA...* – Упоминается также в письме Томашевского Винокуру от 16 мая 1935 г. (РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 11). В предисл. к переизданию комментария Винокура к “Борису Годуну” С.О. Шмидт говорит о его замысле в начале 1930-х годов издать брошюру “Орфография в изданиях классиков”, ссылаясь на письмо от 17 апр. 1935 г. в издательство “Academia” (см.: [46, с. 15]).

Приводим это письмо полностью (публикуется впервые):

В ИЗДАТЕЛЬСТВО ACADEMIA

Предлагаю Вашему издательству издать брошюру, размером до трех печатных листов, под

заглавием ОРФОГРАФИЯ В ИЗДАНИЯХ КЛАССИКОВ.

При переиздании старых писателей средствами современной орфографии возникает очень много затруднений, связанных с необходимостью уберечь от искажений особенности языка издаваемого писателя. Границы между написанием и языковой особенностью далеко не всегда бывают ясны. Поэтому в современных изданиях классиков часто встречаются ошибки, заключающиеся или в том, что живые особенности языка издаваемого писателя пропадают, или в том, что за особенности языка принимаются чисто-условные графические написания, бывшие в ходу в эпоху издаваемого писателя.

В 1931 году я занимался этим вопросом по поручению Научно-исследовательского института полиграфии и издательской промышленности. Результаты моей работы, заслушанные в Институте и в общем одобренные им, нигде до сих пор не опубликованы. Впоследствии я занимался этим вопросом в качестве одного из членов комиссии, назначенной для выработки правил академического издания сочинений Пушкина, выделенной Институтом Русской Литературы Академии Наук. В предлагаемой брошюре, которая должна быть предназначена для практических работников в данной области, я предполагаю развернуть относящуюся к этому делу контроверзу и на основе лингвистического анализа большого числа конкретных примеров вывести известную сводку правил, которыми надлежит руководствоваться при переводе текстов старого времени на современную орфографию. В качестве приложения в брошюре могут быть напечатаны образцы перевода на новую орфографию избранных отрывков нескольких классиков.

Для написания брошюры и полной подготовки ее к изданию мне нужно от двух до трех месяцев.

17/IV 35

Г. Винокур

(РГАЛИ. Ф. 629 (издательство “Academia”). Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1. *Машинопись. Дата и подпись – автограф чернилами.*)

Работа, по всей видимости, не была доведена до конца. Первые семь листов машинописи с карандашными пометами Томашевского сохранились в его фонде (НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 16. Ед. хр. 15). Отсутствует последний (для эдиционной практики, может быть, самый интересный) раздел брошюры – “образцы перевода на новую орфографию избранных отрывков нескольких классиков”.

⁴⁰ ...нельзя ли убедить Бычкова... – Иван Афанасьевич Бычков (1858–1944) – археограф и библиограф; чл.-кор. С.-Петербур. Акад. наук (с 1903); сын А.Ф. Бычкова (1818–1899), директора Императ. публ. б-ки (ныне РНБ). Один из старейших сотрудников б-ки: “1 февр. 1881 г. Б<ычков> назначен б<ибблиотека>рем, зав. Отд-нием рукописей <...> и непрерывно исполнял эти обязанности до самой кончины” [47].

⁴¹ ...заканчиваю инструкцию орфографическую... объяснительная записка... – См.: Орфографическая инструкция для юбилейного академического издания сочинений Пушкина, составленная Г.О. Винокуром; Объяснительная записка к ней; Замечания к Инструкции по орфографии (для издания сочинений Пушкина) проф. С.П. Обнорского; Письмо Г.О. Винокура в Институт литературы АН СССР. Ответ на замечания... проф. С.П. Обнорского // НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 16. Ед. хр. 14. Л. 1–33. В сокращенном виде инструкция помещена в: [14, т. 1, с. XI–XIII, 434–435]. Написана, по-видимому, в конце 1935 – начале 1936 г. (Самое позднее – первые числа января 1936 г., так как “Замечания” на нее Обнорского (см. ниже) датированы 10 января 1936 г.; не совсем ясно, почему Винокур пишет о дискуссии с Обнорским в будущем времени.) “Объяснительная записка” к инструкции, как следует из публикуемого письма Винокура, к концу февраля еще не была готова.

Отдельные пункты “Замечаний” Обнорского не потеряли значения до сих пор. Так, он резко возражал против замены форм местоимений *ея* и *оне* на *ее* и *они*, замены флексии *-ой* в им.-вин. падежах ед. ч. прилагательных на флексию *-ый* (Орфограф. инструкция для юбилейного академического издания сочинений Пушкина... Замечания к Инструкции по орфографии... Л. 25–26). “Для историка русского (литературного) языка, – писал Обнорский, – для историков русского письма <...> материал с формами типа *богатой* соответственно с современным правописным типом *богатый* есть не один факт графического значения, – в этих данных обнаружение сложных воздействий в прошлом на наш литературный язык живой северной стихии русского языка” (Там же. Л. 26). (Ср. убедительные примеры потерь, неизбежных при модернизации орфографии, в работе: [48, с. 270–274].) Отвечая Обнорскому, Винокур прежде всего ссылается на пушкинские рукописи; далее апеллирует к понятию критического текста: “Критический текст – значит текст верный, отобранный, препарированный путем сличения разных источников, очищенный

от всего случайного, в том числе от случайных ошибок, описок и т.п. элементов, которые могут содержать весьма существенный материал для историка русского языка и письма, но которые остаются вполне irrelevantными для восприятия Пушкинского текста как литературного произведения” – и заключает: “...было бы проще, если бы т. Обнорский заявил, что по его мнению юбилейное советское издание Пушкина нужно печатать по старой орфографии, без всяких изъятий из нее. Тогда, может быть, вообще не понадобилось бы никаких Инструкций по орфографии, или же, в противном случае, наш спор с т. Обнорским был бы гораздо более коротким и простым” (Орфограф. инструкция... Письмо Г.О. Винокура в Институт литературы АН СССР. Ответ на замечания... проф. С.П. Обнорского. Л. 1–2, 31, 33). См. также: [49].

⁴² Оксман... – Юлиан Григорьевич Оксман (1895–1970) – литературовед; пушкинист; тургеневед; историк. Пользовалась известностью выпущенная им (сост. при участии Н.Ф. Лаврова и Б.Л. Модзалевского) книга “Декабристы: Отрывки из источников” (М.; Л.: Гос. изд-во, 1926). В 1933–1936 гг. зам. директора ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР, зам. председателя Пушкинской комиссии. Редактор первого и второго выпусков “Временника Пушкинской комиссии” (оба – 1936 г.; см. список литературы и ссылки на них в других примеч.); один из редакторов юбилейного акад. Полн. собр. соч. Пушкина – вплоть до момента своего ареста в ночь с 5 на 6 ноября 1936 г. (до 1946 г. узник ГУЛАГа). После освобождения продолжал активную научную и общественную деятельность. Выпустил, в частности, “Летопись жизни и деятельности В.Г. Белинского” (М.: Гослитиздат, 1958), а также кн. «От “Капитанской дочки” к “Запискам охотника”» (Саратов: Саратовское книжное изд-во, 1959). С 1958 по 1964 г. отв. редактор акад. Собр. соч. А.И. Герцена в 30 т. (ИМЛИ). См. о нем, в частности, во вступ. ст. К.М. Азадовского к изд.: [34, с. 5–29].

⁴³ ...необходимость полемизировать с Обнорским... – Сергей Петрович Обнорский (1888–1962) – филолог, славист, академик АН СССР (1939). “<П>родолжая работать в системе Академии наук СССР над редактированием Словаря русского языка, в 1931–1937 гг. являлся Ученым секретарем Комиссии русского языка. В 1931 г. Комиссия вошла в состав Института языка и мышления (ИЯМ – с 1933 г. им. Н.Я. Марра), реорганизованного из существовавшего с 1921 г. Института яфетидологических исследований (Яфетического института, созданного языковедом, филологом,

академиком АН СССР Николаем Яковлевичем Марром). 5 августа 1937 г. С.П. Обнорский был освобожден от редакторской работы по Словарию русского языка и был переведен в состав Кабинета славянских языков ИЯМ им. Н.Я. Марра АН СССР. В институте Обнорский работал в течение 1937–1943 гг. <...> [50].

⁴⁴ ...по словам Гессена... — Сергей Яковлевич Гессен (1903–1937) — историк; пушкиновед. «В ИРЛИ был принят на работу по договору науч. сотр. II разряда. Сначала работал в Архиве, затем вел всю оргработу по всем изд. Ин-та: ему было поручено исполнение обязанностей секр. ред. “Временника Пушкинской Комиссии”, библиогр. изд., секр. ред. акад. изд. сочинений А.С. Пушкина и др. изд. Пушкинской Комиссии. В окт. 1935 г. утвержден на заседании Президиума АН СССР в степени канд. истории без защиты дис. В последние месяцы жизни принимал участие в подгот. к Пушкинскому юбилею, являлся учен. секр. ленингр. обл. юбилейной Пушкинской выставки» [51, с. 424].

⁴⁵ ...опять дана на отзыв ИЯМу. — См. примеч. 43 выше. Создатель ин-та Н.Я. Марр (1865–1934) — противоречивая фигура; автор “нового учения о языке”, долгие годы (формально — до 1950 г., т.е. до появления работы Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”) препятствовавшего развитию научного языкознания в СССР.

⁴⁶ В пространности комментария к Фонтану... — См. примеч. 7, 8 (к письму № 1) выше и в письме № 2.

⁴⁷ ...поллиста на обзор рецензий... — Обзору критич. литературы о пушк. поэме посвящен раздел 6 (“Отзывы печати”) комментария Г.О. Винокура (Винокур Г.О. “Бахчисарайский Фонтан”: [комментарий]. Л. 131–144).

⁴⁸ ...Разговор Вяземского... — Им. в виду напеч. в первом и втором прижизненных изд. “Бахчисарайского фонтана” (соотв.: М.: Тип. А. Семена, 1824 и СПб.: Тип. деп. нар. просвещения, 1827) текст П.А. Вяземского “Вместо предисловия. Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны, или с Васильевского острова”, целиком воспроизведенный в разделе 5 (“История опубликования”) комментария Г.О. Винокура (Винокур Г.О. “Бахчисарайский Фонтан”: [комментарий]. Л. 117–125). См. также: [52].

⁴⁹ ...Фонтан... оброс всякого рода литературой... — В последнем разделе комментария к “Бахчисарайскому фонтану” (“7. Материалы”), состоящем из трех параграфов (“I. Легенда”, “II. Литература о Крыме”, “III. Восточные поэмы Байрона”),

Винокуром рассматриваются многочисленные литературные параллели к поэме и необъятная уже к тому времени научная литература о ней (Винокур Г.О. “Бахчисарайский Фонтан”: [комментарий]. Л. 145–182).

⁵⁰ ...доклад о Фонтане... — См. примеч. 11 (к письму № 1) выше.

⁵¹ ...пойдуна Пиковую даму... — Опера П.И. Чайковского в постановке В.Э. Мейерхольда в МАЛЕГОТе (Малый ленинградский государственный оперный театр; прежде и ныне — Михайловский). Премьера 25 января 1935 г. См.: [53].

Приведем отрывки из неопубл. отзыва Томашевского о спектакле: «Спектакль в постановке Малого оперного театра я рассматриваю как крупное театральное событие даже в ряду прочих постановок В. Мейерхольда. <...> музыкальный стиль произведения не нарушен и поэтому говорить о “насилии” над Чайковским не приходится. <...> Особенно замечательны сцены у канавки, последняя сцена в игорном доме и сцена с интермедиями, в которой можно упрекнуть постановщика разве что за излишний эффект конца. <...> надо сознаться, что в интерпретации образов здесь впервые дана попытка осветить их по<->пушкински. <...> Мейерхольд и его сотрудники показали, что и на фоне музыки Чайковского можно дать близкие Пушкину образы. <...> постановку оперы не следует рассматривать как “пушкинский” спектакль в смысле историко-литературной реставрации замысла. Это талантливейший спектакль на Пушкинский сюжет, и можно только пожелать, чтоб эта редакция постепенно вытеснила старую» (Томашевский Б.В. “Пиковая дама”, опера П.И. Чайковского в Малом оперном театре в Ленинграде. Постановка В.Э. Мейерхольда. [1935] // НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 19. Ед. хр. 33. Л. 1).

⁵² ...способен пропустить лекцию... — Вероятно, лекцию в МГПИ, где Винокур преподавал в 1930-е и 1940-е годы (кроме 1941–1942 гг., когда он был в эвакуации в Чистополе).

⁵³ ...Ливанов... — Борис Николаевич Ливанов (1904–1972) — актер; исполнитель роли Дубровского в фильме 1936 г. См. в письме № 2 и в примеч. 28 выше.

⁵⁴ ...разделяю Ваш взгляд на Рукою Пушкина... — См. в письме № 2 и примеч. 33 выше.

⁵⁵ ...хвалебных несколько строк о ней здесь в Москве... — Ни в 1936, ни в 1937 г. рец. Винокура на кн. “Рукою Пушкина” в печати, по-видимому, не появлялась. См.: [28, с. 409–410].

⁵⁶ ...*(напр. для Временника)*... — Рец. “академического типа” для этого изд. была возложена на др. пушкинистов; см. в примеч. 33 (к письму № 2) выше.

⁵⁷ ...*об имморальности нападков на “Р<укою> П<ушкина>”*... — См. в письме № 2.

⁵⁸ ...*свою статью о ее еще неконченном издании*... — См. в письме № 1 и в примеч. 13 выше.

⁵⁹ *Что у Вас говорят о втором текстовом издании?* — Ср. в письме Д.П. Якубовича Г.О. Винокуру (28 февраля 1936 г.):

“Многоуважаемый Григорий Осипович!

Президиум Академии Наук ставит перед нами задачу в порядке чрезвычайной срочности сдать в набор VII том 2-го Акад. издания сочинений Пушкина (текст, варианты, краткие текстологические справки). <...>

Текстологический комментарий, как указывает в своем обращении ко мне Ю.Г. Оксман, согласно обязательствам взятым нами на расширенном заседании Редакции Акад. издания, должен быть представлен не позже 10 марта с. г.

Текстологические главы Вашего комментария в VII т. (первые 7 глав), повидимому придется дать в виде фактических извлечений, сославшись, что развернутый материал дан в 1-м издании” (РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 69). См. также в след. примеч.

⁶⁰ ...*Деборин уже требует рукописей*... — Ср.: “На последнем заседании президиума Академии наук СССР было заслушано сообщение акад. А.М. Деборина о ходе издания академического собрания сочинений А.С. Пушкина. А.М. Деборин указал на то, что издание сильно запаздывает. Тут, с одной стороны, виновата сложность комментирования, с другой, — перегруженность наших пушкиноведов, выполняющих заказы самых различных издательств в связи с приближающейся великой годовщиной. Между тем, к столетию со дня смерти Пушкина необходимо выпустить первое полное собрание его сочинений и поэтому А.М. Деборин предлагает приступить к новому изданию академического Пушкина, исключительно текстовому, не прекращая работы над комментированным собранием сочинений. Новое текстовое издание рассчитывается примерно в 12 томов, значительная часть которых может быть выпущена к юбилею.

Президиум Академии наук одобрил это предложение” [54].

Абрам Моисеевич *Деборин* (*Иоффе*; 1881–1963) — советский философ (марксист); друг Ленина;

меньшевик (с 1928 г. член ВКП(б)). Академик АН СССР (с 1929). Входил в ред. комитет юбилейного акад. собр. соч. Пушкина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Язык вне времени и пространства: Г.О. Винокур о лингвистической утопии Хлебникова / Вступ. ст. [подгот. текста и комментарии] М.И. Шапира // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования, 1911–1998 / Сост.: Вяч. Вс. Иванов и др. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 195–210, 792–803.
2. *Никитин О.В.* “Грустно, что лакеи имеют силу...” (неизвестные письма из архива Б.В. Томашевского) // Научный диалог. 2021. № 8. С. 57–72.
3. *Никитин О.В.* Власть ума (о Борисе Викторовиче Томашевском) // Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение: Курс лекций. М.: Флинта, 2019. С. 6–12.
4. *Проскурин О.А.* Комментарии. “Бахчисарайский фонтан” // Пушкин А.С. Сочинения / Под ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 1. Ч. I. М.: Новое издательство, 2007. С. 251–363.
5. *Проскурин О.А.* Из наследия Винокура-пушкиниста // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 32 / Отв. ред. А.Ю. Балакин. СПб.: Росток, 2016. С. 36–54.
6. *Амитина Е.А., Маньковский А.В.* Некоторые темы переписки Г.О. Винокура и Б.В. Томашевского (1927–1947) // Текст в лингвистике и филологии. К 125-летию со дня рождения Г.О. Винокура: Сб. мат-лов междунар. науч. конференции (Москва, 18–19 нояб. 2021 г.). М.: РГГУ, 2022 (*в печати*).
7. *Цейтлин Р.М.* Григорий Осипович Винокур — пушкинист // Винокур Г.О. Статьи о Пушкине. М.: Лабиринт, 1999. С. 234–242. (Винокур Г.О. Собрание трудов; [т. 2]).
8. *Томашевский Б.В.* Пушкин: [Опыт изучения творческого развития]. Кн. 1–2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956–1961.
9. *Томашевский Б.В.* Отзыв о диссертации Г.О. Винокура // Из истории московской лингвистики: [Сб. науч. ст. и материалов]. М.: Азбуковник, 2016. С. 110–133.
10. *Пушкин А.С.* Сочинения / Ред., биогр. очерк и примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. В. Десницкого. Л.: Худож. лит., [1936] 1935. LXII, 975 с.
11. *Аронсон М.И., Измайлов Н.В., Бялый Г.А., Оксман Ю.Г.* [Рецензия] // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 2 / [Ред. Ю.Г. Оксман]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 401–414. Рец. на кн.: Пушкин А.С. Сочинения / Ред., биогр. очерк и примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. В. Десницкого. Л.: Худож. лит., [1936] 1935. LXII, 975 с.

12. *Гессен С.* Пушкиниана. Январь – июнь 1936 г. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 2 / [Ред. Ю.Г. Оксман]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 484–498.
13. *Бонди С.М.* Из материалов редакции академического издания Пушкина: Отчет о работе над IV томом // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 2 / [Ред. Ю.Г. Оксман]. М.; Л., 1936. С. 458–468.
14. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений, 1837–1937: [В 17 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949.
15. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина “Евгений Онегин” / Пер. с англ. [Е.М. Видре и др.]. СПб.: Искусство–СПБ: Набоковский фонд, [1998]. 924 с.
16. *Томашевский Б.В.* Пушкин и Лафонтен // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии, 1837–1937. [Вып.] 3 / Ред. кол.: В.Д. Бонч-Бруевич и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 215–254.
17. *Томашевский Б.В.* Пушкин и французская литература // Литературное наследство. Т. 31–32. М.: Журн.-газ. об-ние, 1937. С. 1–76.
18. *Томашевский Б.В.* “Маленькие трагедии” Пушкина и Мольер // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 1 / Ред. изд. Ю.Г. Оксман. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 115–133.
19. *Померанцева Г.Е.* Биография в потоке времени: ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М.: Книга, 1987. 335 с.
20. *Винокур Г.О.* Крымская поэма Пушкина // Красная новь. 1936. № 3. С. 230–243.
21. *Винокур Г.О.* Бахчисарайский фонтан // Литературное обозрение. 1937. № 1. С. 54–60.
22. *Винокур Г.О.* Крымская поэма Пушкина // Бахчисарайский Фонтан: [Сб. ст.]. Л.: Искусство, 1937. С. 3–16.
23. *Новости литературы и искусства // Литературный Ленинград.* 1936. 14 февр. № 8 (153). С. 4.
24. “Лекторий. 13 марта...” // Вечерняя красная газета. 1936. 13 марта. № 59 (5270). С. 4.
25. *Турчаненко В.В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг. (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН). *Прил. 2.* Хроника научных заседаний, организационных собраний и совещаний Пушкинской комиссии в Ленинграде в 1931–1936 гг. // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 34 / Отв. ред. А.Ю. Балакин. СПб.: Росток, 2020. С. 155–180.
26. *Баратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Ред., коммент. и биогр. статьи Е. Курпреяновой и И. Медведевой; Вступ. ст. Д. Мирского. Л.: Сов. писатель, 1936. (Б-ка поэта / Под ред. М. Горького).
27. *Винокур Г.О.* Издания сочинений Баратынского // Книжные новости. 1936. № 12. 30 апр. С. 2–3.
28. [*Шапир М.И.*]. Библиография опубликованных трудов Г.О. Винокура (1916–1988) // Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. С. 405–414.
29. *Пушкин А.С.* Гавриліада: Поэма / Ред., примеч. и коммент. Б. Томашевского. Пб.: [Б. и.], 1922. 110 с. (Труды Пушкинского Дома).
30. *Краснобродько Т.И., Ларионова Е.О.* Копии стихотворений Пушкина в рукописных сборниках XIX века // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 2. Кн. 1. СПб.: Наука, 2004. С. 371–456.
31. *Виноградов А.К.* Мериме в письмах к Соболевскому. М.: Моск. худож. изд-во, 1928. 272 с.
32. *Алексеев М.П.* Заметки о “Гавриилиаде” // Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1972. С. 281–325.
33. Пушкинская комиссия Академии наук СССР // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 1 / Ред. изд. Ю.Г. Оксман. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. С. 362–366.
34. *Азадовский М., Оксман Ю.* Переписка. 1944–1954 / Изд. подгот. [и вступ. ст. написал] К. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 410 с.
35. *Вацуро В.Э.* Борис Соломонович Мейлах // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 14. Л.: Наука, 1991. С. 310–312.
36. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Науч. описание / Сост. Л.Б. Модзалевский и Б.В. Томашевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. XX, 392 с.
37. БДТ: Большой драматический театр имени Г.А. Товстоногова: [Офиц. сайт]. URL: <https://bdt.spb.ru/o-театре/спектакли-бдт-1919-1955-гг/> (дата обращения: 02.03.2022).
38. *Гвоздев А.* Пушкин в театре. (Беседа в редакции) // Литературный современник. 1936. № 8. С. 157–165.
39. *Комарова М.П.* “По напрасну Ванька ходишь...”: [Аудиозапись] // Music.me: [Интернет-ресурс]. URL: https://ru12.intermusic.name/a/2963596-Mariya_Petrovna_Komarova/ (дата обращения: 02.03.2022).
40. Понапрасно, Колчак, ходишь: (Фрагмент) // A-pesni: Песенник анархиста-подпольщика: [Интернет-ресурс]. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/kg/ponaprasno.php> (дата обращения: 02.03.2022).
41. *Томашевский Б.В.* [Рецензия] // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 1 / Ред. изд. Ю.Г. Оксман. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 318–322. Рец. на кн.: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. Евгений Онегин:

- Роман в стихах / Подгот. текста и коммент. Г.О. Винокура. М.: Academia, 1935. 391 с.
42. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печ. и комментир. М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Зенгер. [М.; Л.]: Academia, 1935. 926 с. (Труды Пушкинской комиссии Ин-та рус. лит-ры (Пушкинского Дома) АН СССР. К столетию со дня гибели А.С. Пушкина. 1837–1937).
43. Козмин Н.К., Гессен С.Я., Измайлов Н.В., Казанский Б.В., Язловский Б.А. [Рецензия] // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 2 / [Ред. Ю.Г. Оксман]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 414–429. Рец. на кн.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печ. и комментир. М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Зенгер. [М.; Л.]: Academia, 1935. 926 с.
44. Бонди С.М. М.А. Цявловский и его статьи о Пушкине // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине / [Сост., ред. и примеч. Т.Г. Цявловской]; [Вступ. ст. С.М. Бонди]. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 3–10.
45. Никитин О.В. Из переписки В.В. Виноградова и Г.О. Винокура 1930–1940-х годов // *Studia Russica*. Будапешт, 1997. [Т.] XVI. [С.] 36–52.
46. Шмидт С.О. Г.О. Винокур и академическое издание пушкинского "Бориса Годунова" // Винокур Г.О. Комментарии к "Борису Годунову" А.С. Пушкина. М.: Лабиринт: "Брандес", 1999. С. 6–35. (Винокур Г.О. Собрание трудов; [т. 3].)
47. Бабук О.А. Бычков Иван Афанасьевич // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: Биогр. словарь, т. 1–4 (электронная версия). URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=34 (дата обращения: 02.03.2022).
48. Шапир М.И. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Шапир М.И. Статьи о Пушкине. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 265–274.
49. Винокур Г.О. Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений: (Ответ В.И. Чернышеву) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 6 / Отв. ред. Д.П. Якубович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 462–494.
50. Обнорский Сергей Петрович: Биогр. справка // Информационная система "Архивы Российской Академии наук" (ИСАРАН). URL: <http://isaran.ru/?guid=7FCF9509-139A-9CA7-C133-48204E2E51DF&q=ru/person> (дата обращения: 22.03.2022).
51. Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005 / Редкол.: Н.Н. Скатов и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 600 с.
52. Вяземский П.А. Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова: Вместо предисловия <к "Бахчисарайскому фонтану"> // Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827 / [Сост., подгот. текстов, коммент.: В.Э. Вацуру и др.]. СПб.: Гос. Пушкин. театр. центр, 1996. С. 152–156.
53. В.Э. Мейерхольд. "Пиковая дама": [Опера П.И. Чайковского на сцене ленинградского Малого оперного театра]: Замысел. Воплощение. Судьба: Документы и материалы / [Сост., вступ. ст. и коммент. Г.В. Копытовой]. СПб.: Композитор, 1994. 404 с.
54. Э.Ф. Новое издание сочинений А.С. Пушкина // Литературный Ленинград. 1936. 26 февр. № 10 (155). С. 2.

REFERENCES

1. *Yazyk vne vremeni i prostranstva: G.O. Vinokur o lingvisticheskoj utopii Khlebnikova* [The Language Beyond Time and Space: G.O. Vinokur on Khlebnikov's Linguistic Utopia], introduction, prepared text and comments by M.I. Shapir. *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniya, 1911–1998* [The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Studies, 1911–1998], compiled by V.V. Ivanov et al. Moscow, Yazyki rus. kul'tury Publ., 2000, pp. 195–210, 792–803. (In Russ.)
2. Nikitin, O.V. "Grustno, chto lakei imeyut silu..." (*neizvestnye pis'ma iz arkhiva B.V. Tomashevskogo*) ["It is sad that lackeys have power..." (unknown letters from the archive of B.V. Tomashevsky)]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue]. 2021, No. 8. pp. 57–72. (In Russ.)
3. Nikitin, O.V. *Vlast' uma (o Borise Viktoroviche Tomashevskom)* [The Power of Mind (about Boris Viktorovich Tomashevsky)]. Tomashevsky, B.V. *Stilistika i stikhoslozhenie: Kurs lekcij* [Stylistics and Versification: A Course of Lectures]. Moscow, Flinta Publ., 2019, pp. 6–12. (In Russ.)
4. Proskurin, O.A. *Kommentarii. "Bakhchisarajskij fontan"* [Comments. "The Fountain of Bakhchisarai"]. Pushkin, A.S. *Sochineniya* [Works], ed. by David M. Bethea. Vol. 1, Part I. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007, pp. 251–363. (In Russ.)
5. Proskurin, O.A. *Iz naslediya Vinokura-pushkinista* [From the Heritage of Vinokur the Pushkinist]. *Vremennik Pushkinskoj komissii* [Annals of the Pushkin Commission]. Issue 32, ed. by A.Yu. Balakin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016, pp. 36–54. (In Russ.)
6. Amitina, E.A., Mankovsky, A.V. *Nekotorye temy perezpiski G.O. Vinokura i B.V. Tomashevskogo (1927–1947)* [Some Topics of the Correspondence of G.O. Vinokur and B.V. Tomashevsky (1927–1947)]. *Tekst v lingvistike i filologii. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya G.O. Vinokura: Sb. mat-lov mezhdunar. nauch. konferencii (Moskva, 18–19 noyab. 2021 g.)* [Text in Linguistics and Philology. To the 125th Anniversary of G.O. Vinokur's Birth: Collection of materials of the International Scientific Conference

- (Moscow, November 18–19, 2021).]. Moscow, RGGU Publ., 2022 (in print). (In Russ.)
7. Cejtin, R.M. *Grigorij Osipovich Vinokur – pushkinist* [Grigory Osipovich Vinokur – Pushkinist]. Vinokur, G.O. *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow, Labirint Publ., 1999, pp. 234–242. (Vinokur, G.O. Collected Works. Vol. 2). (In Russ.)
  8. Tomashevsky, B.V. *Pushkin: Opyt izucheniya tvorcheskogo razvitiya* [Pushkin: Experience in Studying Creative Development]. Parts 1–2. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1956–1961. (In Russ.)
  9. Tomashevsky, B.V. *Otzyv o dissertacii G.O. Vinokura* [Review of the Thesis by G.O. Vinokur]. *Iz istorii moskovskoj lingvistiki: Sb. nauch. st. i materialov* [From the History of Moscow Linguistics: A Collection of Scientific Articles and Materials]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016, pp. 110–133. (In Russ.)
  10. Pushkin, A.S. *Sochineniya* [Works], ed., biogr. sketch and notes by B. Tomashevskij, introd. article by V. Desnickij. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., (1936) 1935. LXII, 975 p. (In Russ.)
  11. Aronson, M.I., Izmajlov, N.V., Byaly, G.A., Oksman, Yu.G. *Recenziya na knigu “Pushkin, A.S. Sochineniya, red., biogr. ocherk i primech. B. Tomashevskogo, vstup. st. V. Desnickogo. Leningrad, (1936) 1935. LXII, 975 s.”* [Review of the book “Pushkin, A.S. Works, ed., biogr. sketch and notes by B. Tomashevskij, introd. article by V. Desnickij. Leningrad, (1936) 1935. LXII, 975 p.”]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Issue 2, ed. by Yu.G. Oksman. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936, pp. 401–414. (In Russ.)
  12. Gessen, S. Pushkiniana. *Yanvar' – iyun' 1936 g.* [Pushkiniana. January–June 1936]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Issue 2, ed. by Yu.G. Oksman. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936, pp. 484–498. (In Russ.)
  13. Bondi, S.M. *Iz materialov redakcii akademicheskogo izdaniya Pushkina. Otchet o rabote nad IV tomom* [From the Materials of the Editors of Pushkin's Academic Edition. Report on the Work on Volume IV]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Issue 2, ed. by Yu.G. Oksman. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936, pp. 458–468. (In Russ.)
  14. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenij, 1837–1937* [Complete Collected Works, 1837–1937]. In 17 Vols. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1937–1949. (In Russ.)
  15. Nabokov, V.V. *Kommentarij k romanu A.S. Pushkina “Evgenij Onegin”* [Commentary on A.S. Pushkin's novel “Eugene Onegin”], translated from English by E.M. Vidre et al. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., Nabokovskij fond Publ., 1998. 924 p. (In Russ.)
  16. Tomashevskij, B.V. *Pushkin i Lafonten* [Pushkin and La Fontaine]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii, 1837–1937* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission, 1837–1937]. Issue 3, Editorial Board: V.D. Bonch-Bruevich et al. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1937, pp. 215–254. (In Russ.)
  17. Tomashevskij, B.V. *Pushkin i francuzskaya literatura* [Pushkin and French Literature]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vols 31–32. Moscow, Zhurn.-gaz. ob-nie Publ., 1937, pp. 1–76. (In Russ.)
  18. Tomashevsky, B.V. “*Malen'kie tragedii*” *Pushkina i Mol'er* [Pushkin's “Little Tragedies” and Molière]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* [Pushkin: Annals Pushkin Commission]. Issue 1, ed. by Yu.G. Oksman. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936, pp. 115–133. (In Russ.)
  19. Pomeranceva, G.E. *Biografija v potoke vremeni: ZHZL: zamysly i voploshcheniya serii* [Biography in the Stream of Time: “Lives of Remarkable People”: Concepts and Realizations of the Series]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 335 p. (In Russ.)
  20. Vinokur, G.O. *Krymskaya poehma Pushkina* [Pushkin's Crimean Poem]. *Krasnaya nov'* [Red Virgin Soil]. 1936, No. 3, pp. 230–243. (In Russ.)
  21. Vinokur, G.O. *Bakhchisarajskij fontan* [The Fountain of Bakhchisarai]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review]. 1937, No. 1, pp. 54–60. (In Russ.)
  22. Vinokur, G.O. *Krymskaya poehma Pushkina* [Pushkin's Crimean Poem]. *Bakhchisarajskij fontan: Sb. statej* [The Fountain of Bakhchisarai: Collection of articles]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1937, pp. 3–16. (In Russ.)
  23. *Novosti literatury i iskusstva* [Literary and Art News]. *Literaturnyj Leningrad* [Literary Leningrad]. 1936, February 14, No. 8 (153), p. 4. (In Russ.)
  24. “*Lektorij. 13 marta...*” [“Lecture Hall. March 13...”]. *Vechernyaya krasnaya gazeta* [Evening Red Newspaper]. 1936, March 13, No. 59 (5270), p. 4. (In Russ.)
  25. Turchanenko, V.V. *Nauchnye zasedaniya, organizacionnye sobraniya i soveshchaniya Pushkinskoj komissii Akademii nauk SSSR v Leningrade v 1931–1936 gg. (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN). Pril. 2. Khronika nauchnykh zasedanij, organizacionnykh sobranij i soveshchanij Pushkinskoj komissii v Leningrade v 1931–1936 gg.* [Scientific Meetings, Organizational Meetings and Meetings of the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences in Leningrad, 1931–1936. (On the materials of the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences). Appendix 2. Chronicle of Scientific Meetings, Organizational Meetings, and Meetings of the Pushkin Commission in Leningrad in 1931–1936]. *Vremennik Pushkinskoj komissii* [Annals of the Pushkin Commission]. Issue 32, ed. by A.Yu. Balakin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020. pp. 155–180. (In Russ.)

26. Baratynsky, E.A. *Polnoe sobranie stikhotvorenij* [The Complete Collection of Poems]. In 2 Vols., ed., comment., and biogr. articles by E. Kupreyanova and I. Medvedeva, introd. article by D. Mirskij. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1936. (The Poet's Library, ed. by M. Gor'kij). (In Russ.)
27. Vinokur, G.O. *Izdaniya sochinenij Baratynskogo* [Editions of Baratynskij's Works]. *Knizhnye novosti* [Book News]. 1936, No. 12, April 30, pp. 2–3. (In Russ.)
28. Shapir, M.I. *Bibliografiya opublikovannykh trudov G.O. Vinokura (1916–1988)* [Bibliography of G.O. Vinokur's Published Works (1916–1988)]. Vinokur, G.O. *Filologicheskie issledovaniya: Lingvistika i poetika* [Philological Studies: Linguistics and Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 405–414. (In Russ.)
29. Pushkin, A.S. *Gavriiliada: Poehma* [Gavriiliada: A Poem], ed., notes and comment. by B. Tomashevskij. Petersburg, without a publ., 1922. 110 p. (Proceedings of the Pushkin House). (In Russ.)
30. Krasnoborodko, T.I., Larionova, E.O. *Kopii stikhotvorenij Pushkina v rukopisnykh sbornikakh XIX veka* [Copies of Pushkin's Poems in Manuscript Collections of the 19th Century]. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collected Works]. In 20 Vols. Vol. 2, Part 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 371–456. (In Russ.)
31. Vinogradov, A.K. *Merime v pis'makh k Sobolevskomu* [Mérimée in Letters to Sobolevsky]. Moscow, Mosk. khudozh. izd-vo Publ., 1928. 272 p. (In Russ.)
32. Alekseev, M.P. *Zametki o "Gavriiliade"* [Notes on "Gavriiliada"]. Alekseev, M.P. *Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya* [Pushkin: Comparative and Historical Studies]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 281–325. (In Russ.)
33. *Pushkinskaya komissiya Akademii nauk SSSR* [Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Issue 1, ed. by Yu. G. Oksman. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936, pp. 362–366. (In Russ.)
34. Azadovsky, M., Oksman, Yu. *Perepiska. 1944–1954* [Correspondence. 1944–1954], the publ. was prepared and the introd. article was written by K. Azadovsky. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 410 p. (In Russ.)
35. Vacuro, V.Eh. *Boris Solomonovich Mejlakh. Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Studies and Materials]. Vol. 14. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 310–312. (In Russ.)
36. *Rukopisi Pushkina, khraryashchiesya v Pushkinskom dome: Nauch. opisanie* [Pushkin's Manuscripts Stored in the Pushkin House: A Scientific Description], comp. by L.B. Modzalevsky and B.V. Tomashevsky. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1937. XX, 392 p. (In Russ.)
37. *BDT: Bol'shoj dramaticheskij teatr imeni G.A. Tovstonogova: Oficial'nyj sajt* [BDT: Bolshoi Drama Theater Named after G.A. Tovstonogov: Website]. Available at: <https://bdt.spb.ru/o-театре/спектакли-бдт-1919-1955-гг/> (date of access: 02.03.2022). (In Russ.)
38. Gvozdev, A. *Pushkin v teatre. (Beseda v redakcii)* [Pushkin in the Theater. (Conversation in the Editorial Office)]. *Literaturnyj sovremennik* [Literary Contemporary]. 1936, No. 8, pp. 157–165. (In Russ.)
39. Komarova, M.P. "Po naprasnu Van'ka khodish'...": *Audiozapis'* ["You're walking in vain, Vanya...": Audio recording]. *Music.me: Internet-resurs* [Music.me: Website]. Available at: https://ru12.intermusic.name/a/2963596-Mariya_Petrovna_Komarova/ (date of access: 02.03.2022). (In Russ.)
40. *Ponaprasno, Kolchak, khodish': (Fragment)* [You're walking in vain, Kolchak: (Fragment)]. *A-pesni: Pesennik anarkhista-podpol'shchika: Internet-resurs* [A-pesni: Songbook of the Underground Anarchists: Website]. Available at: <http://a-pesni.org/grvojna/kr/ponaprasno.php> (date of access: 02.03.2022). (In Russ.)
41. Tomashevskij, B.V. *Recenziya na knigu "Pushkin, A.S. Polnoe sobranie sochinenij: V 9 t. T. 5. Evgenij Onegin: Roman v stikhakh, podgot. teksta i komment. G.O. Vinokura. Moskva, 1935. 391 s."* [Review of the book "Pushkin, A.S. Complete Collected Works: In 9 Vols. Vol. 5. Eugene Onegin. A Novel in Verse, prepared text and comments by G.O. Vinokur. Moscow, 1935. 391 p."]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Issue 1, ed. by Yu.G. Oksman. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936, pp. 318–322. (In Russ.)
42. *Rukoyu Pushkina: Nesobrannye i neopublikovannye teksty* [By Pushkin's Hand: Uncollected and Unpublished Texts], prep. for print and comment. by M.A. Cyavlovsky, L.B. Modzalevskij, T.G. Zenger. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 926 p. (Proceedings of the Pushkin Commission of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences. To the centenary of the death of A.S. Pushkin. 1837–1937). (In Russ.)
43. Kozmin, N.K., Gessen, S. Ya., Izmajlov, N.V., Kazansky, B.V., Yazlovsky, B.A. *Recenziya na knigu "Rukoyu Pushkina: Nesobrannye i neopublikovannye teksty, podgot. k pech. i kommentir. M.A. Cyavlovskij, L.B. Modzalevskij, T.G. Zenger. Moskva, Leningrad, 1935. 926 s."* [Review of the book "By Pushkin's Hand: Uncollected and Unpublished Texts, prep. for print and comment. by M.A. Cyavlovskij, L.B. Modzalevskij, T.G. Zenger. Moscow, Leningrad, 1935. 926 p."]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Issue 2, ed. by Yu.G. Oksman. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936, pp. 414–429. (In Russ.)
44. Bondi, S.M. *M.A. Cyavlovskij i ego stat'i o Pushkine* [M.A. Cyavlovsky and His Articles on Pushkin]. Cyavlovskij, M.A. *Stat'i o Pushkine* [Articles on

- Pushkin], ed. and notes by T.G. Cyavlovskaya, introd. article by S.M. Bondi. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1962, pp. 3–10. (In Russ.)
45. Nikitin, O.V. *Iz perepiski V.V. Vinogradova i G.O. Vinokura 1930–1940-kh godov* [From the correspondence of V.V. Vinogradov and G.O. Vinokur 1930–1940s]. *Studia Russica*. Budapest, 1997, Vol. XVI, pp. 36–52. (In Russ.)
46. Shmidt, S.O. *G.O. Vinokur i akademicheskoe izdanie pushkinskogo “Borisa Godunova”* [G.O. Vinokur and Academic Edition of Pushkin’s “Boris Godunov”]. Vinokur, G.O. *Kommentarii k “Borisu Godunovu” A.S. Pushkina* [Comments on “Boris Godunov” by Alexander Pushkin]. Moscow, Labirint Publ., “Brandes” Publ., 1999, pp. 6–35. (Vinokur, G.O. Collected Works. Vol. 3). (In Russ.)
47. Babuk, O.A. *Bychkov Ivan Afanas’evich. Sotrudniki RNB – deyateli nauki i kul’tury: Biogr. slovar’, t. 1–4 (ehlektronnaya versiya)* [Employees of the National Library of Russia – Figures of Science and Culture: Biographical Dictionary, vol. 1–4 (electronic version)]. Available at: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=34 (date of access: 02.03.2022). (In Russ.)
48. Shapir, M.I. *Ob orfograficheskom rezhime v akademicheskikh izdaniyakh Pushkina* [Concerning the Orthographic Regime in Academic Editions of Pushkin’s Works]. Shapir, M.I. *Stat’i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur Publ., 2009, pp. 265–274. (In Russ.)
49. Vinokur, G.O. *Orfografiya i yazyk Pushkina v akademicheskome izdanii ego sochinenij: (Otvét V.I. Chernyshevu)* [Orthography and language of Pushkin in the academic edition of his works: (Reply to V.I. Chernyshev)]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Issue 6, ed. by D.P. Yakubovich. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1941, pp. 462–494. (In Russ.)
50. *Obnorskij Sergej Petrovich: Biogr. spravka* [Obnorsky Sergej Petrovich: Biogr. note]. *Informacionnaya sistema “Arkhivy Rossijskoj Akademii nauk” (ISARAN)* [Information system “Archives of Russian Academy of Sciences” (ISARAN)]. Available at: <http://isaran.ru/?guid=7FCF9509-139A-9CA7-C133-48204E2E51DF&q=ru/person> (date of access: 22.03.2022). (In Russ.)
51. *Pushkinskij Dom: Materialy k istorii. 1905–2005* [The Pushkin House: Materials for History. 1905–2005], Editorial Board: N.N. Skatov et al. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2005. 600 p. (In Russ.)
52. Vyazemsky, P.A. *Razgovor mezhdú Izdatelem i Klasikom s Vyborgskoj storony ili s Vasil’evskogo ostrova: Vmesto predisloviya (k “Bakhchisarajskomu fontanu”)* [Conversation between the Publisher and the Classic from the Vyborg Side or from Vasilievsky Island: Instead of a Preface (to “The Fountain of Bakhchisarai”)]. *Pushkin v prízhižnennoj kritike: 1820–1827* [Pushkin in lifetime criticism: 1820–1827], comp., prep. of texts, comments by V.Eh. Vacuro et al. St. Petersburg, Gos. Pushk. teatr. centr Publ., 1996, pp. 152–156. (In Russ.)
53. V.Eh. Mejerkhól’d. *“Pikovaya dama” (Opera P.I. Chajkovskogo na scene leningradskogo Malogo opernogo teatra): Zamysel. Voploshchenie. Sud’ba. (Dokumenty i materialy)* [V.Eh. Mejerkhól’d. “The Queen of Spades” (Opera by P.I. Tchaikovsky on the stage of the Leningrad Small Opera Theatre): Concept. Embodiment. Fate. (Documents and materials)], comp., introd. article and comments by G.V. Kopytova. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 1994. 404 p. (In Russ.)
54. Eh.F. *Novoe izdanie sochinenij A.S. Pushkina* [A New Edition of the Works of A.S. Pushkin]. *Literaturnyj Leningrad* [Literary Leningrad]. 1936, February 26, No. 10 (155), p. 2. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 02 апреля 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 12 апреля 2022 г.
 Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.
 Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on April 02, 2022
 Revised on April 12, 2022
 Accepted on April 29, 2022
 Date of publication: June 30, 2022